ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова. Новый пер., д. № 7.
1877.

Ив. Ив. Соколов

ВЫПУСК II

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ

ОБЩЕСТВО

ПО ИЗУЧЕНИЮ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ЗАПИСКИ

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова. Новый пер., д. № 7.
1877.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ДИССЕРТАЦІЯ

на соисканіе ученой степени доктора философіи

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ЦЮРИХСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОППОНЕНТЫ

Bayerische
Staatsbibliothek
München

IOANNIS BOCCACCII

AD

MAGHINARDUM DE CAVALCANTIBUS

EPISTOLAE TRES.

ТРИ ПИСЬМА

ДЖЬОВАННИ БОККАЧЧЬО

КЪ

МАЙНАРДО ДЕ'КАВАЛЬКАНТИ.

1375-1875

21-го декабря.

2,[1]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. В. Демакова. Новый пер., д. № 7.
1876

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 19 мая 1876 г.

Осенью 1372-го Боккаччьо былъ въ послѣдній разъ въ Неаполѣ и возвратился въ Тоскану весной слѣдующаго года [1]). Первое (I) изъ слѣдующихъ ниже писемъ, начатое 10-го августа и конченное 27-го, написано имъ изъ Чертальдо; что оно относится къ 1373-му году, тому доказательствомъ служатъ слова Боккаччьо: Sexagesimum enim annum ago; онъ, какъ извѣстно, родился въ 1313 г. Письмо обращено къ Mainardo de'Cavalcanti, съ которымъ Боккаччьо сошелся въ Неаполѣ еще въ 1362—3 годахъ. Оно наполнено жалобами на состояніе здоровья: мы узнаемъ, что уже въ эту пору Боккаччьо страдалъ той болѣзнью, которой подвергался и Петрарка, которая заставила его самого, въ январѣ или февралѣ 1374 г., оставить только-что занятую имъ каѳедру [2]).—Болѣзнь описана подробно, мелкими штрихами, съ бытовыми подробностями, къ которымъ пріучилъ насъ авторъ Декамерона. Боккаччьо заболѣлъ ночью; въ цѣломъ домѣ никого, только „adstabat mihi sola ancillula quædam, *cujus multis annis obsequio usus sum*"—вѣроятно Бруна, упомянутая въ завѣщаніи Боккаччьо: Ancora lascio alla Bruna, figliuola che fu di Ciango da Montemagno, *la quale lungamente è stata con meco*, il letto nel quale era usa di dormire ad Certaldo, cioè una lettiera d'albero, una coltricetta di penna, un piumaccio, una coltre bianca piccola da quel letto и т. д. [3]). Далѣе, мы переносимся въ жизнь мелкаго городка, гдѣ серьезная врачебная помощь не мыслима: присутствуемъ при совѣщаніи сосѣдей, досужихъ людей, толкующихъ о томъ, какъ помочь заболѣвшему, и призы-

---

[1]) См. хронологію Боккаччьо у Witte, при его переводѣ Декамерона (3-e Ausg. 1859 г.) v. I, p. XCIX.

[2]) l. c. XLIV и C.

[3]) Opere volgari di G. Boccaccio ed. Moutier, v. XVII: Lettere volgari di G. B. p. 139—140.

вающихъ доморощеннаго эскулапа, который жжетъ и рѣжетъ больного и говоритъ, въ успокоеніе, что облегчилъ его, выпустивъ ему не крови, а смертоноснаго яда, отъ котораго онъ несомнѣнно бы умеръ.

Но перейду къ болѣе веселому сюжету, продолжаетъ Боккаччьо: слышалъ я, пишетъ онъ далѣе къ Кавальканти, что ты женился, и молю Бога и всѣхъ святыхъ, чтобы бракъ твой былъ счастливъ. —Въ письмѣ подъ № II, обращенномъ къ тому же Кавальканти, Боккаччьо проситъ его поклониться новому его свояку (novus affinis tuus), Донату сыну Якова (Donatus Jacobi). Разумѣется Donato Acciaiuoli, сынъ Якова и братъ Андреи или Андреины, упомянутой въ духовномъ завѣщаніи Якова отъ 1356 года [1]), вышедшей въ первый разъ (1364 г.) за Francesco di Simone Guidi, графа di Battifolle e Poppi, во второй — за Mainardo Cavalcanti [2]). Кавальканти, стало быть, женился на вдовѣ. Извѣстно, что вдовій бракъ уже въ Римѣ былъ обставленъ менѣе почетными обрядами, чѣмъ дѣвичій, и что этотъ предразсудокъ продолжаетъ существовать въ обычаяхъ европейскаго простонародья. Такъ между прочимъ и въ Италіи. По словамъ Angelo degli Ubaldi, юрисконсульта XV-аго вѣка, въ Перуджіи вдовы вѣнчались лишь ночью. Этимъ объясняется одобреніе, которое высказываетъ Боккаччьо въ разбираемомъ нами письмѣ: „Audivi te sacros celebrasse hymeneos, *face tamen nocturna*, ex quo arbitror te in id ivisse consilium, quod tibi, quibus potui et omnibus rationibus, suaseram“. — Если въ августѣ 1373-го года Боккаччьо могъ знать лишь по слуху о бракѣ Кавальканти, то необходимо предположить, что онъ состоялся лишь незадолго передъ тѣмъ.

9-го августа 1373 года флорентійцы рѣшили учредить „на пользу стремящихся къ добродѣтели“ каѳедру для толкованія Божественной Комедіи, „изъ которой и неученые люди могутъ извлечь наставленія, какъ избѣгать пороковъ и пріобрѣсть добрые нравы и научиться красотамъ краснорѣчія“. На эту каѳедру вступилъ впервые 23-го октября 1373 года Боккаччьо [3]). — Наше письмо № II показываетъ, что 13-го сентября того же года онъ былъ еще въ Чертальдо. Получивъ письмо

---

[1]) См. L. Tanfani, Niccola Acciaiuoli: Documenti p. 189.

[2]) Litta, Famiglie celebri italiane fasc. LX, disp. 106: Acciaioli di Firenze, parte II, tav. V.

[3]) Witte l. c. XLIII.

Боккаччьо отъ 10—27 августа, Кавальканти такъ былъ тронутъ описаніемъ его недуговъ, что прослезился. За это благодаритъ его Боккаччьо письмомъ отъ 13-го сентября, приравнивая своего друга къ Александру Македонскому, Марку Марцеллу, Помпею и др., также проливавшимъ слезы умиленія; благодаритъ за подарки, въ которыхъ онъ нерѣдко нуждался, такъ какъ не умѣлъ устроить своего матеріальнаго положенія, какъ съумѣлъ то сдѣлать другъ его Петрарка [1]). —Куда адресовано второе письмо—остается неизвѣстнымъ; ясно только, что не въ Неаполь, потому что Боккаччьо проситъ своего друга поклониться отъ него, когда будетъ писать въ Неаполь, своей супругѣ и другимъ, между прочимъ „новому твоему свояку, Донату, сыну Якова“, т. е. Донату Acciaiuoli. О послѣднемъ извѣстно, что еще юношей онъ отправился въ Грецію, посланный туда великимъ сенешалемъ Николаемъ Acciaiuoli, который въ январѣ 1365 года сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ въ княжествѣ Ахайи и въ кастелланіи Коринѳа. Въ 1373 г. онъ вернулся изъ Греціи [2]), и надо полагать, что 13 Сентября того же года Боккаччьо уже зналъ о его возвращеніи.

Интереснѣе всего во второмъ письмѣ взглядъ старика Боккаччьо на свой Декамеронъ, взглядъ, характеризующій вторую половину его литературной дѣятельности и проявляющійся съ 60-хъ годовъ. До тѣхъ поръ пѣвецъ любви и жизненной прозы, онъ становится эрудитомъ и проповѣдникомъ нравственности; ему было лѣтъ 40, когда совершился этомъ переломъ: полагаютъ, что въ 1363—70-хъ годахъ написаны всѣ его ученые, энциклопедическіе труды [3]). — Кавальканти писалъ ему съ нѣкоторымъ смущеніемъ, что не читалъ еще его трудовъ (libellos meos); Боккаччьо отвѣчаетъ, что извиненіе не у мѣста, его труды не таковы, чтобы слѣдовало спѣшить прочесть ихъ, оставляя въ сторонѣ все другое. Къ тому же лѣтній жаръ, короткія ночи, молодая жена, домашнія заботы:—все это можетъ отвлечь отъ занятій нетолько молодого воина, но и старика ученаго. Ты пишешь мнѣ, что приступишь къ чтенію зимою; это хорошо, если не найдется лучшаго занятія. Но вотъ чего я не похваляю: ты дозволилъ своимъ домамъ читать мои домашнія шутки (dome-

---

[1]) См. Amorosa visione, cap. XIV, terz. 19 seqq.
[2]) Litta l. c. Tanfani, l. c. 150.
[3]) Witte l. c. XCIX.

*

sticas nugas). Не дѣлай того, прошу тебя. Ты знаешь, какъ много тамъ неприличнаго, подстрекающаго къ грѣховной любви; я не сомнѣваюсь, что честныхъ женщинъ это не побудитъ къ недозволеннымъ поступкамъ, subeunt tamen passu tacito aestus illecebres. Предоставь это чтеніе юношамъ, кичащимся въ народѣ, что многихъ честныхъ женъ они совратили. Если тебя не трогаетъ честь твоихъ дамъ, то пожалѣй хоть меня: вѣдь тѣ, кто будетъ читать меня, почтутъ меня грязнымъ сводникомъ, старикомъ прелюбодѣемъ, жадно пересказывающимъ чужіе грѣшки. У меня не вездѣ найдется защитникъ, который сказалъ бы: Писалъ онъ это, будучи еще юношей и понужденный приказаніемъ свыше (королева Іоанна?). Моему возрасту это неприлично, и хотя я не особенно добродѣтеленъ, и былъ имъ еще менѣе, я не желалъ бы, чтобы мое имя и слава запятнаны была въ глазахъ такихъ женщинъ, какъ твои.

Такова была точка зрѣнія Боккаччьо лѣтъ 20 спустя послѣ того, какъ оконченъ былъ (приблизительно въ 1353 г.) Декамеронъ, въ предисловіи къ которому онъ выразилъ мнѣніе, что именно женщинамъ его разсказы будутъ наиболѣе полезны: стыдливость и страхъ заставляютъ ихъ таить въ груди любовное пламя, затворническая жизнь въ семьѣ наводитъ на нихъ грустныя мысли; мущина всегда найдетъ возможность развлечься; влюбленнымъ женщинамъ Боккаччьо предлагать Декамеронъ, какъ средство развлеченія. — Въ 1373 г. онъ боится даже мысли, что его сборникъ можетъ попасть къ нимъ въ руки.

Въ числѣ пожеланій своему другу Боккаччьо выражаетъ и слѣдующее: чтобы онъ достойнымъ образомъ воспиталъ будущаго своего сына, futuram tibi prolem.

Мѣсяцъ съ небольшимъ спустя, 23 октября 1373 г., Боккаччьо вступилъ на каѳедру въ качествѣ перваго публичнаго толкователя Божественной Комедіи. Возобновившаяся болѣзнь принудила его прекратить чтеніе, и онъ удалился въ Чертальдо въ январѣ или февралѣ 1374 г. Въ этотъ промежутокъ времени, между октябремъ 1373 и январемъ или февралемъ слѣдующаго года, у пріятеля его Кавальканти родился сынъ, и Боккаччьо былъ его воспреемникомъ, о чемъ онъ самъ упоминаетъ въ письмѣ, которымъ посвятилъ Кавальканти свою книгу: De casibus virorum illustrium. Посвятительное письмо относятъ къ 1374 году [1]). Бок-

[1]) Witte l. c. LXV.

каччьо проситъ въ немъ Кавальканти: tuo nomine emittas in publicum; надо полагать, что написано оно ранѣе 19 іюля 1374 г., т. е. смерти Петрарки, иначе Боккаччьо не оставилъ бы въ книгѣ, ранѣе того напи-санной (Diu.... emunctum ex ingenio meo opusculum... me penes ocio-sum fuit), слѣдующихъ словъ, красующихся на ея послѣднихъ страни-цахъ: Attamen, cum humanum peccare sit, compatiendum ignorantiæ est meæ, non arrogantiæ imputandum. Sane ne perseverando videar aeterni luminis hostis, quaeso per dulce atque praeclarum decus philosophiæ pru-dentiores indulgeant. Et is potissimum, qui splendidissimum tam morum spectaculum, quam commendabilium doctrinarum jubar vividum est, Pet-rarcha laureatus insignis præceptor meus, aequa cum caeteris qualitate agat, ut suppleatur quod omissum sit, et superfluum resecetur.

Трактатъ De casibus virorum ilustrium интересенъ не столько по сво-имъ біографическимъ и историческимъ даннымъ, имѣющимъ извѣстную цѣнность лишь въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда Боккаччьо говоритъ о событіяхъ недавнихъ, либо имъ видѣнныхъ (сл. главы о герцогѣ Аѳинскомъ, о Филиппѣ Катанской),—сколько по тѣмъ размышленіямъ, которыя, являясь послѣ извѣстнаго цикла разсказовъ, представляютъ какъ-бы ихъ нравственный выводъ. Выдѣлить изъ массы общихъ мѣстъ нравоучительнаго характера, что въ нихъ принадлежитъ самодѣятель-ности мысли, міросозерцанію самого Боккаччьо, и что афоризму, выне-сенному изъ чтенія классиковъ—также трудно, какъ трудно установить подобное дѣленіе для дидактическихъ сочиненій и писемъ Петрарки. Цѣ-лыя главы посвящены у Боккаччьо общимъ обличеніямъ гордыхъ (I, 4, 13; II, 5), легковѣрныхъ (I, 10), сладострастныхъ правителей (III, 4), невѣжественныхъ юристовъ (III, 4) и жадныхъ (VII, 7); есть главы о по-слушаніи (II, 2), любостяжаніи (II, 8), обманѣ (II, 23), о благородствѣ (VI, 3) и т. д.; о женщинахъ (I, 17: In mulieres): здѣсь Боккаччьо от-кровененъ и говоритъ отъ себя: взгляды на женщину въ сущности тѣ-же, что и въ его Corbaccio и въ многочисленныхъ произведеніяхъ сред-невѣковой дидактики: Blandum et exitiale malum mulier—разумѣется, съ немногими исключеніями. Это—тотъ же поворотъ къ ригоризму, выраже-ніемъ котораго служилъ ужасъ состарѣвшагося автора передъ откровен-ностью своего Декамерона.

Для характеристики личныхъ воззрѣній Боккаччьо въ сравненіи съ тѣмъ, что у него и у Петрарки мы могли-бы назвать классическимъ то-

никомъ, интересны главы (I, 15; III, 1, 17), посвященныя восхваленію нищеты. Извѣстно, какъ поэтически воспѣлъ ее св. Францискъ; въ нижней церкви въ Ассизи Джьотто изобразилъ его аскетическо-демократической идеалъ; но развитіе городской жизни давно стало съ нимъ въ разрѣзъ, и тотъ же Джьотто, когда чувствовалъ себя флорентійскимъ буржуа, возставалъ противъ восхвалявшихъ нищету, какъ вольную, такъ и невольную [1]); тоже говоритъ позднѣе Fazio degli Uberti [2]). И въ глазахъ Боккаччьо судьба бѣдняка представлялась жалкой: всякій его сторонится, никто не хочетъ имѣть его своимъ другомъ. Неудивительно, что все жаждетъ денегъ,

poichè virtute
Senza danari nel mondo si vieta.
Il cui valor, se fosse alla salute
Di quel pensato, ch'uomo pensar dee,
Non le ricchezze sarian si volute.
Ma io mi credo, che parole ebree
Parebbono a ciascun chiaro intelletto
Il dir che le ricchezze fosser ree,
Aveggnachè in me questo difetto
Piuttosto che in altro caderia,
Tanto disio d'averne con effetto.
Nè da tal desidero mi trarria
Alcun, tanto il pregar mi par noioso,
Che di danar sovvenuto mi sia [3]).

И самъ Боккаччьо и въ письмахъ, и въ стихахъ [4]) жалуется на свою бѣдность и обращается за помощью къ друзьямъ и благотворительность величаетъ, какъ божественное устроеніе. Все это отзывается дѣйствительностью — и рядомъ съ этимъ отзываются общимъ мѣстомъ восторженныя похвалы бѣдности, напр. въ De Genealogia Deorum (l. XIV, c. 4 in fine), и въ De casibus.—O male cognita plurimis, humilis et appetenda paupertas...O quam pulchrum sanctumque plurimum, tecum parvis insis-

---

[1]) Carducci, Rime di Cino da Pistoia etc. p. XXXI--II, 143—146.
[2]) l. c. p. 302—8, №№ VII и VIII.
[3]) Amorosa visione, c. XIV, in fine.
[4]) Rime ed. I. Moutier, sonetto № VIII.

tere laribus, rura diligere, solitudines colere, superflua vilipendere, sub arborum umbra, secus argenteos rivulos meditari cœlestia volentes (l. c. I, 15). И Боккаччьо при другомъ случаѣ возвращается къ этому панегирику, чтобы разсказать намъ fabliau (fabellam), слышанный имъ въ юности отъ своего учителя, астронома Андалоне дель-Негро (III, 1), не разъ поминаемаго имъ въ De Genealogia. Я приведу его разсказъ въ извлеченіи.

„Cum igitur juvenis Neapoli olim apud insignem virum atque venerabileм Andalo de Nigro Genuensem caelorum motus et syderum eo docente perciperem, inter legendum die una hujusmodi verbum occurrit: Non incusanda sydera sunt, cum sibi infortunium quaesierit oppressus. Quod audiens, festivus, esto longaevus, hilari vultu inquit: Hoc profecto lepida fabella, et antiquissima probatum est. Quam, quibusdam egregiis nobilitate viris auditoribus sumptis, et a me peroratus ut diceret (cum placidi et flexibilis esset ingenii), confestim diserto sermone sic inquit:

Sedebat forsan in trivio Paupertas amicta centuculo, et obducto supercilio, et secum (ut moris est) revolvebat plurima. Eo ferente casu, Fortuna superbo fastu et numine pleno transiens, oculos injecit in eam. Adversus quam ridentem atque praetereuntem Paupertas, nullis fere onusta laciniis, surrexit et acri vultu inquit: Quid stolida rides? Cui Fortuna: Miror te ipsam macie obsitam, strabosam, scabiosam, pallentem, palliastro tenui, semesisque vestibus semitectam, amicitias fugantem ac canes quocunque veneris excitantem, et non urgente extremitatis tuæ verecundia, in solitudine residentem.—His irritata Paupertas vix manus continuit dixitque: Ecce si insipida arbitraris, quasi dea sis, ut stolidi credidere, te quidem agente, sic ferme. Non equidem, quinimo me volente sinamus haec: cum tibi sit plena mollisque cutis, roseus color ac purpurea vestis et ancillarum longior ordo. Visne mecum in palaestra certare viribus? Vides tu, ait Fortuna sedato risu, quam obstinati animi haec misella sit? In ultimum gentium sortem illam deduximus, nec mentis tamen superbiam satis adhuc opprimere potuimus. Слѣдуетъ перебранка между Fortuna и Paupertas, которая выговариваетъ себѣ право: ut fas sit victrici victæ quam voluerit ponere legem. Исходъ битвы благопріятный для нищеты, которая обращается къ фортунѣ съ такимъ требованіемъ: Tuo quippe arbitrio (postquam sic errori veterum visum est) posuere superi Fortunium Infortuniumque. Ego medium volo tanti imperii subtrahere et jubeo ut in

publico Infortunium palo alliges firmesque cathenis, ut non solum nequeat cujusquam intrare limen, sed nec inde discedere, nisi cum eo qui nexus solverit. Fortunium quovis mitte, tuque a jure meo, dum id feceris, libera esto. Mirabile dictu, quod nunquam ante fecerat, nec erat factura in posterum, annuit: Paupertati hac vice Fortunam servasse fidem, et Infortunium palo alligatum solis solventibus liquisse. Ex quo satis, optimi juvenes, potestis advertere veteri fabella probatum, quod ante non insipide dicebatur.

Разсказъ Боккаччьо относится къ тому литературному роду, который былъ извѣстенъ во Франціи подъ именемъ: Debats, Desputoison, и въ Италіи развился, вѣроятно, подъ французскимъ вліяніемъ. Какъ въ старофранцузской литературѣ существовали Bataille de Karesme et de Charnage, Desputoison de la Sinagogue et de Sainte-Église, такъ и генуэзское стихотвореніе XIII—XIV в. выводитъ на сцену препирающихся Gula и Ratio [1]), и подобные же сюжеты избиралъ Bonvesin da Riva. Мы имѣемъ дѣло съ разновидностью аллегорическаго жанра, не всегда коренившагося въ измышленіяхъ школы, а иногда и въ народныхъ представленіяхъ. Фортуна въ новеллѣ Боккаччьо—доля народныхъ сказокъ, напр. русскихъ: Fortunium, Infortunium — это двѣ доли, достающіяся человѣку: bona fortuna, mala fortuna [2]). Классическій языкъ не знаетъ fortunium, оно является въ средніе вѣка: fortunium=Glucke, geluck противополагается infortunium=unglucke, ongeluck [3]).—Если я позволилъ себѣ перевести fabella Боккаччьо словомъ fabliau, то сдѣлалъ это не потому, чтобы могъ съ положительностью указать на таковой источникъ его разсказа, а лишь желая напомнить, что при извѣстномъ знакомствѣ Боккаччьо съ повѣствовательной литературой Франціи такой источникъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

---

[1]) Lagomaggiore, Rime genovesi della fine del s. XIII e del principio del s. XIV въ Archiv. Glottologico II, 2, p. 296—304.

[2]) Сл. представленіе фортуны въ Декамеронѣ, Giorn. X, Nov. 1.

[3]) Ducange Gloss.: fortunium, infortunium; Diefenbach, Supplem. a. v.

Письма №№ I—II печатаются по ркп. Riccard. 803, по копіи, свѣренной съ сіэнской рукописью и уступленной мнѣ г-мъ Карломъ Gargiolli, бывшимъ профессоромъ лицея въ Піаченцѣ, нынѣ центральнымъ провизоромъ въ итальянскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія .[1]) Извѣстныя дотолѣ по отрывкамъ, письма эти печатаются впервые въ полномъ объемѣ.—Письмо № III извлечено изъ слѣдующаго изданія: Ioannis Bocatii De Certaldo historiographi clarissimi De Casibus virorum illustrium libri novem. Aug. Vindel., studio et opera Hieron. Ziegleri Rotenburgensis. MDXLIIII.

За нѣкоторыя исправленія текста и поясненія къ нему приношу мою благодарность проф. Помяловскому

Александръ Веселовскій.

---

[1]) О ркп. см замѣчанія Baldelli въ изд. Moutier, Op. volgari di G. B. t. XVI: Rime, p. 155—7, nota 2.

I.

Generoso militi domino Maghinardo de Cavalcantibus praeclaro Regni Siciliæ marescalco.

Miraberis, miles egregie, quod tam diu distulerim ad te scribere, nec dubium, quin accusandus essem, ni in contrarium surgeret honestissima, esto odiosa tam longæ dilationis causa. Audisse potuisti, ni fallor, quantum infirmus fui! Heu mihi! Dixi fui, quasi non sim; imo sum. Et quod multo pejus, nulla de proximo spes mihi salutis est. Quod, ut clarius possis advertere, etiam si alia scribenda occurrant plurima, hoc unum, scilicet quæ mihi causa diu aegrotanti nec ad te scribenti (vita) fuerit, et sic libet explicare paucis, et potissime postquam pauxillum his diebus, quasi e faucibus eductus orci, concessum est respirare fesso. Postquam igitur, honorande mihi semper, te ultimum vidi, semper vita fuit fere simillima morti, afflicta, taediosa et sibimet odiosa, non unico tantum vexata stimulo: nam ante alia incessabilis mihi et igneus pruritus fuit et est, sic et scabies sicca, cujus abradere squamas aridas et scoria die noctuque vix sufficit unguis assidua. Praeterea ventris ponderosa segnities, renium pespetuus dolor, splenis turgiditas, bilis incendium, tussis anhela, raucum pectus et attonitum caput, nec non et alia plura, quae si enumerem, corpus omne languidum et humores in se discordes omnes facile dices. Ex quibus fit, ut mihi sit caelum inspicere grave, onerosa corporea moles, titubans gradus, tremula manus, pallor stygius, appetitus cibi nullus et rerum omnium displicentia. Odiosæ mihi sunt litterae et qui nuper amantis-

simi erant libelli, displicent. Animi remissæ sunt vires, memoria fere nulla et hebes ingenium. Cogitationes omnes meæ in sepulcrum declinant et mortem, et quod mihi praecipuum solamen erat, sublatum est: Musæ, quarum coelesti cantu oblectabar aliquando, tangenti Marone et Petrarcha nostro aliisque nonnullis sacro plectro castaliam liram, obmutuere et silet camerula, quam consueveram sentire sonoram. Et breviter, in tristitiam tendunt omnia mea. Stant tamen inter tot mala vivax oculorum acies nec ulla adhuc infectus nausea stomachus, et post fricatam unguibus diu scabiem gratissima somni quies. His pauculum refocillor subsidiis; remedia nulla mihi sunt, nec hic medicus nec medela, etsi sit nulla mihi fides in illis: vivo natura et appetitu ducibus. O miserum me! si me videris, vix agnosces: non oris habitus ille priscus, non oculorum laetitia est, adeo ossibus impressa pellis, ut Erisichton videar [1]) potius quam Johannes, et effectum corpus exsangue cadaver, quam animata congeries. Et sic quid de me futurum sit, ipse non video, mortem cupio, quæ non equidem intempesta foret: sexagesimum enim annum ago. Satis, imo multum vixi, et vidi quæ proavi non videre mei, nec quid novi, etiam si duplicentur anni, videre queam, jure exspectare debeo, ni forte volitare montes et flumina in fontes redire speravero, quod ridiculum est. Si ergo veniat, unde aegre suscipiam me, ut jam afforet malorum finis omnium, antequam gravior amicis efficiar. Et ne te ulterius

---

[1]) Teseide, l. IV, st. 27:

Egli era tutto quanto divenuto
Sì magro, che assai agevolmente
Ciascun suo osso si sarie veduto:
Nè credo che Erisitone altrimente
Fosse nel viso etc.

Ср. ib. l. VI st. 63 и Ovid. Mtmrph. VIII, 739.

afflictionibus meis afficiam, habes cur non scripserim, habes quid sentiam et quid cupiam, habes hucusque, miles inclite. IV-o idus Augusti tribus tam paucis litteris diebus concessis continuis scripseram, nec erat animus mihi praeter recommendationes aliquas superaddere et in sequenti die litterulam claudere. Sane novo et anxio eventu quod disposueram sublatum est. Nam eadem qua supra die, cadente jam sole, debilem, fessum et vix spirantem ignita febris invasit repente, tanto cum impetu, ut primo impulsu me victum crederem. Et sic conscendi lectulum, ratus non amplius meis pedibus descensurus; et crescente nocte, crescebat incendium. Ego autem infesto ardore et acri capitis dolore vexatus, suspiria emittens, igneas et tenues quandoque voculas passionem testantes meam (non enim mihi mos est mugitus emittere, ut plerique faciunt), huc illuc ferebar, quaeritans motu illo febrem ludere et parvo vestimentorum frigore aethneum sedare incendium. Et quoniam adversus tam validas caloris immensi vires me exhaustum et imbecillem sentiebam, in finem meum me omnino iturum rebár, et de vita praesenti desperans, de futura incepi meditationes intrare. Et dum me, scelestum hominem, ante tribunal Judicis cuncta cernentis primo e corpore egressu iturum noscerem et justam ejus iram in crimen meum severumque cor futurum mecum revolverem, tantus me pavor intravit, ut tremerem totus et veras mei conscius emitterem lacrimas. Adstabat mihi sola ancillula quaedam, cujus multis annis obsequio usus sum, quæ me videns et existimans quantum aegritudine victus, lacrimabatur et incompte ac insipide satis cepit conari pauculas vires meas in patientiam erigere. Ego autem medio ardoris in aestu ridebam illius inscientiam et te et amicos alios, etsi absentes essetis, tanquam praesentes post trepidationem illam ingentem alloquebar et orabam tacite, quibus poteram

mentibus, ut intercessionibus vestris mihi adeo facilem impetraretis exitum, eumque erga me mitem misericordemque votis faceretis supplicibus; et nonnunquam me ea hora exspiraturum existimans, vale tibi reliquisque dixi. Quid multa? cum in profundissimam noctem venissem, et ecce judicio meo ignis extrorsum ab intrinsecis emissus ab umbilico in fundum usque ventris et dextrum inguen cuncta corripuit. Ex quo sperans egressuram febrem cum ardore illo, paulum patientius cepi exspectare exitum. Sed cum incassum cedere exspectantem adverti, Phaetontis memor incendii, cepi mihi ipsi timere, ne fulmine illo in cinerem iturus essem et, quam ante optaveram, mortem expavescere. Interim post longam exspectationem dies eluxit, et vocatis ex rusticanis amicis quibusdam, ostendo eventum. Mirantur omnes, et cum nihil haberent aliud quod praestarent, ivere in consilium. Hortantur ut medicum advocem, quod ego tamquam superfluum aspernabar, consuetus naturæ accidentium quorumcumque in diem usque illam curam permittere. Tandem ne viderer id potius ob avaritiam facere, quam ob sinistram medicorum habitam opinionem, advoco. Nec credas vero Appollinem, quem primum novisse vires herbarum ajunt [1]), seu Epidaurium Aesculapium vel juniorem horum Hippocratem Chium, sed assuetum curis villicis hominem, equidem satis affabilem et circumspectum. Is autem, postquam vidit igneam illam maculam, e vestigio hepatis ferventis opus esse dixit, superflua nocuaque ad exteriora mittentis, eumque morbum festina curatione indigere;

---

[1]) Teseide l. X, st. 13: Аполлонъ

che tutta ebbe
L'arte con seco, e seppe il ghiaccio e'l foco
E l'umido e'l calore, e che potrebbe
Ciascun'erba o radice.

Сл. De Geneal. Deor. III, 20; VII, 58.

quae si fieret, salus adesset illico, si vero differatur per diem tantum, me infra quartam in certissimam iturum mortem, ratione monstrata. Timui, fateor, jussique medici sequeretur imperium. Nec mora: parantur in excarnificationem meam instrumenta, ferrum et ignis, et accensis lampadibus et in meam carnem extentis atque infixis et demum sublatis, et crebris cultro tonsorio eisdem locis ante praeustis ictibus fracta cutis, iterum et iterum apponuntur, non absque maximo cruciatu meo. Et sic his adtrahentibus, non ante destitere, quam multum sanguinis, imo, ut medicus asserebat, veneni letalis emungerent. Quo peracto: Sanus es, inquit medicus. Quod ego facile credidi, quia plurimum cum sanguine abiisset febris infesta, et ego, qui per duas praecedentes noctes somnium non ceperam, in illum solutus pauxillulum quietis assumpsi. Hinc mihi primum aliquantulum spei futuræ valetudinis affulsit, et demum de die in diem aucta est, sensim priscæ cepere redire vires, adeo ut jam manus, esto debilis ut vides, sufficiat calamo. Verum in alacriorem materiam transeamus. Audivi te sacros celebrasse hymeneos, face tamen nocturna, ex quo arbitror te in id ivisse consilium, quod tibi, quibus potui et omnibus rationibus, suaseram. Si sic est, aut quaecumque sit alia. oro precorque Deum superosque reliquos, ut tibi sibique sit bonum, faustumque sit hoc conjugium, eique laeta et cito subsequatur proles. Quaeso illi me commendatum facias, nam uti te diligo pio integroque mentis affectu, sic illam, esto incognitam, tamen amo Et licet non sperem eam videre, tamen cupio eique reverentiam exhibere condignam. Et ne longius gemina evagetur epistola, Augusti IIII-o Idus incepta et V Kal. Septembris in finem deducta—recommenda me Magnifico militi domino Americo et Salici fratri tuo et saluta Forchettam et longum vale. Certaldi, die qua supra.

Johannes Bocchaccius tuus.

Generoso militi domino Maghinardo de Cavalcantibus praeclaro regni Siciliæ marescalco.

Idibus Septembris post solis occasum.

Strenue miles! Munus tuum insigne suscepi cum litteris id significantibus et aliis pluribus ad me manu tua scriptis, quas non minus avide legi, quam donum verecunde susceperim. Quibus si respondere velim, quia volo, in tumultuariam epistolam vadam necesse est: sic enim rerum diversitas atque numerositas exigit, quod quidem ut aequo feras animo cupio precorque. Scribis ergo, vir clementissime, ante alia, quod dum languoris mei afflictiones fere infinitas legeres, compassione commotus, non absque quodam generoso mentis rubore (quia femineum visum sit), illacrimaveris. Credo scias quas emiseris lacrimas; quid autem in me fecerint, quam cito illas emissas legi, minus te novisse existimo. Indices enim fuere integræ affectionis tuæ in me, quod ego in non parvam fortunæ meæ gloriam adscripsi. Quid, quaeso, mihi depresso homini optabilius contigisse poterat, quam novisse tam certis testibus, quod tanti militis adeo amicus sum, ut meis aegritudinibus suas non fastidiat impendere lacrimas! Illas post hoc tanto cariores suscepi, quanto rariores praestari a splendidis viris pauperibus consuevere. Has demum ego anxietatum mearum lotrices, imo pultrices sensi sentioque, nam non tantum superficie tenus, ut quandoque pinguia flammula lambit [1]), morbosum diluentes te-

[1]) *Filostrato*, Proemio: nè è perciò troppo lungo questo mitigamento, ma quale sopra le cose unte veggiamo talvolta le fiamme discorrere.—*Ameto:* siccome la fiamma si suole nella superficie delle cose unte con subito movimento gittare, e quelle leccate fuggire e poi tornare.—*Corbaccio:* lo nuovo fuoco, che come prima le parti superficiali andò leccando, così poi nelle intrinseche trapassato più vivo divenne.

tigere corpus, verum, dum legerem, ad intrinseca penetrare visum est sane quoddam atque delectabile lenimentum meos titillans sensus, ut sumptus liquor frigidus sitientes. Erubuisse tamen fortis animi quam nocentis argumentum est; se totum effundere in ploratus querelasque sonoras et ululatus, ut nonnulli persaepe faciunt, muliebre profecto est et in viro detestabile; pauculas lacrimulas emisisse humanitatis ac passionis, passi cordis est signum. Nam etsi quidam fortissimi viri praeter naturam sicca facie gravissimas fortunae pertulerunt iujurias, non propterea damnabile est aliquantulum cessisse naturae laboranti. Nam uti qui sicco vultu diros eventus transeunt obstinati ferreique, non minus quam fortes forsan habendi sunt, sic et hi, qui (pro) oculorum roré genas paululum profuderē in adversis, homines et sensibiles se ostendunt. Scio legeris praedonem illum Macedonem, qui parva militum manu omnem orbem aggressus est, dejecto Dario atque amicorum manibus occiso, abstinere nequivisse, quin lacrimas dederit. Praeterea et Marcum Marcellum, praeclarum ducem atque bellorum et armarum laboribus duratum, infortunio Syracusanorum, paulo ante hostium urbe capta et flammis hostilibus crepitante, concessisse lacrimas testatur antiquitas [2]). Et eum, qui fere toto primus praefuit orbi, effusisse veras, ut arbitror, piasque venerando capiti Pompeii magni, generi sui [3]). Sed quid istos quantumcunque praegrandes viros in memoriam tuam veros pietati testes revoco, cum legerimus saepe Christum Dei Filium, verum Deum verumque hominem, Lazaro amico suo defuncto dedisse, cum sciret

---

[2]) Liv. XXV 24. Marcellus, ut, moenia ingressus, ex superioribus locis urbem, omnium ferme illa tempestate pulcherrimam, subiectam oculis vidit, illacrimasse dicitur, partim gaudio tantae perpetratae rei, partem vetusta gloria urbis.

[3]) Plut. Caes. 48.

etiam eum illico surrecturum opere suo. Non equidem ob aliud ab eo factum puto, nisi ut exemplum praesentibus daret et posteritati relinqueret ad explendum etiam lacrimis in amicum integrae caritatis officium. Has ergo humanitas et dilectio vera e penetralibus cordis, etiam obsistentibus praestantissimorum hominum viribus, elicit et in oculos evocatas emittit. Erubescentiam ergo illam pelle, credasque te pii hominis opus egisse, non fluxae mulieris, laeterisque, quoniam testes veros integritatis tuae amico, quantumcunque pauperi, dederis. Preces autem tuas atque tuorum, quas polliceris, ultro videat Deus, quae cum piae justaeque forsitan sint, non dubito quin sensurus sim in conspectu Aeterni Regis pro me interpellasse atque obtenuisse quod poscitur; imo, seu tuae sint, seu reverendissimae atque devotissimae conjugis tuae, jam sentio: nam quem lecrimarum tuarum dulcor, precum virtus in vires pristinas revocat, cum nunquam mihi pruritus fuerit infestior nec unguis acutior aut scalpendi delectatio major. — Sed nunc sinamus ista. Te libellos meos non legisse (quod quasi magnum fateris crimen, cum rideam) non miror: non enim tanti sunt, ut aliis praetermissis magna cum solertia legi debeant. Dato aestivus calor, noctes breves et sponsa nova (ut domesticae rei curam obmiserim) nedum novum et juvenem militem, sed aetate provectum, canum et scholasticum hominem a sacris etiam studiis et amovisse potuissent et excusatum redderent. Quod te autem hieme futura facturum scribis, laudo, ni melior adsit cura. Sane quod inclitas mulieres tuas domesticas nugas meas legere permiseris (var. promiseris) non laudo, quin imo quaeso per fidem tuam ne feceris. Nosti quot ibi sint minus decentia et adversantia honestati, quot Veneris infaustae aculei, quot in scelus impellentia, etiam si sint ferrea pectora, a quibus etsi non ad incestuosum actum illustres

impellantur feminae, et potissime quibus sacer pudor frontibus insidet, subeunt tamen passu tacito aestus illecebres et improvidas animas obscena concupiscentiae tabe nonnunquam inficiunt irritantque. Quod omnino non contingat agendum est, nam tibi, non illis, si quid minus decens cogitaretur, imputandum esset. Cave, igitur, iterum meo monitu precibusque, ne feceris. Sine illas juvenibus passionum sectatoribus, quibus loco magni muneris est vulgo arbitrari, quod multas infecerint petulantia sua pudicitias matronarum. Et si decori dominarum tuarum parcere non vis, parce saltem honori meo, si adeo me diligis, ut lacrimas in passionibus meis effundas: existimabunt enim legentes me spurcidum lenonem, incestuosum senem, impurum hominem, turpiloquum maledicum et alienorum scelerum avidum relatorem. Non enim ubique est, qui in excusationem meam consurgens dicat: Juvenis scripsit, et majoris coactus imperio. Haec autem quantum aetati meae conveniant sine studiis tu nosti, et quamquam minus honestus sim, et longe minus jam dudum fuerim, non facile vellem judicio talium mulierum mea foedaretur fama vel nomen. Sed quid plura? Non dubito quin facias, quod illis tibique mihique pium sanctumque fuerit. — Post haec, miles egregie, video opportunitates meas muneribus tuis superes teque satis ostendas apud magnanimam reginam versatum, et positis pusillanimitatis Florentinae moribus, reginalibus imbutum. Misisti pridie aureum vasculum et nummos aureos in vasculo, splendidum donum et majore me dignum homine; et esto extiterit importuna aegritudinis meae necessitas, non tamen adeo prodigas habeo manus, ut effuderim omne. Stat adhuc, hercle, particula, qua forsan tutari poteram ab insultu hiemali et misellum fovere corpusculum. Satis feceras, imo multum, imo nimium, et potissime, quod hodie rarissimi faciunt, non exspectatur pre-

cibus, quibus grandi precio emuntur obsequia, praevenisse munere necessitudinem pauperis amici: quod adeo laudandus puto, ut nullae satis grandes possint exhiberi gratiae. Verum novissime transcendere etiam pauperiam meam conatus es secundo mittens generosi animi tui testimonium, donum scilicet equum, per quem non solum vicisti indigentiam meam, sed me ad exhibendum grates saltem aliquas elinguem fecisti. Quid enim tibi satis dignum dicere possum, nisi toto ore confiteri quod feceris? Ex luto faecis eripuisti me et cervicem jam pressam ab ergastulo villicorum sustulisti. Quid majus, quid carius, quid optabilius homo suscipere potest ab homine, pauper a divite, obscurus a splendido, senex a juvene? Hinc ut mihi congratulor, postquam quod tibi referam dignum non habeo. Felix sum tam pio, tam liberali, tam magnifico dives amico, imo patrono, et si ut dicam patiaris, domino. Unum tamen obmisisse nolim. Si tibi fortuna pinguis est, quam ego ampliorem fore cupio, non ut in me disgreges et effundas omnem superum benignitatem concessa est, quin imo ut reginae inclitae, cui obnoxius es, cum fide et decore prestes obsequium, splendorem serves militiae et futuram tibi prolem, ut nobilitati competet tuae, suscipias educesque, atque antiquioribus et forsan me dignioribus amicis subvenias, et longe magis Christi pauperibus, quos caeteris praeposuisse debueram. Nam quod his fit, Christo fit, ut ipsemet in Evangeliis asserit. Haec tot non parvis peraguntur sumptibus, et potissime in patria, in qua nedum alia, sed solares et non parvo precio emendi sunt radii. Ego autem, ut ad me redeam, exspectabam suasionibus tuis et meis precibus onus hoc secundum imponendum humeris incliti viri, domini Hugonis de Sancto Severino, quem alterum sua liberalitate senectutis meae praesidium spero. Sed quid adversus Dei beneplacitum in auras verba dif-

fundo, et forsan aures tuas offendo? Opus tuum fore existimo. Continue enim Deum precamur dicentes: panem nostrum quotidianum da nobis hodie, sub panis vocabulo, quantum ad verborum corticem, quaecunque victui opportuna sunt sentientes; quae quidem, ut plurimum carentibus, conceduntur auro seu numismatibus ex auro argentoque confectis. Nunc cum sciamus Deo non manus esse, non pedes, non in regno caelorum officinas habere fabrarias, non incudem vel malleos, aurum argentumve effodi, ex quibus possit, in quantum spiritus et substantia separata, quibus indigemus conflare nummos, velitque: quibus praestat aures, satisfactum est: arte nobis incognita sublimium mentes tangit et in desiderium urget agendi, ex quo fit ut opulenti indigentibus orantibusqne aperiant, et laeta facie, thesauros et horrea atque munificos sinus, et sic divinae sunt manus, incudes, mallei et aerariae officinae hi, a quibus pauperes, quod oramus, obtinemus. Nunc cum meminerim et panem petiisse quotidianum atque dixisse persaepe orans Davidicum illud carmen: Ne projicias me in tempore senectutis cum defecerit virtus mea, ne derelinquas me: liquido operibus tuis video voces meas clementissimi Redemptoris mei tetigisse mentem eisque agentibus non sim projectus senex a facie ejus. Felix equidem es, cum misericordiae tanti opificis organum factus sis. Et ego aeque felix sum, qui a sublimi rerum principe audiri mereor clementia sua et suo jussu ab instrumento tam placido adjuvari. Sibi igitur, datori gratiarum, tibique, ministro ejus, gratias ago quas possum precorque, ut Idem ipse, qui in camino ignis ardentis pueros servavit incolumes, te ab omni hostili impetu et lingua dolosa liberet, salvum faciat et conservet; teque, qui Joseph Pharaoni gratum fecit, sibi et inclitae reginae tuae pro votis gratissimum reddat; atque, uti a gregibus in regale solium David puerum suum

extulit, sic te semper ad majora et clariora evehat usque in splendorem et gloriam sempiternam, in qua suscipias quod sancte peragendo merueris.—Commendationes insuper quas facis ex parte communium amicorum atque majorum meorum, laeto animo suscipio et amplector, precorque, ut versa vice me, dum illis Neapolim scripseris, commendatum facias, et potissime domino Lodovico Regenti, nec minus dominae conjugi tuae, cujus ego honorem et consolationem cupio. Donatus Jacobi, novus affinis tuus, ni decipior, laudabilis homo est et hinc amicus meus, quia tuus sum; et ideo illi me commendes oro. Et aequo modo Johanni Latinuccii nostro, dum illi scripseris; cujus ego tibi litteras, quas mihi misisti, huic alligatas remitto. Et, salva semper reverentia militaris et beneplacitum tuum, non sunt hae meae litterulae, quas tibi familiariter scribo et forte fidenter nimis, nedum a longe mittendae, sed nec etiam in patria ostendendae, ut facis. Nam si, dum illas legis, tua te fallit affectio, non sic alii facile capiuntur et eodem tecum concordant judicio: ex quo fit forsan, ubi meum ampliare nomen et laudem putas, inadvertenter minuis et deturpas. Multum scripsi, nec aegrotantis haec videtur epistola. Sed sic fit, dum ad te scribo, non aliter trahor delectatione, quam si de rebus delectabilibus praesens loquerer una tecum. Parce prolixitati et vale longum, strenue miles. Certaldi.

Johannes Boccaccius tuus.

Ioannes Bocatius de Certaldo historiographus Machinardo ex clara Cavalcantium Familiâ Viro clarissimo.

Diu, strenue miles, emunctum ex ingenio meo opusculum, in quo virorum Illustrium tractantur casus, et ut plurimum infelices exitus, me penes ociosum fuit. Non enim satis mecum conveniebam, cuinam primo illud mittere vellem, ut nomini suo aliquid adferret ornatus, et ejusdem adjutus subsidis, melioribus quam meis auspiciis prodiret in medium. Cupimus enim omnes, quadam umbratili impulsi gloria, quibus auxiliis possumus, fragiles labores nostros nobilitare et diuturniores facere; et scriptores potissime. Et inter alia, quasi multum illis splendoris consequuturum sit, Pontifici, seu Caesari, aut Regi, vel alicui principi maximo titulamus eosdem. Quamobrem longa indagine mentis quaesivi, quem ex multis unum eligerem; et ante alios praepollentes mecum evolvere coepi Pontifices, quorum vetus sanctitas, jamdudum plures, pia affectione, libellos claros reddiderat. Sane dum modernos, ex veteribus exorbitantes (qui lachrymis et orationibus in adversantes devotioni eorum, virtutes coelorum movere consueverant), vidi ex sacerdotalibus infulis galeas, ex pastoralibus baculis lanceas, ex sacris vestibus loricas in quietem et libertatem innocentium conflare, ambire Martialia castra, incendiis, violentiis, christiano sanguine fuso laetari, satagentesque adversus veritatis verbum dicentis: Regnum meum non est de hoc mundo, orbis imperium occupare: horrui retraxique pedem, ratus apud hujusmodi ludibrium potius opusculum meum futurum, quam ob aliquod ejus meritum preciosum; et ab iis frustratus, in hodiernum Caesarem

aciem mentis deflexi. Sed confestim revocavi consilium, sentiens eum magnalium suorum immemorem, praeponentemque Thebani Bacchi vina colentis gloriam splendoribus Martis Italici, nec non torpentem sub Circio in extremo orbis angulo, inter nives et pocula. Sed quid tandem? Subiere pectus anxium qui notis insigniti regiis reges haberi volunt, cum phalerati sunt onagri, et ii potissime, qui hac tempestate praesident regnis. Occurritque primus Gallus Sicamber, qui se temerario ausu genere et moribus praeferre caeteris audet, et cui primates monstravere sui, nedum philosophari turpissimum fore Regi, verum literarum novisse caracteres, detrimentum Regiae Majestatis permaximum signari. Qui sic sapiunt, damnantes in Regibus, quod bellicosos reddit egregios. Inde Hispani, seu Barbari et efferaces homines affuere. Post et Severus Britannus, elatus novis successibus. Sic et Pannonius Bilinguis populi multitudine potius quam virtute valens. Postremo mollis et effeminatus Siculus. Quorum omnium dum mores et vitam segregatim intueor, ne per eorum discurram luxum et inertiam, rectius regum simulachra, quam reges visi sunt. Quopropter nausea quadam vexatus (ne in fabulam deducerem, quod cupiebam extollere), ab indagine destiti, et quasi decreveram illud fortunae manibus committere, et fere jam emissurus eram, dum illi misertus Deus in laudabile consilium incidi. Nemini scilicet, quantumcumque eminenti atque praefulgido principi posse quiddam fidentius quam amico committi, etiamsi extremae sortis homo sit. Quod jampridem persaepe legimus illustres fecisse viros. Et cum tali gratularer animadvertentiae, et ecce quasi tu missus in mentem venisti. Tum ego mecum: Quid inter sylvestres belvas rugientes potius, quam loquentes, magistrae rerum philosophiae hostes quaeris, quod in sinu tuo optatissimum tenes, quod in oculis tuis assidue est, quod te

coram semper obambulat? Nonne vides Machinardum tuum, tua jam diu approbatum sententia, cujus fidem, dilectionem, cujus munificentiam saepe expertus es? Quem ergo alium quaeris? Nonne insuper huic sancta affinitate junctus es? Secum si meminit, unici filii ejus communis pater es. Illi enim dedit ipse naturali lege ut esset, cum paracleto operante spiritu ut bene esset dedisti, dum illum ex sacri fontis lavacro suscepisti. Praeterea is, esto plene philosophicis eruditus non sit, amantissimus tamen studiorum est, et probatorum hominum praecipuus cultor atque eorum operum solertissimus indagator. Nec est, quod tu summopere vitare videbaris, unus ex mercenaria plebe, aut inglorius et degener homo: regia enim militia insignitus est, et egregie, splendido titulo, et ex Cavalcantibus clara civitatis nostrae familia genitus. Ab avorum fulgore non deviat, quinimo singulare decus et priscae virtutis specimen, nomen suum et patriam laudabili fulgore reddit illustrem. Quid multa dixerim? Adeo in sententiam hanc venisse placuit, ut quanto magis mecum ista revolverem, tanto arctius roboraretur consilium et firmius infigeretur animo. Tuo igitur, amantissime mi, dummodo pauperis amici munusculum non renuas, honorando semper nomini dico, quod paulo ante Regali insigniri cupiebam. Suscipe ergo illud liberali animo, si quid sanctum amicitiae nomen, jamdiu inter te et me aequo firmatum animo meretur. Quaeso susceptum, dum per honestum ocium poteris, legas, non equidem legisse poenitebit, si satis ingenium tuum novi. Et inter legendum non pigeat minus decenter se habentia emendasse. Et dum videbitur, post hoc, inter amicos communes, et postremo tuo nomine emittas in publicum, ut ipse pro viribus celebre nomen tuum, meumque, aliquali fulgore, per ora virûm discurrens, illustres. Vale.

ИНДѢЙСКІЯ СКАЗКИ

и

ЛЕГЕНДЫ

СОБРАННЫЯ ВЪ КАМАОНѢ

ВЪ 1875 Г.

И. П. МИНАЕВЫМЪ.

2, [2]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Ѳ. Демакова. Новый пер., д. № 7.

1876.

ДОРОГОМУ ТОВАРИЩУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ВЕСЕЛОВСКОМУ

ПОСВЯЩАЕТЪ

СОБИРАТЕЛЬ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I—XX

Сказки:

Умная жена	1
Шакалъ	8
Прогнанный царевичь	9
Демонъ	14
Глупый сынъ и разумная мать	15
Хитрый Сипай	17
Крохотка	18
Пословица	20
Кули	21
Унесенная царица	22
Перышко	26
Хвастунишка	27
Умный врачь	29
Горные порядки	30
Какъ молодецъ любилъ	30
Грѣхъ и законъ	32
Бхута	33
Невѣрующій	34
Листъ съ изрѣченіями	35
Лату и Бату	37
Полунѣмой	42
Сипай	44
Старикъ и зятья	46
Кошка	49
Шакалъ и куропатка	50
Четырехъ дѣлъ не дѣлай	55
Богачъ и бѣднякъ	57
Четыре драгоцѣнности	59
Счастливый дуракъ	64
Кладъ	66
Несчастная жена	67
Умные зятья	69

Умный царевичь 75
Женское поведеніе 81
Игрокъ 87
Воръ 88
Три занятья 89
Конь въ домѣ, а цѣна по дорогѣ . . . . . —
Писецъ 90
Шесть хлѣбовъ . . . . . —
Хитрый судья 91
Бѣдный брахманъ и клады 92
Мачиха 95
Ракшасй 98
Свое счастье 99
Отданный царевичь 101
Мудрый судъ 103

Легенды:

1. 107
2. 109
3. 112
4. 114
5. 118
6. 119
7. 124
8. 126
9. 129
10. 133
11. 142
12. 148
13. 150
14. 152
15. 154
16. 157
17. 159
18. 164
19. 177
20. 194
21. 200
22. 203
23. 211

Приложенія и примѣчанія:

Бхуты 225
Кхасы и списокъ Камаонскихъ царей 231
Думы 239
Примѣчанія 245

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемые образцы современной индѣйской устной литературы были собраны въ Камаонѣ, во время моего путешествія по Индіи въ 1875. Я счелъ нелишнимъ напечатать ихъ первоначально въ русскомъ переводѣ, главнымъ образомъ имѣя въ виду тѣсный кругъ нашихъ спеціалистовъ, занимающихся сравнительнымъ изученіемъ памятниковъ народнаго творчества или же интересующихся всякимъ новымъ этнографическимъ матерьяломъ; для такихъ читателей не будутъ лишены интереса народныя произведенія, даже не богатыя поэтическими красотами, но отличающіяся неподдѣльною наивностью и оригинальностью. Этихъ качествъ никто не станетъ отрицать въ Камаонскихъ сказкахъ и легендахъ, въ которыхъ съ непосредственною искренностью начертанъ духовный образъ полудикаго горца; простота содержанія и отсутствіе всякихъ предвзятыхъ идей въ этихъ безискуственныхъ созданіяхъ отразились на самомъ языкѣ оригинала: онъ въ высшей степени неизысканъ, не щеголеватъ и безъ всякихъ прикрасъ. Къ сожалѣнію, я не могу предпослать моему переводу полнаго объяснительнаго комментарія: весьма вѣроятно, у читателя зародится множество такихъ вопросовъ, на которые онъ напрасно будетъ искать отвѣта въ моихъ примѣчаніяхъ или въ предисловіи. Ни мои скромныя познанія въ исторіи Индіи, ни кратковременное пребы-

ваніе въ этой странѣ не даютъ мнѣ возможности вполнѣ разъяснить рядъ тѣхъ вопросовъ, которые сами собою и совершенно естественно являются при чтеніи памятниковъ народной литературы, а потому я долженъ, по необходимости, ограничиться однимъ разсказомъ о томъ, гдѣ и отъ кого мнѣ достались настоящія сказки и легенды.

Камаонъ—англійская провинція, лежитъ къ сѣверу отъ Рохилкханда; къ востоку она граничитъ съ Непаломъ, на западѣ рр. Кâли и Алакананда отдѣляютъ ее отъ Гарвала, а на сѣверѣ высокіе Гималаи отъ Тибета. Я провелъ въ Камаонѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, но видѣлъ только незначительную часть этой красивой горной провинціи. Надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня, если я, упомянувъ въ немногихъ словахъ о пройденной много дорогѣ и посѣщенныхъ мѣстахъ, не стану утомлять его вниманія плохимъ описаніемъ разнообразныхъ видовъ и красотъ горной страны. Къ границамъ Тибета, за неимѣніемъ времени, я не подходилъ, самой грандіозной части Гималаевъ вблизи не видалъ, а потому всякая попытка передать даже въ общихъ чертахъ разнообразіе и прелести индѣйскаго Олимпа была бы съ моей стороны по меньшей мѣрѣ самонадѣянностью непростительною и совершенно излишнею, такъ какъ извѣстно, что Гималаи описывались много разъ и нерѣдко очень хорошо. Я прошелъ отъ Найни-Тала до Алморы и отъ Алморы чрезъ Срінагаръ и Тихари до Мансури, такимъ образомъ видѣлъ средній кряжъ, въ иныхъ мѣстахъ возвышающійся до 8000 ф., ту часть Камаона и Гарвала, въ которой теперь почти исключительно одно только арійское населеніе. Весь Камаонъ гористъ и тамошнія горы, естественно, не одинаковой высоты; онѣ начинаются у сѣверной границы Рохилкханда: первый кряжъ не превышаетъ четырехъ тысячъ трехъ сотъ футовъ, второй, прозванный въ народѣ Гагаромъ, доходитъ до семи тысячъ семи сотъ футовъ надъ уровнемъ моря; чѣмъ сѣвернѣе горы, тѣмъ выше онѣ дѣлаются и у границъ Тибета достигаютъ двадцати пяти тысячъ футовъ; за десятки миль виднѣются ряды этихъ гигантскихъ пиковъ, покры-

тыхъ вѣчнымъ снѣгомъ; даже изъ равнинъ они видны въ ясное утро. Та часть древняго Камаона и Гарвала, въ которой теперь владѣютъ и живутъ англичане и по которой мнѣ пришлось пройтись, въ послѣднее время сильно измѣнилась: многаго изъ того, что въ началѣ настоящаго столѣтія видѣли здѣсь путешественники, теперь уже нѣтъ, и самый образъ путешествія не остался тѣмъ же, ибо страна приняла въ себя зачатки европейской культуры: такъ, не говоря уже о другихъ путяхъ на югъ, отъ Алморы до Сринагара проложена отличная дорога; мнѣ привелось проходить по ней въ дождливый сезонъ и, несмотря на то, что въ августѣ 1875 года дожди были довольно сильны, нигдѣ я не видѣлъ поврежденія дороги; прочно выстроенное шоссе устояло передъ напоромъ горныхъ потоковъ и обваловъ, образуемыхъ ежедневными ливнями. По всей дорогѣ, чрезъ каждыя 10—15 миль, стоятъ казенные бангалоу; въ большей части этихъ домиковъ кромѣ кроватей нѣтъ другой мебели, но уже и то хорошо, что отъ непогоды не приходится укрываться подъ сѣнью деревъ и во весь путь можно разсчитывать на теплый ночлегъ; въ нѣкоторыхъ домикахъ есть даже камины. Обработанныя поля по уступамъ и террасамъ горъ и мѣстами чайныя плантаціи видишь во всю дорогу; деревни не рѣдки, но невелики: домика два, три и до пяти лѣпятся по склонамъ горъ или виднѣются въ глубинѣ долинъ, окруженные террасами съ посѣвами. Обыкновенно кругомъ такой деревушки всякая гора, роща, пещера, источникъ имѣетъ свою легендарную исторію; наивная фантазія горцевъ заселила всѣ эти мѣста бхутами. Въ Гарвалѣ, кромѣ того, нерѣдко встрѣчаешь по дорогѣ—катпатія, маленькіе алтарики, посвященные богинѣ хранительницѣ путешественника: „мой путь охрани, богиня, дрова и камни пожирающая, ты, (мудрецомъ) Сакалья поставленная, и (мудрецомъ) Яжнавалкья почтенная!“ такъ молится передъ этими камнями туземецъ путешественникъ. По дорогѣ отъ Алморы до Сринагара я не замѣтилъ большаго движенія и кромѣ туземцевъ, да и тѣ рѣдко, никто не встрѣтился мнѣ въ цѣлый мѣсяцъ; отчасти это

объясняется тѣмъ, что погода стояла неудобная для путешествія: дожди были ежедневные—но и вообще по этому пути никогда нѣтъ большаго движенія, ибо англичане не любятъ этой дороги въ Мансури: они или отправляются охотиться въ страны болѣе сѣверныя, или же добираются до Мансури изъ равнинъ, по пути болѣе удобному и оживленному. Сринагаръ и Алмора соединены шоссейнымъ путемъ, но между отдѣльными деревушками пути остались прежніе: тропинки чрезъ горы и долы; потребности въ болѣе удобныхъ путяхъ не ощущается: жители отдѣльныхъ деревень рѣдко сообщаются другъ съ другомъ, они живутъ замкнуто и такой образъ жизни необходимо долженъ отражаться на ихъ народномъ характерѣ, а также способствовать тому, что среди этого народа, преимущественно земледѣльческаго по разнымъ закоулкамъ сохранилось много всякой старины, стародавнихъ обычаевъ, первобытныхъ повѣрій. Отыскать все это нетрудно: нужно только желаніе и время, и не слѣдуетъ пугаться первыхъ неудачъ.

Путь, мною избранный, можетъ быть интересенъ для того, кто бы захотѣлъ видѣть народъ, а не однѣ грандіозныя прелести Гималаевъ; общій характеръ мѣстности напоминаетъ нѣсколько Швейцарію, хотя по моему крайнему разумѣнію Камаонъ красивѣе Швейцаріи. Самое путешествіе неутомительно: переходы отъ бангалоу до бангалоу рѣдко бываютъ свыше пятнадцати миль; во всю дорогу можно также ѣхать верхомъ, но я предпочелъ итти пѣшкомъ и такъ сдѣлалъ весь путь отъ Алморы до Мансури. Въ этой части Гималаевъ почти вся дорога пролегаетъ въ тѣни густыхъ лѣсовъ, по берегамъ шумливыхъ и быстрыхъ горныхъ рѣчекъ, или слѣдуетъ вдоль по берегу рѣчки, или если и удаляется отъ одной, то съ тѣмъ, чтобы переваливъ чрезъ гору, приблизиться къ другой, столько же шумливой, точно также дробящей свои волны по каменистому руслу. Около Алморы, въ сторонѣ отъ дороги, на вершинахъ обрывистыхъ пиковъ виднѣются развалившіяся крѣпостцы, о которыхъ разсказываются легенды, и эта часть пути, ближайшая къ главному

городу, сравнительно гораздо людн҃ее: въ каждый переходъ отъ одной стоянки къ сл҃дующей непремѣнно встр҃тишь кого-нибудь, или попадется свадебный по҃здъ съ шутникомъ впереди, распѣвающимъ и расплясывающимъ, или какой-нибудь курьезный типъ мѣстнаго жителя. Такъ около Дорагхата я встр҃тилъ стараго брâхмана, распѣвавшаго Бхагаватъ-пурану; въ звучныхъ санскритскихъ стихахъ повѣствовалъ онъ мн҃ѣ и моимъ ничего непонявшимъ носильщикамъ о міросозданіи. Мы остановились отдохнуть на открытомъ воздух҃ѣ, у источника, — св҃тлой струйк҃ѣ, сочившейся съ верху изъ скалы; носильщики „пили тамаку“, иначе, курили табакъ: просверливъ въ земл҃ѣ два отверстія, у основанія взаимно сообщавшіяся, въ одно они положили табакъ и подожгли его, къ другому поочередно припадали губами и втягивали дымъ. Такъ мы сид҃ѣли; вдругъ откуда то снизу раздался старческій, не громкій голосъ; среди окружавшей насъ тишины явственно слышалось, что кто то распѣвалъ и распѣвалъ по санскритски. Недолго продолжалось наше недоумѣніе: самъ пѣвецъ показался скоро, онъ оказался старымъ, выжившимъ изъ ума брâхманомъ, жителемъ Дорагхата, куда онъ и направлялся. Мы пошли вмѣст҃ѣ, но отъ брâхмана, къ сожал҃нію, ничего нельзя было узнать: онъ былъ полусумасшедшимъ, но по санскритски говорилъ очень бойко, на вс҃ѣ распросы отв҃ѣчалъ санскритскими стихами, и р҃ѣдко отв҃ѣчалъ впопадъ.

Горцы по большей части средняго роста; высокіе встр҃ѣчаются р҃ѣдко. Цв҃ѣтъ ихъ лица гораздо св҃тл҃ѣе, нежели у Индусовъ равнинъ; почти вс҃ѣ они брюнеты; говорятъ, между ними есть и рыжіе, но я вид҃ѣлъ въ Мансури только рыжихъ уроженцевъ Кашмира. Комаонцы грязны; нарядъ простаго, небогатаго класса не изящен҃ъ и никогда не бываетъ чист҃ъ. Красивыя лица между ними не р҃ѣдкость. Высокій лобъ, тонко очерченный овалъ лица, правильныя черты и прекрасные черные глаза, все это не р҃ѣдко встр҃ѣчается даже между кули (рабочими). Красивыхъ женщинъ сравнительно мало. Во все время моего пребыванія въ Камаон҃ѣ я не встр҃ѣтилъ ни одной красивой женщины по дорог҃ѣ или на улиц҃ѣ. Ранній

бракъ и затѣмъ жизнь, полная лишеній и труда, рано старитъ и безобразитъ комаонскихъ женщинъ низшихъ кастъ, т. е. тѣхъ кастъ, женщинамъ которыхъ не возбранено открыто показываться на улицахъ и по дорогамъ; исхудалыя, истомленныя, онѣ еще неопрятнѣе мужчинъ; свои головы онѣ уродуютъ безобразными, неопрятными шиньонами; на босыя, грязныя ноги надѣваютъ тяжелыя мѣдныя или серебряныя кольца; лицо, съ пугливо смотрящими глазами, всегда не умыто и украшено кольцомъ, вдѣтымъ въ одну ноздрю; худой станъ горбится подъ тяжестью ноши. Таковъ общій видъ камаонской женщины, вызывающій какое то смѣшанное чувство: она жалка и можетъ показаться отвратительною самому не брезгливому человѣку. Камаонцы, какъ мужчины, такъ и женщины, народъ очень выносливый и умѣренный; какъ тѣ, такъ и другіе очень наивны, добродушны: всякое доброе слово, ласку они высоко цѣнятъ. Они очень честны. У нихъ есть обычай «бить по рукамъ» (хатхъ марнâ): стороны, условившіяся въ какой нибудь сдѣлкѣ и ударившія по рукамъ, въ точности исполняютъ принятыя на себя обязательства, безъ всякихъ документовъ. Камаонецъ хорошій семьянинъ: любитъ своихъ дѣтей, свою родню. Нерѣдко приходилось слышать о случаяхъ супружеской невѣрности; брâхманы говорятъ, что таковые случаи не рѣдки въ семьяхъ торговцевъ, а торговцы (банья) утверждаютъ, что они часты въ семьяхъ брâхмановъ. Будучи суевѣрны, трепеща передъ бхутомъ, живущимъ чуть ли не на каждой горѣ, у каждаго ручья, Камаонцы въ то же время не лишены личнаго мужества; между ними есть отважные охотники, они высоко цѣнятъ физическую силу и любятъ заниматься пахлаванскимъ дѣломъ, т. е. дѣломъ силачей: развивать свою силу борьбою и всякаго рода физическими упражненіями. Много чертъ въ ихъ характерѣ общи всѣмъ туземцамъ въ Индіи: они любятъ лгать, и всегда почти лгутъ неумѣло, безъ нужды и безъ всякой пользы для себя; они любопытны и тщеславны. Меня всегда поражало, почему туземецъ, не только наемный слуга, но и человѣкъ независимый, такъ высоко цѣнитъ

certificate или *читхи*. Въ Делги одинъ пандитъ, человѣкъ порядочный во всѣхъ отношеніяхъ, громадной эрудиціи, собралъ всѣ полученныя имъ отъ разныхъ лицъ удостовѣренія, напечаталъ ихъ отдѣльною брошюрою и даритъ ее своимъ знакомымъ. Курьезная книжка эта носитъ заглавіе: Copies of Testimonials in favor of Pandit B. N. Помѣстивъ на первой страницѣ списокъ всего, что когда либо было имъ писано, онъ далѣе сообщаетъ двадцать шесть различныхъ удостовѣреній; въ нихъ подписи высокопоставленныхъ британскихъ чиновниковъ удостовѣряютъ напр., что „Pandit B. N. is a learned and liberal minded Pandit of Dehli, (№ 2). Писавшій этотъ атестатъ сообщаетъ: I have had great pleasure in receiving one or two visits from him. Другой британецъ расписывается въ томъ, что Pandit B. N. is, I believe, a learned Sanscrit Scholar ... He has been in the habit of visiting me occasionally.... and I have always been very happy to see him. Получилъ разъ Пандитъ въ награду часы, онъ и ихъ изображеніе помѣстилъ въ свою книжку, съ слѣдующимъ поясннтельнымъ примѣчаніемъ: this watch of value Rs. 50 was presented to Pandit B N. etc. Всѣ пригласительные билеты на празднества, пріемы у губернаторовъ отпечатаны какъ свидѣтельства о порядочности Пандита. Страсть къ certificat'амъ сильно развита во всѣхъ индѣйцахъ. Другой изъ за одного certificat'а готовъ на услугу и иногда довольно значительную, онъ обрадуется ему болѣе, нежели денежному подарку, не смотря на то, что это удостовѣреніе исходитъ отъ сахаба не важнаго, не богатаго и рѣшительно никому неизвѣстнаго. Съ гордостью и самодовольствіемъ показывали мнѣ носильщики свои certificat'ы, засаленные и изорванные. Тѣ изъ нихъ, которые странствовали со мною два дня къ ряду, на другой день непремѣнно просили написать имъ certificate. Эти certificat'ы имѣютъ значеніе только въ глазахъ получившихъ; они одни наивно думаютъ, что сахабы пишутъ правду въ certificat'ахъ и что всякій сахабъ повѣритъ тому, что другой сахабъ удостовѣрилъ своею подписью. Не менѣе забавно и наивно любопытство туземцевъ:

ихъ разспросы о Россіи и о нашемъ житьѣ-бытьѣ выражаются всегда въ формѣ столь же оригинальной, сколько и забавной. Мнѣ приходятъ на память тѣ разговоры, которыми занимали меня туземцы въ Сринагарѣ. Сринагаръ—бывшая столица Гарвала, лежитъ въ долинѣ (1500 ф. надъ уровнемъ моря), на берегу рѣки Алакананды. Въ городѣ не живетъ ни одинъ европеецъ; онъ не великъ и въ страшномъ запустѣніи; дома строились безъ всякаго порядку; переулочки между ними такъ узки, что въ иныхъ мѣстахъ двумъ человѣкамъ едва можно разойтись, не толкнувъ другъ друга. Самая широкая улица занята базаромъ. Въ срединѣ города стоятъ развалины дворца древнихъ гарвалскихъ царей; эта массивная четырехъ-этажная постройка свидѣтельствуетъ, что гарвальскіе древніе цари были не такими бѣдняками, какими иные изъ нихъ старались прикинуться. Разсказываютъ, что когда Акбаръ потребовалъ дань съ Гарвала, гарвальскій царь, случившійся въ то время при дворѣ падишаха, съумѣлъ прикинуться бѣднякомъ и выпросить отмѣненія дани; онъ привелъ предъ ясныя очи падишаха тощаго верблюда и сказалъ: „Такова моя страна; горы да долы и всюду худоба!“ Улыбнулся Акбаръ и отмѣнилъ дань. Въ городѣ есть кромѣ того знаменитый храмъ Камалесвара, англійская школа, гдѣ учителя, по словамъ мѣстныхъ брâхмановъ—нâстики (нигилисты) и гдѣ ученики (по моему собственному наблюденію) плохо читали по англійски, не твердо знали англійскую исторію и совсѣмъ не знали географіи Индіи. Сринагаръ, хотя и очень скученъ, но заинтересовалъ меня, и я пробылъ въ немъ нѣсколько дней; въ эти дни я принималъ у себя всѣхъ мѣстныхъ властей и именитыхъ людей; то были все туземцы, брâхманы, какіе-то мелкіе чиновники британской службы. Гости сходились обыкновенно подъ вечеръ и такъ какъ въ бангалоу, гдѣ я остановился, кромѣ кровати и одного стула, не было другой мебели, то тотъ, кто считалъ себя поважнѣе другихъ, являлся съ собственнымъ стуломъ или скамьею. Разсѣвшись по чинамъ и обмѣнявшись привѣтствіями, мы начинали разговоры: спросы

сыпались со всѣхъ сторонъ; иные вопросы формулировались такъ не ясно, что я долженъ былъ просить разъясненія; обыкновенно ихъ давалъ одинъ брâхманъ, человѣкъ ученый, умный, но по несчастью обиженный по службѣ, а потому кипѣвшій злобою на училищное начальство и завидовавшій учителямъ *нâстикамъ* (нигилистамъ) т. е. тѣмъ, которые говорили по англійски и читали англійскія книги. Но и этотъ умный брâхманъ ухитрялся задавать головоломные вопросы; онъ спросилъ меня разъ: въ какой двипѣ Русія десъ (т. е. русская страна)? Для того, чтобы отвѣтить удовлетворительно на этотъ вопросъ, нужно перестроить всѣ наши географическія карты: накроить, согласно съ индѣйской географической системой, изъ нашихъ материковъ острововъ или двипъ и къ одному изъ нихъ пріурочить Россію. Узнавъ, что Россія лежитъ порядочно далеко отъ Гарвала, онъ перешелъ къ вопросамъ, лично касающимся меня. Индѣйцы никогда не путешествуютъ такъ, какъ это дѣлали и дѣлаютъ другіе народы; путешествіе, предпринятое не по торговымъ дѣламъ и не для богомолья, для нихъ безцѣльное бродяжничаніе; человѣка, заѣхавшаго къ нимъ Богъ вѣсть за чѣмъ издалека, они готовы считать за празднаго и страннаго богача, а такъ какъ въ Индіи почти у каждаго богача есть нѣсколько женъ и вообще онъ немыслимъ неженатымъ, то весьма естественно мой брâхманъ полюбопытствовалъ узнать: сколько у меня женъ? и оставилъ ли я ихъ дома или гдѣ либо въ Индіи, м. б. въ Калькуттѣ? Отвѣтъ, который онъ услыхалъ, привелъ его въ сильное недоумѣніе. Мы перешли, впрочемъ, скоро къ болѣе важнымъ и интереснымъ вопросамъ. Въ Гарвалѣ и Камаонѣ слыхивали, что существуетъ Россія и русскій царь, но объ отношеніяхъ нашего обширнаго отечества къ Куинь Викторіа (такъ туземцы называютъ ея британское величество) наивные жители Сринагара имѣютъ очень смутное представленіе; правда, и до нихъ доходили извѣстія о томъ, что существуетъ какое то родство между двумя царственными домами, и по этому поводу мнѣ задавали разнообразнѣйшіе, весьма непонятные вопросы: кто

кому платитъ дань: Куинь Викторіа русскому царю, или на оборотъ, русскій царь Куинь Викторіи? Меня спрашивали, какъ нужно называть русскаго царя: Рâжâдхирâжа или Падишахъ? Первый титулъ хотя и значитъ: царь надъ царями, но въ глазахъ туземца не такъ важенъ, какъ Падишахъ; ибо только Падишаху другіе цари платятъ дань. Рядомъ съ такими и болѣе нелѣпыми вопросами о томъ, самъ ли царь судитъ свой народъ или у него есть на то особые слуги, проскакивали соображенія, точно взятыя изъ послѣдняго номера какой-нибудь индѣйской газеты: правда ли, что русскій царь взялъ Кабулъ? Скоро-ли онъ возметъ Кабулъ? На что Кабулъ нуженъ русскому царю? разсуждали мои собесѣдники. Ихъ интересовалъ также вопросъ о томъ, есть-ли касты въ Россіи и какія? Обѣдаютъ-ли русскіе вмѣстѣ съ англичанами? или же русскіе, подобно брâхманамъ, гнушаются ѣсть за однимъ столомъ съ англичанами? Есть-ли въ Россіи *нâстики* (нигилисты), *веданиндики* (отрицатели ведъ)? „Американцы, замѣчалъ при этомъ выше упомянутый брâхманъ, всѣ нâстики, всѣ отрицатели ведъ!“ А изъ американцевъ онъ зналъ одного только миссіонера и безъ ужаса и отвращенія не могъ говорить о школѣ этого миссіонера, вертепѣ крайняго нигилизма.

На западъ отъ Сринагара чрезъ нѣсколько миль начинается независимый Гарвалъ; характеръ мѣстности остается прежнимъ: та же роскошь растительнаго царства, тѣ же шумящія рѣки и горные ручьи, такая же благословенная страна, но самый путь значительно хуже; чувствуешь, что бдительное око британца не присматриваетъ за нимъ. По дорогѣ нѣтъ бангалоу; на первомъ переходѣ въ Таколи я остановился въ сиваитскомъ монастырѣ и совершенно неумышленно оскорбилъ своимъ появленіемъ святыхъ отшельниковъ: они сочли мое присутствіе подъ ихъ кровомъ за осквернение самаго крова и дозволили переночевать въ грязной, вонючей конуркѣ лишь послѣ долгихъ пререканій и по полученіи бакшиша въ четыре рупи. Слѣдующую ночь я провелъ въ Тихари. Столица независимаго Гарвала, такъ же какъ и Сри-

нагаръ, лежитъ въ долинѣ, но далина гораздо обширнѣе и самый городъ гораздо красивѣе; роскошные бананы растутъ кругомъ города; подъ ихъ тѣнью поставлены маленькія скамьи для усталыхъ путниковъ. Для европейскихъ путешественниковъ Гарвальскій рâжâ выстроилъ бангалоу, но вдали отъ города и въ мѣстѣ глухомъ. Онъ выстроенъ на берегу р. Бхагиратхи, которая въ этомъ мѣстѣ течетъ среди совершенно отвѣсныхъ, скалистыхъ береговъ; кое какъ высѣченныя ступени въ отвѣсной скалѣ ведутъ къ небольшому домику, назначенному для странствующихъ сахабовъ. Едва я добрался до бангалоу, какъ явился чупрасси (полицейскій) узнать мое имя и вслѣдъ за этимъ, по заведенному обычаю, гарвальскій рâжâ прислалъ европейскому путешественнику: барана, муки, фруктовъ и т. д. Отъ Тихари до Мансури два перехода или два дня пути. Въ Мансури я закончилъ мои странствія по Камаону и Гарвалу.

Уже въ глубокой древности индусы считали Гималаи святыми горами: исторія святыхъ мѣстъ, которыми она изобилуетъ, начинается миѳами и состоитъ изъ однихъ вымысловъ; таковъ же характеръ исторіи тѣхъ странъ, о которыхъ мнѣ приходилось упоминать на предъидущихъ страницахъ, Исторія, какъ Камаона, такъ и Гарвала пока совершенно неизвѣстна; отрывочныя свѣдѣнія, сообщаемыя Трайлемъ, Гамильтономъ, Фразеромъ, Беттеномъ, главнымъ образомъ касаются царей новѣйшихъ временъ, владѣвшихъ Камаономъ предъ завоеваніемъ страны Горкинцами, а за ними англичанами. На основаніи приведеннаго въ приложеніи списка камаонскихъ царей (см. стр. 228) можно принять, что въ Камаонѣ владѣли три династіи: первая династія происходила изъ равнинъ и называлась Катьюрскою; цари Катьюрской династіи владѣли Камаономъ между 685 г. и 811 по Р. Х. Затѣмъ въ продолженіи почти двухсотъ лѣтъ (184 л.) въ странѣ господствовали Кхасы. Въ 995 г. по Р. Х. началась третья династія Чандровъ, продолжавшаяся до завоеванія Камаона Горкинцами. Выше названные европейскіе писатели пользовались также, по всей вѣроятно-

сти, мѣстными источниками, но извѣстія, сообщаемыя ими, расходятся съ данными, сейчасъ приведенными. По Гамильтону (см. его Account of the Kingdom of Nepal, стр. 291) родоначальникомъ камаонскихъ царей былъ пришлецъ изъ равнинъ (изъ Жхоси, около Аллахабада), по имени Тхоръ Чандра. Онъ явился въ Камаонъ въ XV ст. вмѣстѣ съ брâхманомъ Жаядева, оба пришлеца поступили на службу къ какому-то мѣстному царьку, находившемуся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Рâжамъ Каравирпурскимъ. Убивъ своего господина, авантюристы призвали изъ равнинъ чистокровныхъ индусовъ, колонизировали ими страну, построили городъ Чампаватъ и положили основаніе Камаонскому царству [1]). Послѣ Тхоръ Чандра царствовали: Камиръ Чандра, Нирбхага Чандра. Затѣмъ фамилія прекратилась; въ Чампаватъ была призвана изъ равнинъ боковая линія той же фамиліи Чандровъ. Изъ этой новой фамиліи Гамильтонъ приводитъ поименно слѣдующихъ царей: Guru Gyangn C., Bhishma C., Kirti C., Balakalyan C. Сынъ послѣдняго, Рудра-Чандра, былъ современникомъ Акбара и построилъ Алмору. Свѣдѣнія, сообщаемыя Беттеномъ [2]), болѣе согласуются съ данными ниже приведенной туземной генеалогіи Камаонскихъ царей: онъ упоминаетъ также три династіи: Катьюрскую, Кхасовъ и династію Чандровъ, но по его словамъ послѣдняя династія началась въ 1178 по Р. Х., и первымъ царемъ былъ Сомъ-Чандра изъ Жхуси. Такимъ образомъ являются новыя противурѣчія, согласить которыя такъ же трудно, какъ и рѣшить, какія извѣстія болѣе достовѣрны; можетъ быть Беттенъ смѣшалъ родоначальника первой династіи съ первымъ царемъ, владѣвшимъ Камаономъ послѣ господства Кхасовъ, но однимъ этимъ соображеніемъ не объясняются и не устра-

---

[1]) Срв. Fraser, Journal of a Tour through part of the Snowy Range, стр. 539. Фразеръ сообщаетъ почти тоже, что Гамильтонъ; въ спискѣ царей Тхоръ Чандръ помѣченъ 16-мъ въ династіи Чандровъ, и царствовалъ 1205 по 1226 годъ.

[2]) См. A Few Notes on the subject of Kumaon etc. въ Journal of the As. Soc. of Bengal vol. XIII, part. II).

няются противурѣчія въ хронологическихъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ Беттенъ о своихъ источникахъ говоритъ очень глухо, а Фразеръ и Гамильтонъ, оба, какъ кажется, пользовались устными сообщеніями, то приведенный въ приложеніи списокъ камаонскихъ царей заслуживаетъ полнаго вниманія, хотя объ исторіи Камаона и изъ него узнаемъ мало. Эти горныя страны колонизировались съ юга, изъ равнинъ, гораздо ранѣе XII или XV столѣтія, ибо изъ санскритской литературы мы знаемъ, что святыя мѣста въ Гималаяхъ существовали въ глубокой древности; сюда являлись пилигримы, изъ нихъ нѣкоторые могли оставаться здѣсь на житье; такимъ образомъ, среди первоначальнаго туземнаго, неарійскаго населенія явилось ядро болѣе культурныхъ арійскихъ пришлецовъ; въ началѣ слабые числомъ, но духовно болѣе развитые, арійцы мало по малу стали подчинять себѣ туземныя, неарійскія племена. Брâхманизмъ, причисленный недавно однимъ остроумнымъ и блестящимъ писателемъ [1]) къ религіямъ не миссіонерскимъ, на самомъ дѣлѣ отличается необыкновенною экспансивностью: онъ не распространяется словомъ краткой проповѣди, не уничтожаетъ мечемъ и огнемъ чуждыя ему вѣрованія, но, сталкиваясь съ ними, ассимилируетъ ихъ себѣ, принимаетъ ихъ въ себя, отводитъ имъ извѣстное мѣсто въ своей системѣ и, разростаясь такимъ образомъ въ своемъ содержаніи, въ то же время получаетъ необыкновенную способность распространяться между племенами, стоящими на болѣе низкой ступени соціальнаго и религіознаго развитія. Брâхманизмъ, порабощая себѣ эти племена, не дѣйствуетъ отрицательно, не говоритъ: ваши боги не существуютъ, не суть боги; онъ утверждаетъ, напротивъ, что эти боги дѣйствительно существуютъ, но суть низшія проявленія *его* боговъ. Результатъ такой уступки былъ всегда и всюду одинъ и тотъ же: племена, низшія по культурному развитію, мало по малу подчинялись брâхманскому вліянію и входили въ брâхманическое общество, т. е. образовывали

---

[1]) М. Мюллеръ. См ero Introduction to the Science of Religion·

новую касту, признавали грандіозныхъ индускихъ боговъ, но болѣе вѣрили въ своихъ собственныхъ, старыхъ, и усерднѣе молились имъ. За религіознымъ подчиненіемъ чуждыхъ племенъ слѣдовало ихъ соціальное порабощеніе брâхманскому вліянію. Такой процессъ территоріальнаго развитія брхманизма продолжается до сихъ поръ въ Индіи, начало же его восходитъ въ глубокую древность. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Камаонѣ вмѣстѣ съ арійскою колонизаціею повторились тѣ же самыя явленія; объ этомъ мы можемъ догадываться по результатамъ: Думы, Кхасы, племена неизвѣстнаго происхожденія, говорятъ въ настоящее время арійскимъ нарѣчіемъ, перестали быть народностями и сдѣлались кастами. Даже многіе изъ Бхотійцевъ, народа тибетскаго происхожденія, забыли свой языкъ, въ концѣ своихъ именъ прибавляютъ слово *Синхъ* (левъ) и не прочь утверждать, что они составляютъ особую индусскую касту. Какъ только брâхманы достаточно усилились въ Камаонѣ, они стали распоряжаться судьбами страны: призывали царей изъ равнины, смѣняли тѣхъ, кто недостаточно благоволилъ или не былъ щедръ къ нимъ; въ древности, въ Камаочѣ, какъ и всюду въ Индіи, брâхманы были вліятельнѣйшими членами общества; такая память о нихъ сохранилась до нашихъ дней и объ этомъ же упоминаетъ Фразеръ (l. c. стр. 537).

Въ легендахъ, которыя сообщаются ниже, народная фантазія начертила предъ нами скудную фактами картину прошлой жизни; но общій характеръ этой картины не прикрашенъ. Такова, вѣроятно, была прошлая жизнь въ Камаонѣ и на самомъ дѣлѣ: она проходила среди всеобщей безурядицы и междоусобицы. Въ обычаяхъ, повѣрьяхъ и особенно въ самомъ языкѣ, при болѣе полномъ и точномъ изученіи, откроется еще много слѣдовъ прошлой жизни, разъяснится насколько сами арійцы подверглись вліянію тѣхъ чуждыхъ племенъ, которыя они ассимилировали себѣ. Укажу на одну общую черту въ религіозныхъ вѣрованіяхъ камаонцевъ и неарійскихъ племенъ, не придавая, впрочемъ, этому сопоставленію большаго значенія: камаонскіе бхуты суть души умершихъ, почему либо

знаменитыхъ или чѣмъ либо отличившихся людей. То же вѣрованіе повторяется у Бхотійцевъ, живущихъ въ сѣверныхъ частяхъ страны, у горныхъ проходовъ въ Тибетъ. Бхотійцы чтутъ всѣхъ вообще предковъ и воздвигаютъ для нихъ памятники: на вершинахъ горъ, вблизи своихъ деревень складываютъ камни. Тѣ же изъ умершихъ, которые чѣмъ либо отличились при жизни, пользуются еще большимъ почетомъ: изъ серебра или камня дѣлаются ихъ изображенія, въ память о нихъ устанавливается празднество, и въ этотъ день изображеніе знаменитаго предка разносится по деревнѣ; ему дѣлаютъ приношенія, возносятъ молитвы. Таковое обожаніе предковъ встрѣчается у многихъ Гималайскихъ племенъ неарійскаго происхожденія. Я ограничусь приведеніемъ одного примѣра: въ Алморѣ я узналъ одного Гуруна, который мнѣ сообщилъ, что его народецъ такъ же чтитъ предковъ. Дѣдъ, отецъ, братъ по смерти дѣлаются богами. Умершаго дѣда они называютъ kuldevatâ, т. е. семейное божество; для умершаго отца или брата имѣютъ другое названіе: bayo. Этимъ богамъ они приносятъ въ жертву козъ, куриць, и при этомъ призываютъ своего жреца: ghyabrum. Воздвигаютъ своимъ богамъ родъ часовенъ: слагаютъ изъ камней маленькія зданія, въ которыя ставятъ столько камней, сколько умерло дѣдовъ, отцевъ или братьевъ. На эти камни льютъ масло, мажутъ ихъ красною краскою и такимъ образомъ почитаютъ ихъ. Сопоставляя эти факты съ тѣмъ, что намъ извѣстно о бхутахъ у арійскихъ племенъ Камаона, весьма естественно задать себѣ вопросъ: вѣрованіе въ бхутовъ есть ли исконное арійское? или же въ немъ сохранился намекъ на племенное смѣшеніе камаонцевъ, и это вѣрованіе есть остатокъ неарійскихъ вѣрованій?

Новѣйшая исторія Камаона, за исключеніемъ нѣсколькихъ крупныхъ фактовъ, также какъ и древняя, вполнѣ неизвѣстна. При Тимурѣ, какъ кажется, Камаонъ въ первые узналъ внѣшнихъ враговъ (см. Traill въ As. Res. vol. XVII, стр. 19). Но Монголы не владѣли Камаономъ, ограничились набѣгами и оставались не долго въ горахъ. Память объ

этомъ ужасномъ времени естественно могла сохраниться въ народныхъ сказаніяхъ и весьма вѣроятно, что Мугалъ, о которомъ говорится въ легендѣ 4-й, есть никто иной, какъ одинъ изъ бековъ Тимура, который самъ доходилъ до Харидвара (см. Elphinstone: The history of India (5 ed.) стр. 416). Трайль полагалъ, что эти завоеватели оставили по себѣ еще другую память: она сохранилась въ могильныхъ памятникахъ около Багесвара и кое гдѣ въ другихъ мѣстахъ; эти могилы, по его словамъ, отличаются отъ могилъ индускихъ факировъ [1]), да и кромѣ того индусу врядъ ли пришло бы въ голову осквернять такимъ образомъ Багесваръ, мѣсто святое. Мнѣ не случалось видѣть таковыхъ памятниковъ, а потому я и не могу судить, на сколько справедливы соображенія Трайля. Въ XVIII ст. Камаонъ подвергся сперва нападенію Рохилловъ, затѣмъ Горкинцовъ. Владычество Непала смѣнили англичане. Подъ управленіемъ послѣднихъ Камаонцы отдохнули отъ нелегкаго непальскаго ига. Англичанами не всѣ довольны, всюду въ Индіи есть люди, сильно недолюбливающіе британца, но чтобы ни говорили недовольные туземцы, всякому безпристрастному наблюдателю непремѣнно бросится въ глаза, что англичане по своему постоянно радѣютъ о пользѣ и нуждахъ народа, конечно не забывая ни своей пользы, ни своихъ нуждъ, и долго еще англійское правленіе и англійская гегемонія будетъ необходима для Индіи.

Настоящій сборникъ народныхъ произведеній состоитъ изъ сказокъ и легендъ. Какъ тѣ, такъ и другія я слышалъ и записалъ или получилъ записанными главнымъ образомъ въ Алморѣ. Объ этомъ городѣ и тамошнихъ пѣвцахъ я имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ [2]). Какъ сказки, такъ и легенды разсказывались и записаны на камаонскомъ нарѣчіи (пахâрû). Объ особенностяхъ этого нарѣчія считаю неудобнымъ распространяться здѣсь, при изданіи перевода; замѣчу

---

[1]) Тѣла факировъ не сжигаютъ, а погребаютъ.

[2]) Вѣстникъ Европы. Іюль. 1876.

только, что въ пахâрû множество архаическихъ словъ и формъ и почти совсѣмъ нѣтъ арабскихъ и персидскихъ словъ. Въ своей грамматикѣ пахâрû ближе къ горкинскому, нежели къ хинди равнинъ. Сказки въ народѣ извѣстны подъ именемъ данта-катхâ т. е. устный разсказъ, преданія, и многіе изъ сказочниковъ твердо убѣждены, что повѣствуютъ не выдумку, а дѣйствительно случившійся фактъ, свидѣтелемъ котораго былъ тотъ, кто первый сообщилъ ему—сказочнику эту сказку. Сказокъ многое множество въ обращеніи между народомъ, но сказочниковъ по профессіи я не видалъ, не смотря н сильные разспросы. Мнѣ говорили, что старухи знаютъ особенно много сказокъ, но увидать индѣйскую женщину изъ порядочной семьи не легко европейцу, хотя и не невозможно. Я не умѣлъ взяться за дѣло, и уѣхалъ изъ Камаона, не слыхавъ ни одной старухи, сказывающей дантакатхâ; отъ одной старухи, впрочемъ, я досталъ нѣсколько сказокъ (№ 5, 7, 12, 15) чрезъ посредство ея сына, который записалъ ихъ для меня. Торговцы слывутъ такъ же мастерами разсказывать сказки и всякаго рода побывальщины, но ихъ разсказы отличаются особеннымъ характеромъ: по большей части они комическаго содержанія, полны остротъ трудно переводимыхъ и весьма часто неудобныхъ для печати; отъ одного такого торговца сказочника я получилъ нѣсколько сказокъ, изъ которыхъ двѣ (№ 19, 20) сообщаются въ настоящемъ сборникѣ. Я не поименовываю всѣхъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ я слышалъ сказки, такъ какъ имѣю въ виду сообщить ихъ имена при изданіи оригинала сказокъ, гдѣ это будетъ вполнѣ у мѣста. Само собою разумѣется, особенности индивидуальнаго стиля разсказщика не могли быть сохранены въ переводѣ, а потому для читателя перевода имена лицъ, разсказывавшихъ сказки, врядъ-ли были бы важны и интересны. Нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ сказокъ настоящаго сборника не мѣстнаго, а литературнаго происхожденія, хотя большинство разсказывавшихъ мнѣ сказки плохо умѣли писать и еще хуже читали; но въ Индіи, странѣ сказочной по преимуществу, родинѣ множества сказочныхъ сборни-

ковъ—сказка литературная легко могла проникнуть въ народъ совсѣмъ неграмотный, къ такимъ лицамъ, которыя невидывали печатныхъ книгъ. Индѣецъ живетъ въ сказачной атмосферѣ: ребенокъ, отправляющійся въ школу, не въ англійскую, правительственную или миссіонерскую, а на выучку къ мѣстному брâхману пандиту, читаетъ и слышитъ только сказки; факиръ у храма разсказываетъ сказки о богѣ или о богинѣ; въ праздникъ благочестивые люди дѣлаютъ складчину и призываютъ брâхмана почитать Харивансу или Бхагаватъ-пурану; по санскритски большинство ихъ не понимаетъ, но на то есть брâхманъ, чтобы растолковывать то, о чемъ говорится въ этихъ святыхъ книгахъ; такимъ образомъ старый литературный матеріалъ постоянно проникаетъ въ народъ.—Второй отдѣлъ сборника содержитъ въ себѣ легенды; на мѣстномъ нарѣчіи онѣ называются бхаролâ (см. 18) или гролâ (см. 19) и различаются по внѣшней формѣ; почти всѣ онѣ предназначены для пѣнія и первоначально каждая бхаролâ (или бхарогâ) пѣлась, но за исключеніемъ только двухъ (№ 18, 19), я не слышалъ ни одной легенды вполнѣ сохранившейся въ памяти пѣвца, а многія разсказываются просто, безъ малѣйшей попытки пропѣть ихъ. Пѣсни лирическаго и историческаго содержанія поются не одинаково; къ сожалѣнію я, какъ не музыкантъ, съумѣю передать одно содержаніе словъ и не могу пытаться описывать характеръ музыки. Пѣснь иначе не поется, какъ сидя; пѣвицы и пѣвцы усаживаются на полъ; всего чаще я слышалъ тріо: въ срединѣ обыкновенно садилась пѣвица, справа и слѣва располагались пѣвцы съ маленькими барабанами, и начиналось пѣніе: мелодіи кратки и разнообразятся повтореніями; лирическія пѣсни не длинны и скудны содержаніемъ: или то грустное описаніе покинутой женщины, супруги или любовницы, или же веселая, нѣсколько циническая выходка противъ женщинъ. Поется напр. слѣдующее: „Сойдутся подруги, опять и опять онѣ спрашиваютъ Лелâку: что за радость любить его?“ Второй куплетъ начинается такъ же: „Сойдутся подруги и т. д. Третьимъ оканчивается пѣснь: „Не твой ли

носъ словно клювъ попугая? Не твои-ли глаза—глаза антилопы? Не золотое-ли у тебя тѣло? Въ чемъ-же грѣхъ твой?“ Этотъ грустный, заунывный, ноющій мотивъ, долженствующій живописать передъ публикою унылое настроеніе покинутой красавицы, иногда смѣняется быстрымъ, веселымъ напѣвомъ. Пѣвцы затягиваютъ разгульную пѣснь: „Скажи мнѣ, невѣстушка, чье это дитя?—не ушелъ-ли старшій братъ въ Бенаресъ?—вѣдь ребенокъ-то красавецъ и похожъ онъ на дивана! [1])—Я ходила на *тамашу* [2]) и сошлись туда двѣнадцать кастъ; отъ двѣнадцати кастъ родилось мое дитя!“— Пѣвцы непремѣнно аккомпанируютъ себѣ на какомъ нибудь инструментѣ; въ Камаонѣ я видѣлъ только небольшіе барабаны да родъ флейты—алгожа; послѣдній инструментъ случалось видѣть у пастуховъ, у носильщиковъ и разъ по дорогѣ, около Мансури, я встрѣтилъ слѣпца съ мальчикомъ; пѣвецъ распѣвалъ о царѣ Малусаи, мальчикъ наигрывалъ на алгожѣ. Описаніе пастуха, распѣвающаго и наигрывающаго на свирѣли въ неоконченной легендѣ № 16, вѣрно списано съ натуры. Въ Камаонѣ увѣряютъ, что ни одна красавица не устоитъ передъ этою дикою мелодіею, дѣйствительно не лишенной своего рода прелести, особенно среди горной обстановки, и не даромъ свирѣль въ Индіи зовутъ *байри* т. е. врагъ (сердечнаго покоя). Пѣсни съ легендарнымъ содержаніемъ поются иначе; пѣвцы, приглашаемые на тамашу, рѣдко знаютъ бхарола; я слышалъ только разъ одного изъ такихъ пѣвцовъ, распѣвающаго о царѣ Малусаѣ: это было въ Паури, около Сринагара, и пѣлъ онъ дѣйствительно мастерски и съ увлеченіемъ; самыя слова пѣсни представляли значительные варіанты противъ сообщенной ниже легенды; къ сожалѣнію, я не могъ записать ихъ: хотя тамаша происходила у меня въ бангалоу, но слушателей было слишкомъ много. Легенды знаютъ преимущественно жимидары, мелкіе помѣщики, и хулкія (барабаньщики) изъ касты думъ. Въ Камаонѣ среди

---

[1]) О диванѣ см. на стр. 204, прим. 1.

[2]) Всякаго рода зрѣлище называется *тамаша*.

населенія смѣшаннаго происхожденія сохранился обычай глубокой древности и чисто индѣйскій: хулкія по своей профессіи то-же что Бхатъ или Чаранъ Ражпутаны; онъ хранитъ въ своей памяти родословныя отличившихся воиновъ, и сказанія объ ихъ подвигахъ; всѣ родословныя, которыя мнѣ удалось слышать и записать въ Камаонѣ, заканчивались одинаково: „въ то время, когда такой-то сражался, хулкія слагалъ его родословную!“ Родословныя эти или состоятъ изъ голаго перечисленія однихъ именъ, или-же къ именамъ приплетаются краткія легенды, отличающіяся по формѣ отъ бхарола. О пѣвцѣ, отъ котораго я записалъ наибольшее количество легендъ, я говорилъ въ другомъ мѣстѣ [1]) и въ приложеніи сообщаю его воспоминанія о дѣдѣ и отцахъ. Онъ являлся ко мнѣ всегда съ маленькимъ барабаномъ и готовъ былъ тянуть всякій сказъ, но не всегда это ему удавалось и то, что онъ хорошо помнилъ, пѣлось имъ совершенно иначе. Его протяжное, унылое пѣніе напоминало мнѣ сильно сказываніе русскихъ былинъ. Темпъ рѣдко измѣнялся, мелодія проста, но въ то же время неуловима. Онъ разсказывалъ очень монотонно, не увлекалъ и самъ обыкновенно (съ рѣдкими исключеніями) оставался равнодушенъ къ тому, что передавалъ; ему, пѣвшему передъ однимъ человѣкомъ, вѣроятно, недоставало сочувственной аудиторіи, толпы, которая вполнѣ могла бы оцѣнить его искусство и любовно отнестись къ той старинѣ, которую онъ воспроизводилъ. Жимидары, которыхъ я слыхивалъ, пѣли не лучше хулкія; я не сообщаю ихъ именъ по причинѣ, выше изложенной, и не имѣю ничего передать объ ихъ личностяхъ, такъ какъ зналъ ихъ очень мало.

Заканчиваю предисловіе и снова прошу благосклоннаго читателя извинить неполноту и отрывочность сообщенныхъ мною свѣдѣній; печатая камаонскія сказки и легенды, я позволяю себѣ думать, что, какъ матеріалъ новый и оригинальный, онѣ—не безъ интереса и могутъ быть полезны даже безъ руководящаго введенія.

---

[1]) Вѣстникъ Европы. Іюль 1876 г.

СКАЗКИ.

1.

Умная жена.

I.

Нѣкій царь вышелъ съ своимъ визиремъ изъ дворца. Говорилъ царь визирю:

— Узналъ я всю свою страну; все выучилъ. Теперь нужно посмотрѣть на чужія страны!

Сѣли они оба на коней и выѣхали изъ городу. Ѣхали, ѣхали и захотѣлось царю пить. Увидалъ царь прудъ и подъѣхалъ туда.

Сидѣли тамъ четыре незамужнихъ дѣвушки. Между ними была дочь одного серебренника. Была она и красива и очень умна.

— Дай мнѣ воды испить! говоритъ ей царь.

Она не даетъ воды.

Говоритъ ей опять царь:

— Дай мнѣ воды испить!

Засмѣялись всѣ четыре дѣвушки. Повернулся царь и пошёлъ къ своему визирю и говоритъ ему:

— Не даютъ онѣ мнѣ воды испить! Сидитъ тамъ одна дѣвка, кажется она мнѣ очень разумною. Со мною она ничего не говорила. Ступай туда, разузнай, кто она.

Пошелъ визирь къ пруду и говоритъ дѣвкамъ:

— Дайте мнѣ воды напиться!

— Ты кто? — спрашиваютъ его дѣвки, — откуда идешь?

А онъ съ ними пошутилъ, да и говоритъ:

— Я человѣкъ, изъ материнскаго чрева вышелъ.

Услыхали онѣ такое слово и всѣ четыре громко разсмѣялись; а воды и визирю не дали.

Пошелъ визирь къ царю.

Наполнили дѣвки сосуды водою и пошли оттуда по своимъ домамъ.

Вотъ видитъ царь, какъ дочь серебрянника идетъ по дорогѣ и говоритъ онъ визирю:

— Подъѣзжай ты къ ней, слѣва; а я подъѣду справа. Испугаемъ ее и разобьется у ней сосудъ.

Согласились и поскакали. Увидали ихъ дѣвки и всѣ четыре стали къ одной сторонкѣ.

Вотъ царь взялъ да и разбилъ плеткою сосудъ дочери серебренника.

А она на это сказала:

— Коль у меня будетъ такой мужъ, такъ я его заставлю ежедневно сто горшковъ воды выливать мнѣ на ноги.

Разгнѣвался очень царь и говоритъ визирю:

— Ступай за ней, посмотри, куда она пойдетъ.

Повернулъ оттуда царь гнѣвный, къ себѣ, во дворецъ. Вотъ узналъ визирь отъ другихъ, что дѣвка дочь серебренника. Пришелъ къ царю и говоритъ:

— Великій царь, дѣвка эта дочь серебренника!

Пошёлъ царь къ себѣ въ гаремъ и говоритъ царицѣ:

— Позови къ себѣ дочь серебренника. Желаю съиграть съ нею свадьбу.

Послала царица ḍoli [1]), за дѣвкою. Пришла дочь серебренника къ царицѣ.

— Коль ты захочешь, такъ царь на тебѣ женится, — говоритъ царица дѣвкѣ.

Ничего не сказала дѣвка, а только улыбнулась на слова царицы. А царь изъ сосѣдней комнаты всѣ слова слышалъ.

Послалъ царь за серебренникомъ и говоритъ ему:

---

[1]) ḍoli. Носилки для женщинъ. Въ нихъ можно только сидѣть поджавъ ноги.

— Выдай за меня дочь!

Отвѣчаетъ серебренникъ:

— Я серебренникъ, а ты царь. Какъ же мнѣ дочь за тебя выдать?

— Коль за меня дочери не выдашь, такъ всю твою касту [1]) перебью! — говоритъ царь.

---

[1]) О современномъ значеніи касты или jâti см. Maine, European Views of India. Calcutta. 1875, стр. 14. There is only one perfect universal caste, that of the Brahmins; there are a certain number of isolated dynasties and communities pretending to belong to the second of the theoretical castes; but, in the majority of instances, caste is only the name for a number of practices which are followed by each one of a multitude of groups of men, whether such a group be ancient and neutral, modern or artificial. As a rule, every trade, profession, guild, tribe, clan is also a caste, and the members of a caste not only have their own special objects of worship selected from the Hindoo Pantheon or adopted into it, but they exclusively eat together and exclusively intermarry.

Нѣсколько видоизмѣненнаго мнѣнія держится Rev. M. A. Sherring (Hindu Tribes and Castes as represented in Benares. London 1872); на стр. XXII онъ говоритъ: We thus arrive at the conclusion, that existing Hindu castes are of two kinds: first, those of comparatively pure blood, Brahmans, Kshatrias, and perhaps some of the Vaisyas; secondly, those of impure or mixed blood, embracing all the castes not included in the first division. The first have maintained their individuality from ancient times to the present. The rest have not done so but have intermarried with the higher castes, with one another, and with conquered aboriginal races.

Unlike the superior castes, the mixed castes have in the lapse of time, not only changed their names, but, probably, to some extent their occupation likewise; and therefore, it is hardly possible, except in rare cases, to trace them to their origin. Далѣе, говоря о духѣ исключительности, замѣчаемомъ особенно въ низшихъ кастахъ, авторъ сообщаетъ: Each caste contains usually several, sometimes many, sub-divisions or sub-castes. For example, the Kayasth, or writer caste in the North-Western Provinces has twelve subdivisions. These cannot eat rice together, nor can they intermarry except with the first of the twelve. Again, the Barhai or carpenter caste has seven sub-castes which are so distinct from one another that they hold no direct social intercourse with each other, either by marriage, or by eating or smoking together. На стр. XXIII авторъ говоритъ: «The members of caste are,

Отвѣчалъ серебренникъ:

— Хорошо, великій царь! Пойду и спрошу родныхъ, коль они мнѣ скажутъ, выдать за тебя дочь, такъ непремѣнно выдамъ.

Пошелъ серебренникъ домой и сказалъ роднымъ:

— Царь пожелалъ жениться на моей дочери. Если вы этимъ довольны, такъ я выдамъ за него дочь.

Родные были довольны и женился царь на дочери серебренника.

II.

Говорилъ царь женѣ:

— Скажи, зачѣмъ ты говорила: коль у меня будетъ такой мужъ, такъ я его заставлю ежедневно сто горшковъ воды выливать мнѣ на ноги? Заставь-же теперь меня выливать сто горшковъ себѣ на ноги; а не заставишь этого дѣлать, такъ я тебя мечомъ изрублю.

Молчитъ молодая жена.

— Заставляй же выливать воду, — говоритъ опять царь, — а то я тебя зарѣжу!

— Отпусти меня, на шесть мѣсяцевъ, къ отцу, — говоритъ жена,—поживу тамъ и заставлю тебя сто горшковъ воды выливать мнѣ на ноги.

Царь далъ женѣ отпускъ на шесть мѣсяцевъ.

Забрала она много добра и пошла въ домъ къ отцу.

— Купи мнѣ зеленое платье, — говоритъ она отцу, — и въ

---

doubtless, united together by peculiar sacred and social ties. In addition, they bear a tribal relation to one another of great significance. Each caste, in virtue of its distinctiveness, and of its holding no marriage connexion with other castes either in its neighbourhood or elsewhere, is in fact a tribe governed by laws of the most imperious character. О Sonâr, т. е. золотыхъ дѣлъ мастерѣ на стр. 314, читаемъ: «The Sonârs are goldsmiths, silversmiths, and jewellers. In Benares they profess to derive their origin from the Kshatrias... The Mahratta Sonâr caste regards itself as allied to the Brahmans, and the sub-castes style themselves Uρa-Brahmanas, or minor Brahmans... They are said to have a peculiar language or dialect of their own. This statement, however, I have not had the opportunity to verify.

одинъ день сшей его. Сдѣлай мнѣ такихъ украшеній на ноги, руки и голову, какихъ ни у кого нѣтъ. Не сдѣлаешь,—заставлю царя убить тебя и всю твою касту.

Разослалъ отецъ людей во всѣ стороны; отыскали зеленое платье. Изготовилъ отецъ украшенія.

Говоритъ дочь отцу:

— Изготовь мнѣ сундукъ; чтобы былъ онъ локоть въ длину, локоть въ ширину, и чтобы спрятать въ него можно было всѣ платья и украшенія.

Пошелъ отецъ къ плотникамъ. Изготовили ей и сундукъ.

Вотъ, разъ нарядилась она въ зеленое платье; развѣсила всѣ украшенія; посмотрѣлась въ зеркало и видитъ, что хороша, точно пэри. Говоритъ послѣ того отцу:

— Если кто отъ царя придетъ сюда, ты скажи, что дочь больна!

Сама сняла всѣ одѣянія, заперла въ сундукъ, нарядилась факиромъ и вышла изъ дому. Взяла съ собою барабанъ и ящикъ съ платьями.

Поетъ, играетъ. Всѣ, кто ни слушалъ факира, сталъ его хвалить. Дошла до царя вѣсть о факирѣ.

Позвалъ царь факира, онъ не пошелъ. Пошелъ царь самъ къ факиру и говоритъ

— Батюшка [1]), какъ тебя зовутъ?

— Зовутъ меня «Дорогая жена», — отвѣчаетъ факиръ.

— Дорогая жена! — говоритъ царь, приходи когда нибудь ко мнѣ пообѣдать.

— Отлично! — отвѣчаетъ факиръ.

Разъ приходитъ факиръ къ царю.

— Дорогая жена, —говоритъ царь факиру, —спой мнѣ пѣсенку.

Спѣлъ факиръ царю пѣсенку. Послушалъ царь и остался доволенъ.

Говоритъ однажды факиръ царю:

— Приготовь мнѣ покупаться когда нибудь.

---

[1]) bâbâ-ji или «батюшка» обыкновенно употребляется въ разговорѣ съ факиромъ.

— Отлично! — отвѣчалъ царь и отдалъ приказъ слугамъ: — нагрѣйте воды для факира «Дорогой-жены».

Приготовили слуги воду, по приказанію царя. Вотъ и говоритъ царь:

— Дорогая жена, вода готова, купайся!

— Я въ домѣ не купаюсь, — говоритъ факиръ.

— Гдѣ-же ты купаешься? — спрашиваетъ царь.

— Въ пруду купаюсь, — отвѣчаетъ «Дорогая жена».

— Хорошо! — говоритъ царь, позвалъ пятьдесятъ солдатъ и говоритъ имъ:

— Сегодня я въ пруду стану купаться.

Прудъ былъ недалеко отъ городу, въ трехъ миляхъ. Пошелъ царь съ факиромъ и войскомъ къ пруду. Царь взялъ войско потому, что къ пруду часто приходили Буты [1]) купаться.

Идутъ; какъ осталась до пруда одна миля, говоритъ факиръ царю:

— Зачѣмъ ты, царь, взялъ съ собою столькихъ солдатъ? Развѣ мы идемъ воевать? Я думаю, что нужно солдатъ вернуть назадъ.

Отослалъ царь, по факирову приказу, всѣхъ солдатъ назадъ.

Пришелъ царь съ факиромъ къ пруду въ самый полдень.

Вотъ говоритъ факиръ царю:

— Царь, я отлучусь; не пугайся, если сюда придетъ жена моего учителя. Что она тебѣ ни прикажетъ, все исполняй!

Сказавъ эти слова, факиръ ушелъ въ лѣсъ. Отошелъ немного, выкупался; вытащилъ изъ сундука зеленое платье и украшеніе. Разрядился и сталъ точно пэри.

Подходитъ «Дорогая жена» къ царю. Заслышалъ царь шумъ шаговъ и украшеній, сильно испугался.

— Ты кто? Зачѣмъ сюда пришелъ? — говоритъ «Дорогая жена» царю.

— Я царь, — отвѣчаетъ тотъ. — Пришелъ сюда съ факиромъ «Дорогая жена»; онъ ушелъ.

— Хорошо! Не-то я навѣрно съѣла бы тебя! Пришёлъ ты

---

[1]) bhûta, демонъ. Объ этомъ смотри далѣе и въ предисловіи.

съ моимъ учителемъ, потому не съѣмъ тебя. Наложу на тебя одно наказаніе.

Согласился царь на это.

— Натаскай ты изъ пруда воды сто сосудовъ и полей мои ноги.

Сталъ царь по приказу воду таскать и на ноги лить.

Какъ вылилъ царь двадцатый или двадцать пятый сосудъ, говоритъ ему «Дорогая жена»:

— Царь, ты усталъ! Перестань лить!

Поднялъ царь глаза на нее и какъ увидалъ ея платья и украшенія, такъ испугался. Ушла она оттуда. Мигомъ сняла платье и украшенія, нарядилась факиромъ и приходитъ опять къ царю. Пришла да и спрашиваетъ царя:

— Кто приходилъ сюда, царь?

— Приходила сюда, — говоритъ царь, — какая то женщина, разряженная, разукрашенная. «Ты кто?» спросила она меня. Разсказалъ я ей всю правду. «Я тебя съѣмъ!» сказала она мнѣ, на это. Я сказалъ ей твое имя. Она мнѣ на это говорила: «если ты съ нимъ пришелъ, такъ вылей мнѣ на ноги двадцать пять или тридцать сосудовъ воды!» Послѣ того, какъ я это сдѣлалъ, она ушла.

Вотъ пошелъ факиръ съ царемъ назадъ домой. Подумалъ факиръ: «прошли шесть мѣсяцевъ, теперь, навѣрно мужъ-царь станетъ меня звать».

Пошёлъ факиръ къ царю и говоритъ:

— Теперь, я пойду куда нибудь, въ другое мѣсто!

Пошелъ факиръ отъ царя въ домъ отца и скинулъ тамъ свой нарядъ.

Чрезъ нѣсколько дней приходитъ отъ царя приказъ:

«Кончились шесть мѣсяцевъ, приходи ко мнѣ!»

Пришла жена къ царю. Царь и говоритъ ей:

— Зарѣжу тебя, коль ты теперь не заставишь меня вылить сто сосудовъ воды тебѣ на ноги!

Говоритъ ему жена:

— Ходилъ-ли съ факиромъ къ пруду? Не встрѣтилъ-ли ты тамъ пэри? Не вылилъ-ли ты ей на ноги двадцать пять, тридцать сосудовъ воды? Не простила-ли она тебя, когда ты усталъ?

Удивляется царь и не вѣрится ему.

— Коль ты тамъ была, такъ покажи мнѣ свои наряды!

Пошла жена нарядилась и приходитъ къ царю. Видѣлъ царь такую красавицу только разъ, какъ ходилъ къ пруду. Застыдился и говоритъ:

— Истинно, ты заставила меня вылить тебѣ на ноги сто сосудовъ воды!

2.

Шакалъ.

Былъ шакалъ и была у него жена. Стала жена его брюхата. Какъ настало ей время родить, говоритъ она мужу: — настало мнѣ время родить; поди, поищи яму!

Пошёлъ шакалъ искать яму и нашелъ львиную яму.

Поселились они въ той ямѣ. Народились у шакала щенята. Подросли щенята и стали сильны. А левъ въ яму еще не приходилъ.

Разъ приходитъ къ ямѣ левъ. Увидалъ его шакалъ и научилъ жену, что дѣлать, а самъ взобрался на верхушку горы.

Скребетъ жена щенятъ, а они кричатъ.

— Жена, жена, зоветъ шакалъ жену, отчего щенята раскричались?

Отвѣчаетъ жена.

— Вчерашняго льва не ѣдятъ, а свѣжаго нѣтъ!

— Страшныя рѣчи, — думаетъ левъ; — дагадываюсь, что хотятъ меня съѣсть!

Побѣжалъ левъ оттуда. Сидѣла тамъ на деревѣ обезьяна; говоритъ она льву:

— Такой ты сильный человѣкъ, а отъ словъ шакала испугался и бѣжишь!

— Вѣдь въ ямѣ шакалъ, — говоритъ опять обезьяна, — развѣ онъ тебя съѣстъ?

— Коль пойдешь со мною,—говоритъ левъ,—такъ и я пойду.

Свила обезьяна веревку; половиною веревки обвязала чресла льва, а другою свои. Пошли. Впереди идетъ обезьяна, сзади левъ.

Увидалъ ихъ шакалъ и научилъ жену, что говорить, а самъ ушелъ на гору и кричитъ оттуда:

— Жена, жена, отчего щенята раскричались?

Отвѣчаетъ жена:

— Вчерашняго льва не ѣдятъ, а свѣжаго еще не достала!

Какъ услыхалъ левъ эти слова, испугался и побѣжалъ. Потащилъ съ собою обезьяну и задушилъ ее.

3.

Прогнанный царевичъ.

I.

Былъ жилъ царь и былъ у него одинъ сынъ. И женилъ царь сына. Разъ пошёлъ сынъ съ женою къ тестю. Пришли къ тестю, и сдѣлалъ имъ тесть угощеніе. И какъ сталъ царскій сынъ возвращаться домой, подарилъ тесть дочери брилліантовое кольцо, а зятю брилліантовое ожерелье. Пошли они дорогою; шли, шли и увидали пипалъ (ficus religiosa) на дорогѣ. Остановились у того дерева, повѣсилъ царскій сынъ свое ожерелье на сучекъ, а самъ пошёлъ воды напиться. Въ то время одна пэри въ мірѣ Индры не съумѣла плясать предъ царемъ Индрою. Проклялъ её царь Индра и сказалъ: «двѣнадцать лѣтъ ты стой въ лѣсу!» И бывала она въ иную пору вороною, въ иную пэри. Въ ту пору была вороною. Схватила ожерелье и сѣла на верхушку дерева. Пришелъ царевичъ и не увидалъ своего ожерелья. Говоритъ онъ женѣ:—какъ придемъ мы домой, и станутъ тебя домашніе спрашивать: «что ты принесла?» покажи имъ брилліантовое кольцо.

— Хорошо, — отвѣчала въ ту пору жена.

Вотъ пришли они домой и спрашиваетъ царь сына: — твой тесть что тебѣ подарилъ?

— Подарилъ онъ своей дочери брилліантовое кольцо, — отвѣчалъ сынъ.

Спрашиваетъ свекровь сноху: — отецъ что тебѣ подарилъ? Мужу твоему что подарилъ?

— Подарилъ мнѣ отецъ брилліантовое кольцо, а твоему сыну брилліантовое ожерелье, — отвѣчала сноха.

Пересказала всѣ тѣ слова царица царю. И сказалъ царь сыну: — ты мнѣ не сынъ, а врагъ! Коль ты свое добро теряешь, какъ же ты мое побережешь?

И говоритъ онъ ему еще: — ступай ты отъ меня и живи въ лѣсу!

Выбралъ царевичъ хорошаго коня, сѣлъ на него верхомъ и поѣхалъ въ лѣсъ. Подъѣхалъ къ тому самому дереву пипалъ и привязалъ коня къ сучку. Пришла туда же пэри и повѣсила на тотъ сукъ ожерелье. Удивился царевичъ: — не видалъ я этой женщины впереди и не видалъ назади: откуда она сюда пришла?

А она ему говоритъ: — я съ тобою пойду!

— Хорошо, — говоритъ царевичъ, — пойдемъ! Пошли они по дорогѣ и видятъ: змѣй схватилъ въ пасть лягушку и не можетъ ёе проглотить. Сошелъ царевичъ съ коня, отрѣзалъ у ноги кусокъ мяса и бросилъ мясо змѣю. Выпустилъ змѣй лягушку. И пошли змѣй и лягушка по домамъ.

— Гдѣ ты былъ все это время? — спрашиваетъ змѣя жена.

— Ты, Raṇḍâ [1]), такое слово мнѣ говоришь, — отвѣчаетъ змѣй. — Умиралъ я сегодня, да царевичъ меня оживилъ!

— Ступай за нимъ, — говоритъ жена, — и какъ будетъ онъ въ затрудненіи, помоги ему!

Принялъ змѣй образъ брахмана и пошёлъ за царемъ.

Вотъ спросила жена лягушку, и разсказала все лягушка.

— Если для тебя царевичъ сдѣлалъ это, такъ ты иди за нимъ и сдѣлай ему таковое же, — говорила жена.

И приняла лягушка образъ брадобрея и пошла за царемъ.

---

[1]) Raṇḍâ, вдова, развращенная, дурная женщина тоже что Raṇḍi.

II.

Пошли эти четыре человѣка по дорогѣ. И говоритъ имъ царевичъ:—друзья, коль хотите, такъ идите. У меня ничего нѣтъ, только вотъ этотъ конь. Если побережете его, такъ въ иную пору поѣзжайте на немъ, а въ иную пору я на немъ поѣду!

Говорилъ брадобрѣй: — стану я брить, и на заработки станемъ мы жить!

— Стану я по деревнямъ ходить, милостыню просить, и на это станемъ мы жить, — говорилъ брахманъ.

— А я въ лѣсу стану охотиться, — сказалъ царевичъ.

— А я, — говоритъ пэри, — буду обѣдъ варить!

Пошли они по дорогѣ и пришли въ одинъ городъ. Пошли царевичъ на охоту, брадобрѣй брить, брахманъ свершать пужу [1]).

Говорила тутъ пэри сама себѣ: — давно не мыла я головы! Пойду вымою сегодня голову!

И пошла она голову мыть.

Въ двадцати пяти косахъ [2]) оттуда былъ одинъ городъ. И пришелъ изъ того города царскій сынъ покупаться въ той рѣкѣ. Нашелъ онъ волосокъ той пэри и смѣрилъ тотъ волосокъ. И былъ тотъ волосокъ длиною въ сорокъ четыре локтя.

Пошелъ принцъ домой и говоритъ отцу: — жени меня на той, у которой такіе волосы.

— Не очень это трудно, — говоритъ царь. Позвалъ слугу и говоритъ ему: — отыщи такую-то женщину!

— Отыщу, — говорилъ слуга, — дай мнѣ только постель-самолетку!

— Хорошо! Дамъ тебѣ постель-самолетку! — Далъ ему царь постель-самолетку и пошёлъ слуга по дорогѣ. Шёлъ, шёлъ слуга и послѣ великихъ трудовъ дошелъ до того мѣста, гдѣ жила пэри. Перевернулъ онъ постель-самолетку на рѣкѣ и пошелъ къ пэри. Поцѣловалъ ёе и говоритъ:

---

[1]) Pûjâ всякаго рода богослуженіе.

[2]) Kos, имѣетъ въ сѣверной Индіи различную длину: $1^1/_4$ мили, $2^1/_4$ и 4 мили см. Cunningham, The ancient Geography of India, стр. 574.

— Дочка! Почему давно ты не мыла головы? Не хорошо пахнетъ отъ твоей головы!

Повелъ онъ ёе къ рѣкѣ и стала она на постель-самолетку.

— Постель, — сказалъ тутъ слуга, — откуда пришла, туда на задъ иди!

И принесъ слуга пэри въ царскій дворецъ.

III.

Вернулись назадъ охотникъ, брадобрѣй и брахманъ. Смотрятъ и не видятъ пэри. — Удивительное это дѣло, — говорятъ между собою, — кто увелъ царицу?

IV.

Какъ пришла пэри къ принцу, сказала она ему: — Двѣнадцать лѣтъ будешь ты мнѣ братомъ, а я тебѣ сестрою. Послѣ двѣнадцати лѣтъ будешь ты мнѣ царемъ, а я тебѣ царицей!

— Раздавай ты двѣнадцать лѣтъ постоянную милостыню, — говоритъ царь. И выстроилъ царь страннопріимный домъ и поставилъ тамъ слугъ.

Говорила царица тѣмъ слугамъ: — Какіе люди будутъ въ томъ домѣ ночевать, объ чемъ говорить, обо всемъ этомъ мнѣ докладывайте!

Пришли разъ въ тотъ домъ три человѣка. Наѣлись, напились и стали между собою говорить: — Хорошо бы намъ увидать царицу!

Вотъ на другой день пошли слуги къ царицѣ и доложили: — Вчера пришли три человѣка и говорили между собою: Какая была бы радость, увидать царицу!

— Позвать ихъ ко мнѣ! — приказала царица. Пришли они въ трехъ-этажный дворецъ: — Вы не горюйте, — сказала имъ царица, — берите постоянную милостыню!

Сидѣлъ разъ царь въ Качари [1]). Пришелъ туда брадобрѣй и говоритъ: — По справедливости ли ты, царь, судишь или нѣтъ?

— По справедливости я сужу, — отвѣчаетъ царь.

---

[1]) Качари, зданіе суда, зданіе гдѣ сбираются подати и т. д.

— Если же ты, царь, по справедливости судишь, то какая же тутъ справедливость, что твой сынъ нашу женщину увелъ?

Промолчалъ царь и позвалъ потомъ тѣхъ трехъ человѣкъ:— Оставайтесь на моей службѣ, — говоритъ имъ.

— Какое жалованье дашь? — спрашиваютъ они.

— Какое возьмете, то и дамъ.

— Беремъ цѣлый лакъ [1]) монеты танка [2])!

Опредѣлилъ ихъ царь на службу къ царевичу и давалъ имъ каждый день по лаку.

И какъ давалъ царь имъ по стольку, говоритъ принцу разъ одинъ слуга: — понапрасну тратишь, царь, цѣлый лакъ! Коль хочешь отъ царевича отдѣлаться, прикажи ему выстроить мостъ на рѣкѣ Ямунѣ, да Дармасала [3]). Ступай самъ туда, ослабь перстень, и играя съ нимъ въ кости, перстень урони въ Ямуну и скажи ему:—Коль хочешь, чтобы отецъ не наказывалъ тебя, принеси перстень; не то убью тебя!

Позвалъ царь царевича и говоритъ ему:—Ступай, построй мостъ на Ямунѣ, а на мосту выстрой Дармасала.

Пошелъ царевичъ, выстроилъ мостъ на Ямунѣ, а на мосту Дармасала.

— Пойдемъ туда, — говоритъ царевичу принцъ, — поиграемъ сегодня въ кости! — А самъ ослабилъ перстень.

Стали играть, и уронилъ принцъ перстень въ воду. — Коль не достанешь мнѣ перстня, убью тебя пулею, — говоритъ.

Пошёлъ царевичъ въ свой домъ, и придя туда разсказалъ обоимъ своимъ спутникамъ.

— Другъ,—говоритъ лягушка, что̀ сдѣлалась брадобрѣемъ,— теперь я тебѣ дамъ жизнь!

Оставила лягушка образъ брадобрѣя и пошла въ рѣку. Пришла туда и стала квакать. Собрались всѣ лягушки: «Что случилось?» спрашиваютъ. Собрались рыбы. Пришелъ царь рыбъ и царь лягушекъ. Достали перстень и отдали той лягушкѣ.

---

[1]) lâkha, сто тысячъ.

[2]) ṭaṅka мелкая серебряная монета, сикъ пенсъ.

[3]) Dharmasâlâ. страннопріимный домъ, больница. Эти дома вы страиваются по дорогамъ для бѣдныхъ странниковъ.

Пошла лягушка домой и отдала тотъ перстень царевичу; а тотъ пошёлъ къ принцу и отдалъ ему перстень.

Сталъ принцъ въ умѣ держать: — Убьетъ онъ меня теперь! Такъ я полагаю, коль живъ онъ вернулся!

И приказалъ принцъ:—Назавтра я и онъ станемъ стрѣляться!

Тутъ змѣй, что сдѣлался брахманомъ, сталъ говорить:

— Другъ, сегодня я тебѣ жизнь дамъ!

Сдѣлался онъ опять змѣемъ и укусилъ принца.

Исполнилось тутъ двѣнадцать лѣтъ царевнѣ.

И пошли четыре человѣка по своимъ домамъ.

Увидалъ царь своего сына царевича и сильно обрадовался.

4.

Демонъ.

Шелъ одинъ человѣкъ въ свою деревню и повстрѣчалъ Bhûta. Увидалъ онъ сначала передъ собою собаку; позвалъ ёе и говоритъ:— пойдемъ со мною!

Пошёлъ онъ впередъ и что же увидалъ? Тысячи свиней забѣгали кругомъ него! Увидалъ онъ это и испугался. Окружило его стадо свиней. Взялъ онъ камень и бросилъ въ нихъ. Разбѣжались свиньи.

Пошелъ онъ впередъ и что же увидалъ? Идетъ къ нему большой левъ. Говоритъ онъ самъ съ собою:—Съѣстъ меня, навѣрное, этотъ левъ! — Взялъ да влѣзъ на дерево. Левъ заревѣлъ и убѣжалъ.

Сталъ онъ отъ страха безъ чувствъ. Какъ очнулся, пошёлъ впередъ и что же увидалъ? Красавицу женщину. Обрадовался онъ и сталъ съ нею говорить; много говорилъ, а она все молчитъ.

Вотъ пришли на мостъ; она его съ моста толкнула и упалъ онъ въ воду. И едва не потонулъ бѣднякъ!

5.

Глупый сынъ и разумная мать.

Вздумалось малому странствовать. Говоритъ онъ матери:

— Матушка! Напеки мнѣ хлѣба на дорогу!

Напекла ему мать хлѣба и пошёлъ онъ странствовать.

Умылъ по дорогѣ лице и руки; сталъ было ѣсть, а тутъ откуда ни возмись стоитъ около него собака. Далъ онъ собакѣ полъхлѣба и убѣжала собака.

Въ ту пору у одного богача разложили на солнцѣ кожанные мѣшки съ золотомъ. Пришла туда собака, схватила одинъ мѣшокъ и побѣжала къ малому назадъ. Догнала его и положила передъ нимъ мѣшокъ. Раскрылъ малый мѣшокъ и какъ увидалъ тамъ золото, обрадовался. И отдалъ онъ собакѣ весь свой хлѣбъ. Прибѣжалъ въ радостяхъ домой, отдалъ матери мѣшокъ съ золотомъ. Посмотрѣла мать въ мѣшокъ и обрадовалась.

Была его мать умница, накупила она на восемъ аннасъ [1])ластей и разбросала ихъ по крышѣ и по верандѣ [2]).

— Сынокъ! смотри-ка какой дождь шелъ! Ѣшь сласти, сколько хочешь,—говоритъ мать. Сынъ обрадовался, все поѣлъ, ничего не оставилъ.

Сшила ему мать хорошее платье.

Вотъ разъ говоритъ сынъ матери: — Матушка, дай мнѣ четыре пайса [3]). Пойду на базаръ.

— Что же ты съ деньгами станешь дѣлать? — спрашиваетъ его мать.

— На одинъ пайса куплю бетелю, на одинъ орѣховъ, на одинъластей, а одинъ пайса отдамъ Ранди [4]).

Дала ему мать четыре пайса и пошёлъ онъ на базаръ. При-

---

[1]) Восемъ аннасъ, полъ рупи, равняются одному шилингу. О современныхъ индѣйскихъ монетахъ см. Prinsep, Useful Tables. London. 1858.

[2]) Веранда, крытая террасса, кругомъ дома.

[3]) 4 Пайса = 1 аннасъ, см. Prinsep. ibd.

[4]) Raṇḍi — развращенная, дурная женщина.

шёлъ сначала въ лавку, гдѣ бетелемъ торгуютъ, и говоритъ:— Panavârî! Panavárî [1])! Хорошій бетель есть у тебя?

— Отличный есть, господинъ! Сейчасъ пошлю достать! Сколько вамъ угодно?

— Около полутороста связокъ нужно мнѣ!

Пошелъ онъ затѣмъ къ кандитеру и говоритъ:—Кандитеръ, а кандитеръ, готовыя сласти есть?

— Сколько вамъ нужно, господинъ? — спрашиваетъ тотъ.

— Да нужно мнѣ одинъ или два mâna [2])!

— Изготовлю столько господинъ! — говоритъ кандитеръ.

— Къ моему приходу приготовь!

Пошёлъ онъ къ Raṇḍi и ночевалъ у ней. На утро, какъ уходить, отдаетъ ей одинъ пайса. Заспорили.

— Цѣлую ночь, — кричитъ Raṇḍi,—проспалъ съ матушкою; а даешь только одинъ пайса!

Прибила его Raṇḍi башмаками, стащила съ него двойной плащъ (dohara). Пошёлъ онъ оттуда къ кандитеру.

— Кандитеръ, а кандитеръ! — говоритъ, — сласти готовы?

— Готовы, господинъ! Сколько прикажите отвѣсить?

— Да отвѣсь мнѣ попробовать, на одинъ пайса!

Прибилъ его больно кандитеръ, стащилъ съ него всю одежду.

Пришёлъ онъ затѣмъ въ лавку, гдѣ бетелемъ торгуютъ: — Господинъ, — говоритъ продавецъ, — готовъ бетель!

— Отлично! отпусти же мнѣ на одинъ пайса!

Разсердился купецъ, больно его билъ и стащилъ съ него послѣднюю dhoti (повязка у чреслъ), что осталась на немъ.

Забили тутъ въ барабанъ: пропалъ у одного богача, мѣшокъ съ золотомъ; кто его принесетъ, тому будетъ награда!

Услыхалъ это малый и говоритъ: — давайте награду, нашёлъ я мѣшокъ!

— Гдѣ-же мѣшокъ? — спрашиваютъ его.

— У моей матушки!

Пошёлъ съ нимъ народъ въ домъ.

---

[1]) Panavârî, продавецъ бетелу.

[2]) Mân, т. е. англійскій maund = 82 lbs.

— Матушка! гдѣ мѣшокъ, что я тебѣ далъ? — говоритъ малый матери.

— Когда ты мнѣ мѣшокъ давалъ?

— А въ тотъ день, какъ съ неба сласть валилась!

Говоритъ мать народу:—Когда же это съ неба сласти валятся?...

Слушаетъ народъ его слова, да смѣется:—Вотъ полоумный-то!

И ушли всѣ оттуда.

6.

Хитрый сипай.

Проголодался по дорогѣ сипай (солдатъ) и зашелъ въ одинъ домъ. Готовила тамъ женщина обѣдъ, а мужъ за дровами въ лѣсъ ушёлъ.

— Дай мнѣ поѣсть! — говоритъ сипай той женщинѣ.

— Откуда я тебѣ возьму ѣды? — отвѣчаетъ она, — нѣтъ у меня ничего!

Помолчалъ сипай и говоритъ:—Чудное дѣло видѣлъ я по дорогѣ—на двухъ телегахъ везли одинъ манго [1]). И былъ тотъ манго съ домъ!

— Гдѣ ты это видѣлъ?—спрашиваетъ его женщина. Указалъ ей сипай на мѣсто, съ милю отъ дому.

— Посторожи, другъ, мой домъ. Я сбѣгаю, посмотрю, — говоритъ женщина.

— Хорошо, — согласился сипай. Побѣжала она смотрѣть, а сипай весь хлѣбъ, что она себѣ и мужу напекла, воровски поѣлъ. Осталось хлѣба немного. Приходитъ тутъ мужъ съ дровами изъ лѣсу.

— Ты кто? — спрашиваетъ онъ сипая.

— Странникъ! — отвѣчаетъ тотъ.

— А гдѣ моя жена?

---

[1]) Извѣстный индійскій плодъ, величиною съ большое яблоко.

— Да, вотъ сейчасъ, приходилъ какой-то человѣкъ; поманилъ ее пальцемъ оттуда; она и пошла съ нимъ.

— Въ какую сторону пошла?

— По дорогѣ пошла, направо!

Побѣжалъ бѣднякъ искать жену; а она въ ту пору домой пришла. — А! — говоритъ, — мужъ дрова принесъ. Куда-же самъ-то ушёлъ?

— Сейчасъ здѣсь былъ, — говоритъ сипай; — поманила его какая-то женщина, у того дерева. И пошёлъ онъ съ нею!

— Куда пошелъ?

— По дорогѣ пошелъ, налѣво! — отвѣчаетъ сипай. Побѣжала жена мужа искать. А сипай на радостяхъ хлѣбъ доѣлъ. Забралъ все добро, что было въ домѣ, и ушелъ, спрятался около деревни.

Вотъ вернулся мужъ съ женою и стали браниться: — Ты къ другому мужу ходила! — говоритъ одинъ. — Ты къ другой женѣ бѣгалъ! — кричитъ жена. Сталъ мужъ жену сильно бить: — Зачѣмъ изъ дому ходила? — спрашиваетъ. А она кричитъ, заливается слезами.

Услыхалъ сипай плачъ и крикъ и сталъ говорить народу, на деревнѣ: — Рамъ! Рамъ! Вотъ бѣднякъ-то! Былъ у него одинъ ребенокъ, и тотъ померъ!

Заплакалъ народъ; Сива! Сива! Рамъ! Рамъ! — запѣли и пошли къ дому бѣдняка.

Какъ стали они тамъ шумѣть, сипай тѣмъ временемъ убѣжалъ.

— Охъ! горе! —говоритъ народъ, —ребенокъ-то у тебя померъ!

А бѣднякъ сердится, кричитъ: — Помирайте ваши дѣти. Пришли сюда съ худыми словами!

Долго они бранились. А сипай тѣмъ временемъ убѣжалъ.

7.

Крохотка.

Былъ у старухи сынъ и женила она сына. Невѣстка жила въ родительскомъ домѣ, а зять жилъ въ своемъ.

Говоритъ онъ разъ матери: — Матушка, сегодня пойду къ тестю!

— Или на дорогу чего надобно? — говоритъ мать. Пошла, заняла четыре пайса и отдаетъ сыну:—Купи себѣ, крохотку поѣсть!

Пошелъ онъ на базаръ, взошелъ въ первѣйшую лавку и говоритъ:—Дайте мнѣ крохотку на одинъ пайса!

— Братецъ, говоритъ купецъ, здѣсь все есть! Называй, что тебѣ нужно, то тебѣ и дамъ!—Говоритъ на это (послушный сынъ):

— Мнѣ матушка говорила, купи себѣ крохотку. Какъ она сказала, такъ ты мнѣ и дай крохотку!

Обошелъ онъ, съ этими словами весь базаръ и взошелъ наконецъ въ одну улицу, и говоритъ съ собою:—Сгорай этотъ базаръ. Искалъ я тамъ крохотку и не нашелъ!

Въ той улицѣ была лавочка, услыхалъ его купецъ и говоритъ:—Ахъ братецъ! Не говори этого! У меня есть крохотка. Покупай!

— Навѣрно этотъ лавочникъ всѣмъ торгуетъ! говоритъ онъ самъ собою, взошелъ въ лавку и требуетъ:—Отлично! Давай мнѣ крохотку!

Подалъ ему купецъ тыкву, и отдалъ онъ за тыкву четыре пайса. Поѣлъ тыквы и пришелъ къ тестю. Обрадовался тесть зятнину приходу.

Вотъ настала ночь, у зятя брюхо распухло отъ сырой тыквы и говоритъ онъ: — Отнынѣ никогда не стану ѣсть крохотки!

— Зять, говоритъ тесть, ты бы вымылъ ноги и руки, да поѣлъ крохотку!

— Нѣтъ! отвѣчалъ зять, никогда не стану ѣсть крохотки!

— Нашъ зять очень боленъ!—думаетъ тесть и говоритъ зятю опять:—Ну, хорошо, коль ѣсть ничего не хочешь, такъ попей молока!

— Хорошо! Молочка выпью!—Согласился зять.

Говоритъ тесть дочери:—Дочка! Нашъ зять что-то пріунылъ! Ты бы пошла къ нему; въ карты поиграй и займи его, какъ умѣешь!

Взяла дочь карты и пошла къ мужу. Разложила передъ нимъ карты; а онъ и поигралъ бы, да не умѣлъ!

Пришла дочь къ матери и говоритъ:—Наигрались въ карты, давай ему теперь молока!

Дала мать молока; стащила дочь мужу молока и поставила около его кровати. А сама оттуда ушла и вернулась къ матери.

И счелъ зять карты за хлѣбъ и поѣлъ ихъ. Выпилъ молоко и пятьдесятъ двѣ карты пріѣлъ. Вернулась жена и спрашиваетъ.—Пилъ молоко?

-- Да! Выпилъ я молока и хлѣбца поѣлъ. Такой онъ тонкій! Отвѣчаетъ мужъ.

— О Господи! замолилась жена, какого-же ты умнаго мнѣ мужа послалъ! И убѣжала въ горѣ.

Захотѣлось мужу ночью по своей надобности. И говоритъ онъ себѣ:—Вотъ задача! Коль выйду отсюда, такъ назадъ дороги не найду!—Снялъ съ головы турбанъ, привязалъ одинъ конецъ къ постели и говоритъ себѣ:—гдѣ турбанъ кончится, тамъ я и присяду!

Какъ вышелъ онъ, на ту пору взошла туда жена. — Куда онъ ушелъ?—спрашиваетъ она себя. Увидала турбанъ, у постели, взяла, да отвязала его.

Шелъ, шелъ и дошелъ до дому. — Зачѣмъ такъ спѣшишь? спрашиваетъ его мать:

— Ахъ! Матушка, захотѣлось мнѣ за своею надобностью. И не знаю, какъ я пришелъ сюда!

Засмѣялась мать, и говоритъ:—Убирайся ты полоумный!

8.

Пословица.

Читалъ одинъ человѣкъ сказку. Приходитъ къ нему знакомецъ и говоритъ:

— Господинъ! знаменитая пословица гласитъ: у полоумнаго борода длиннѣе лица!

Промолчалъ на это тотъ человѣкъ въ ту пору. И вспомнилось ему ночью: у полоумнаго борода длиннѣе лица!

Сталъ онъ въ зеркало смотрѣть на свою бороду:—длинна моя борода! говоритъ самъ себѣ.—Дѣло поправимое! думается ему. И сдѣлалъ онъ такъ. въ одну руку взялъ бороду, а въ другую лампадку.

Вотъ пламя коснулось сначала бороды. а потомъ руку обожгло; разжалъ онъ мигомъ кулакъ, и огонь поднялся и бороду сжогъ и лице обжегъ: — Навѣрно, справедлива та пословица! Кто-же полоумнѣе меня! говоритъ онъ самъ себѣ.

9.

К у л и.

Несъ кули [1]) на головѣ горшокъ съ масломъ. Купилъ у него масло за два пайса купецъ и говоритъ:

— Отнеси горшокъ въ мою лавку!

Понесъ кули горшокъ въ лавку.

Сталъ разсуждать: — Далъ мнѣ купецъ два пайса; куплю я на два пайса курицу; продамъ курицу, куплю козу. Какъ будутъ отъ нея козлята, куплю корову. Корова будетъ молоко давать, стану молоко продавать и куплю буйвола; много будетъ молока, стану продавать молоко и сметану. Наберу много рупи. Построю домъ; какъ выстрою домъ, такъ женюсь. И будутъ у меня дѣти, и станутъ они мнѣ говорить:—Батюшка, дай намъ ѣсть!

Потрясъ онъ тутъ головою и говоритъ: — А я имъ скажу: молчите, отстаньте!

Затрясъ онъ опять головой: упалъ горшокъ и разбился. Было ему большое горе. Вотъ пришелъ онъ къ купцу.

---

[1]) Кули—рабочій.

Говоритъ ему купецъ: Ты, зять [1])! зачѣмъ горшокъ разбилъ?

— А ты, зять! отвѣчаетъ кули, зачѣмъ разорилъ все, что я настроилъ, всю мою семью?

Пошли они къ царю судиться.—Какъ ты разбилъ горшокъ? спросилъ царь.

— Задумался я, великій царь, и покачалъ головою, горшокъ упалъ и разбился. Теперь, таково мое желаніе: разстроилъ его горшокъ всю мою семью, такъ пусть же онъ состроитъ!

Разсмѣялся царь и прогналъ кули.

10.

Унесенная царица.

У одного царя было семь сыновъ и семь снохъ, и пришелъ къ царю факиръ, и былъ тотъ факиръ искусенъ въ колдовствѣ. Повелъ царь того факира въ свой домъ и выстроилъ для него *mâtha* [2]).

Послалъ царь накормить факира, въ первый день, первую сноху, во второй—вторую, въ третій—третью, въ четвертый—четвертую, въ пятый—пятую, въ шестой—шестую, въ седьмой — седьмую.

Прожилъ факиръ въ его домѣ три, четыре года. Онѣ его кормили, и ѣлъ онъ ежедневно. Вотъ, разъ, настала очередь седьмой царицы. Въ другіе дни давали онѣ хлѣбъ, рисъ, не входя къ факиру. Въ этотъ день двери были притворены:—Ранди! закричалъ факиръ царицѣ, неси ѣду внутрь! Принесла царица. Тогда факиръ своимъ колдовствомъ перенесъ царицу, *mâtha*, ѣду на берегъ седьмаго моря. Переправился черезъ море и поставилъ себѣ *mâtha*. На берегу того моря жилъ купецъ.

---

[1]) Назвать зятемъ посторонняго человѣка считается великимъ оскорбленіемъ.

[2]) Mâtha здѣсь значитъ жслище отшельника. О другихъ значеніяхъ см. Bate Hindi Dict., s. v.

Стали тутъ царскіе сыны думать: — Братецъ, куда царица ушла? Узнали они, что пошла она кормить факира. Пошла вторая сноха посмотрѣть и увидала, что нѣтъ тамъ ни факира, ни царицы, ни *mâtha*.

Выбралъ тогда царскій сынъ коня и поѣхалъ искать свою царицу. Ѣхалъ, ѣхалъ и пріѣхалъ къ берегу седьмого моря. Остановился онъ въ лавкѣ. Ходилъ въ ту лавку ежедневно факиръ, за товаромъ.

— Нѣтъ-ли здѣсь какого факира? спрашиваетъ царскій сынъ.

— Есть здѣсь факиръ! отвѣчаетъ купецъ.

Увидалъ факиръ, что пришелъ царскій сынъ; взялъ горсть золы и сдѣлалъ его деревомъ. И осталось все его богатство и конь у купца.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ пришелъ другой братъ. Факиръ и его сдѣлалъ деревомъ. Тѣмъ-же образомъ и третьяго сдѣлалъ деревомъ, и четвертаго, и пятаго, и шестаго, и седьмаго, всѣхъ подѣлалъ деревами.

Остался отъ нихъ одинъ сынъ; съ великимъ трудомъ выростили его до двадцати лѣтъ. Вотъ разъ спрашиваетъ онъ дѣда:— Гдѣ мой отецъ? и гдѣ мои дяди?

— Въ тотъ день, когда ты родился, была имъ всѣмъ погибель. Твой отецъ и твои дяди на берегу седьмого моря деревами сдѣлались. И твою тетку увелъ туда факиръ! отвѣчалъ дѣдъ.

— И я пойду туда! говоритъ юноша. Пошёлъ онъ къ седьмому морю и пришёлъ къ купцу. Показалъ ему купецъ коня, его отца и говоритъ:—То дерево твой отецъ, а вотъ тѣ—твои дяди!

— Побереги меня, говоритъ юноша купцу; дамъ тебѣ много богатства! Спряталъ его купецъ у себя. Приходилъ факиръ за товаромъ и не увидалъ его. На другой день спрятался юноша въ песку. Въ тотъ день факиръ надѣлъ свои сандаліи и подошелъ къ морю. Высохла вся вода. Оставилъ факиръ свои сандаліи и ушелъ. И была вся сила его колдовства въ тѣхъ сандаліяхъ. Надѣлъ юноша сандалію и пришелъ къ теткѣ.

Говоритъ ему тетка:—Съ великою горестью ты родился! Былъ у тебя отецъ и шесть дядей, и сдѣлались они семью деревами!

Дала она ему другую такую-же сандалію и говоритъ: Ступай ты въ лавку, что̀ на берегу моря!

Вотъ сталъ онъ уходить и говоритъ теткѣ:—Тетка! спроси у факира, гдѣ его дыханіе? Пришелъ въ лавку, поставилъ въ томъ мѣстѣ сандаліи, а самъ спрятался.

Вернулся факиръ домой, и не говорила съ нимъ царица ничего въ тотъ день.

— Ты отчего ничего не говоришь? спрашиваетъ ее факиръ.

— Ты факиръ, отвѣчаетъ она, а я царица; коль ты умрешь, что стану я дѣлать въ этомъ лѣсу?

— Я никогда не умру, говоритъ факиръ, я безсмертный! — И сказалъ онъ царицѣ:—На берегу шестаго моря есть дворецъ, и есть подъ тѣмъ дворцомъ dharmasâlâ; а внизу, подъ землею, желѣзная клѣтка, и сидитъ въ той клѣткѣ попугай. Если кто убьетъ этого попугая, тогда и я помру!

Вотъ на другой день, какъ пришелъ факиръ въ лавку, пошелъ юноша къ тёткѣ, и спрашиваетъ ее: — Что факиръ говорилъ?

— Такъ, вздоръ несъ! отвѣчаетъ та, ты бы шелъ домой, нечего тебѣ тутъ дѣлать!

— Нѣтъ, ты скажи, что онъ говорилъ? допрашивалъ юноша.

Говорила ему тетка:—Вотъ что онъ сказалъ: стоитъ на берегу шестаго моря дворецъ, подъ дворцомъ есть dharmasâlâ; а внизу подъ нимъ клѣтка, а въ клѣткѣ сидитъ попугай. Если кто убьетъ того попугая, тогда и я помру!

Пошелъ отуда юноша и пришелъ къ шестому морю. И былъ тамъ въ городѣ царь, а у царя дочь на выданьи, но не было у ней въ то время жениха. Былъ тамъ по дорогѣ пастухъ коровъ и буйволовъ. И увидалъ пастухъ юношу. Насталъ вечеръ; какъ пошли всѣ по домамъ, вернулся въ городъ пастухъ и говоритъ:—Видѣлъ я сегодня красавца юношу, вотъ кто достоинъ царевны!

Услыхалъ царь и отдалъ приказъ:—Позвать ко мнѣ всѣхъ новопришедшихъ въ городъ!

Вотъ сколько ни было гостей въ городѣ, всѣхъ привели къ царю. Но остановилось сердце царевны на томъ юношѣ. Прика-

залъ царь его вымыть, вычистить, обрить и сыграть царевнину свадьбу съ нимъ.

Сталъ его царь богатствами награждать, а тутъ юноша и сказалъ: — по твоимъ милостямъ, царь, ничего мнѣ не нужно, позволь мнѣ только слово молвить!

Позволилъ ему царь. И попросилъ юноша тотъ дворецъ.

— На что онъ тебѣ? удивлялся царь и подарилъ юношѣ дворецъ.

Послалъ юноша въ тотъ дворецъ работниковъ, снесли они дворецъ. И нашелъ онъ подъ дворцомъ dharmasâlâ; снесли это зданіе и нашли подъ нимъ клѣтку, а въ клѣткѣ попугая. Отрѣзалъ юноша попугаю крылья и ноги.

Бросило факира въ жаръ.—Кто это мой врагъ? говорилъ онъ.

Взялъ юноша клѣтку и пошелъ къ царю. Послалъ съ нимъ царь царицу, войско, слоновъ, коней. Переплылъ онъ шестое море и пришелъ къ теткѣ.

Увидала его тетка и очень обрадовалась. Говорилъ юноша факиру:—Обрати въ людей дерева! Подулъ факиръ на дерева и стали они семью человѣками. Говорилъ факиръ юношѣ:—Сдѣлай ты мнѣ милость. Коль хочешь меня убивать, такъ убивай, но похорони меня.

Убилъ юноша попугая и убилъ факира, совершилъ надъ нимъ всѣ погребальные обряды.

Пошелъ юноша со всѣми: съ женою, отцемъ, дядями и теткою къ купцу въ лавку. Отдалъ имъ купецъ ихъ коней, а они ему дали много богатства и пошли къ себѣ домой.

Отецъ и мать ихъ были слѣпы; какъ услыхали то событіе и прозрѣли. Пришелъ юноша домой и покропилъ на старика и старуху *амритою* [1]). И стали оба молодыми.

— Силенъ ты! говорили ему родные, славенъ ты!

А отецъ и дяди говорили:—И мы ходили, да въ дерева обратились. Ты пошелъ, намъ жизнь далъ и сюда привелъ.

Мы пошли въ дерева обратились, ты пришелъ и людей изъ насъ подѣлалъ.

---

[1]) Напитокъ безсмертія.

11.

Перышко.

Былъ жилъ брахманъ и были у него жена да дочь. — Прошло немного лѣтъ и стала его дочь невѣстою.

Что ни день, то мужъ съ женою бранились. Говоритъ разъ жена:—У тебя дочь невѣста, а ты не думаешь, какъ бы ее замужъ выдать! Сочинилъ бы ты стишки, да преподнесъ бы ихъ какому-нибудь царю! Далъ бы тебѣ царь бакшишъ [1]), и сыграли бы свадьбу!

— А вѣдь она правду говоритъ! Образумился брахманъ и пошелъ къ царю.

Повстрѣчалъ онъ по дорогѣ Бута. И говоритъ ему тотъ: — Ты кто? Куда идешь?

— Я брахманъ! Въ домѣ у меня дѣвка на выданьи. Задумалъ ее выдать замужъ и иду къ царю денегъ просить!

— Услужи мнѣ, говоритъ Бута, а не то, такъ я съѣмъ тебя!

— Что прикажешь! отвѣчалъ брахманъ.

— Отсюда, въ семи переходахъ, по дорогѣ сраженіе. Много людей померло. Принеси мнѣ одно мертвое тѣло, на ѣду!

— Отлично! говоритъ брахманъ.

Сказалъ тутъ Бута:—Подарю тебѣ перышко. Положи ты то перышко на голову и увидишь ты между мертвыми тѣлами человѣка: Возьми ты то тѣло и неси ко мнѣ!

Пошелъ брахманъ и съ великими трудностями чрезъ семь дней пришелъ туда. Положилъ онъ перышко, что̀ далъ Бута, на голову. И видитъ милліоны и милліоны тѣлъ, а въ человѣческомъ образѣ только одно или два тѣла. Взялъ онъ человѣческое тѣло, принесъ и отдалъ Бутѣ. Обрадовался Бута и далъ брахману много рупи.

---

[1]) Бакшишъ, подарокъ, *на вѣдку!*

Пришелъ брâхманъ домой и выдалъ дочь замужъ.

Послѣ того мужъ и жена, все-таки, что ни день, то бранились.

Положилъ разъ брâхманъ себѣ на голову то перышко, что подарилъ Бута и увидалъ, что жена его собака!

— Теперь и свой образъ нужно посмотрѣть! говоритъ самъ себѣ брâхманъ. Посмотрѣлъ на себя въ зеркало и увидалъ тигра.—Вотъ почему мы съ женою все бранимся; она была собакою въ первомъ перерожденіи, а я тигромъ! Оттого мы и бранились.

Вышелъ брâхманъ изъ дому и какъ пришелъ на базаръ, увидѣлъ одну Пâтаръ [1]). Говоритъ она ему: Съ нынѣшняго дня ты мнѣ мужъ, а я тебѣ жена!

Усмѣхнулся брâхманъ.

Показала ему Пâтаръ свое богатство. Обрадовался брâхманъ. И какъ сталъ ея мужемъ, такъ и бросилъ свою первую жену. Положилъ брâхманъ себѣ на голову перышко и видитъ, что Пâтаръ тигрица.

И сказалъ онъ самъ себѣ: Вотъ почему она меня полюбила? Я тигръ, она тигрица. Она да я, сошлась пара!

И до смерти жили они въ радости.

12.

Хвастунишка.

Жилъ былъ нѣкій хвастунишка. Разъ говоритъ онъ матери:

— Матушка, испеки мнѣ немного хлѣбца, пойду странствовать.

Мать испекла ему хлѣба, и пошёлъ онъ странствовать. Пришёлъ къ одному пруду и сѣлъ. Вынулъ четыре хлѣбца и поставилъ ихъ по четыремъ угламъ пруда.

---

[1]) Пâтаръ—женщина дурнаго поведенія.

Сталъ онъ такъ говорить: Съѣмъ одинъ хлѣбецъ, съѣмъ другой, съѣмъ третій, захочу поѣмъ васъ, всѣхъ четырехъ зятиковъ!

Въ этомъ пруду по четыремъ угламъ жили четыре змѣя; испугались они и стали говорить: Поѣстъ онъ насъ непремѣнно!

Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ хвастунишкѣ: Братецъ, не ѣшь насъ, я дамъ тебѣ кроватку-самолетку! [1])

Другой змѣй сказалъ: Братецъ, не ѣшь насъ, дамъ тебѣ лохмотья-самосѣйки [2])!

Третій змѣй сказалъ: Братецъ, не ѣшь насъ, дамъ тебѣ чашу-самокипѣлку [3])!

Четвертый змѣй сказалъ: Братецъ, не ѣшь насъ, дамъ тебѣ ложку-самочерпалку [4])!

Первый змѣй прибавилъ: У моей кроватки-самолетки такое свойство: куда захочешь итти, туда тебя понесетъ.

Второй змѣй прибавилъ: У моихъ лохмотьевъ-самосѣекъ такое свойство: если ты крикнешь имъ: Роняйте рупи! Они навалятъ передъ тобою кучу денегъ!

Третій змѣй прибавилъ: У моей чаши-самокипѣлки такое свойство: какую захочешь пищу, ту сваритъ тебѣ, безъ огня и воды.

Четвертый змѣй прибавилъ: у моей ложки-самочерпалки такія свойства: сама собою поставитъ все передъ тобою.

Хвастунишка осмотрѣлъ всѣ эти вещи и сильно обрадовался.

Настала ночь и было поздно итти домой; вотъ онъ остановил-

---

[1]) Uḍakhaṭaulî: летающая кровать; отъ uḍanâ, или uḍhanâ: летать. Khaṭaulî тоже что khaṭolanâ, khaṭolâ: кровать, постель.

[2]) Jhalkanthâ: лохмотья-самосѣйки, такъ я перевожу. Первая часть слова м. б. происходитъ отъ jhalnâ, у Bate, s. v. to fan, move to and fro (as a fan), to flap etc. Вторая значитъ: (ibd, s. v.) a patch cloth or garment, rag, quilt of rags, beggar's wallet, coat of shreds worn by a Hindoo ascetic: a wall.

[3]) ûmala ḍibiya. Первую часть слова, вѣроятно, нужно производить отъ umaḍânâ: (Bate, s. v.) to become flooded, to overflow. ḍibiyâ (ibd s. v,) a very small box (for medicines etc).

[4]) Pasak-paṇyâ: Pasak—ложка; paṇya, Bate s. v: saleable, vendible.

ся на ночь въ домѣ одной старухи Старуха перемѣнила всѣ его вещи и на ихъ мѣсто поставила старыя. Приходитъ онъ радостный и лишь пришелъ къ дому, закричалъ матери:

— Матушка, тащи ведро мѣрять деньги.

Крикнулъ онъ тогда на лохмотья самосѣйки; но кромѣ вшей ничего не упало. И великую кучу вшей навалили они передъ нимъ. Сталъ онъ думать: Странно, какъ это случилось!

Пошелъ хвастунишка опять къ пруду и зачалъ по прежнему говорить: Поѣмъ васъ четырехъ зятиковъ!

Стали змѣи разсуждать: Однако же это странно, надавали мы ему столько вещей, а онъ все-таки насъ преслѣдуетъ!

И сказали ему змѣи: Братецъ, тамъ гдѣ ты ночевалъ, старуха перемѣнила всѣ твои вещи. Теперь дадимъ тебѣ «бей палку» и «вяжи веревку». Возьми ихъ, ступай въ домъ старухи; скажи тамъ имъ: «Веревки, палка, отнимите у старухи всѣ мои вещи». Они пойдутъ, принесутъ тебѣ всѣ вещи и отколотятъ старуху въ свое удовольствіе.

Отобралъ хвастунишка у старухи свое добро и отколотилъ ее по сказанному.

13.

Умный врачъ.

Однажды нѣкій жимадаръ (т. е. помѣщикъ) сказалъ врачу:

— Господинъ врачъ! У меня въ желудкѣ поднимается боль!

— Что вы ѣли вчера вечеромъ? спросилъ врачъ.

— Я поѣлъ сыраго хлѣба! отвѣчаетъ больной. Врачъ далъ ему лекарство для глазъ.

— Что это значитъ? спросилъ больной.

— Я далъ вамъ, отвѣчаетъ врачъ, лекарство для глазъ, чтобы вы на будущее время не ѣли сыраго хлѣба!

14.

Горные порядки.

Нѣкій горецъ сошелъ въ равнины.

О божественный брахманъ [1]), спросилъ его какой-то *житель равнинъ*, въ твоей деревнѣ сколько жителей, сколько домовъ, сколько брадобрѣевъ, сколько прачекъ, сколько вѣстителей?

Брахманъ отвѣчалъ: Господинъ [2]), въ моей деревнѣ девять жителей, девять домовъ, девять брадобрѣевъ, девять прачекъ, девять чистителей [3]).

Спросили его объяснить этотъ отвѣтъ, и онъ сказалъ: Въ моей деревнѣ жители всѣ дѣла своими руками исполняютъ.

15.

Какъ молодецъ любилъ.

— Какъ мнѣ слюбиться съ молодицей? спросилъ молодецъ свою мать.

— Ступай, сынокъ, къ пруду и сядь тамъ; придетъ молодица туда, ты и брось въ нее камышкомъ. Коль она засмѣется, то знай, что полюбитъ тебя! Если же не засмѣется, брось въ нее камышкомъ побольше. И такъ бросай, пока не засмѣется, тогда знай, что полюбитъ тебя!

---

[1]) При обращеніи къ брахману, иногда прибавляется эпитетъ devatâ т. е. божество.

[2]) Такъ я перевожу mahârâja соб. великій царь, но въ настоящее время это слово тождественно съ англійскимъ sir!

[3]) Прачка въ Индіи всегда мужскаго пола. Это ремесло какъ и ремесло чистителя, т. е. подметающаго комнаты, улицы и т. д. считается самымъ презрѣннымъ. Въ Индіи въ каждой деревнѣ есть свой кузнецъ, прачка, водовозъ, жрецъ и т. д. Они работаютъ въ продолженіе года и получаютъ жалованье во время жатвы и кромѣ того небольшія подарки съ каждаго плуга.

Пошелъ молодецъ къ пруду и сѣлъ тамъ.

Въ скоромъ времени пришла туда молодица за водою.

Бросилъ въ нее молодецъ камышкомъ. Не смѣется! Бросилъ камышкомъ побольше, не смѣется. Бросилъ и еще и еще. Не смѣется.

Бросилъ онъ въ нее большимъ камнемъ; а она и сдѣлай свое дѣло (т. е. умерла). Упала молодица и раскрылся у ней ротъ.

Посмотрѣлъ на нее дуракъ да и говоритъ: «Теперь полюбитъ меня»! А она бѣдненькая лежитъ мертва.

Пришёлъ въ радостяхъ къ матери и зачалъ разсказывать:

— Полюбила меня, матушка, молодица. Глазъ съ меня не спускаетъ и ни куда иначе не смотритъ.

— Гдѣ же она? спрашиваетъ мать. Какъ же это такъ, она тебя полюбила?

— Бросилъ я въ нее маленькимъ камышкомъ, говоритъ сынъ. Она молчитъ; бросилъ я камышкомъ побольше, она все молчитъ. Бросилъ я въ нее камнемъ тяжелымъ; улыбнулась и съ тѣхъ поръ глазъ съ меня не спускала, а говорить ничего не говорила!

Мать была разумная и поняла, что женщина убита. Побѣжала изъ дому къ пруду и нашла тамъ мертвую. Поснимала съ нее, въ торопяхъ, украшенія и бросила тѣло въ яму. Убила козу и бросила въ прудъ, туда-же.

Сынъ все это видѣлъ, тутъ же пошелъ на берегъ и приказалъ забить въ барабанъ т. е. объявлять.

— Пропала подруга богатаго человѣка! Кто ее найдетъ, великую награду получитъ!

Сталъ тутъ молодецъ похваляться: Была у меня съ нею любовь!

Присталъ къ нему народъ: Такъ укажи-же, гдѣ она?

Онъ отвѣчалъ: Въ пруду! Пошёлъ народъ съ нимъ къ пруду и спрашиваетъ его: Гдѣ-же она?

— Въ водѣ! отвѣчаетъ молодецъ.

— Тащи ее изъ воды! кричатъ ему.

Пошелъ онъ въ воду и спрашиваетъ:

— Что у ней пара ушей была?

— Навѣрно было! отвѣчаетъ народъ.

— Четыре ноги были у ней? спрашиваетъ онъ опять.

— Навѣрно были! отвѣчаетъ народъ.

— А рога были у ней? Спрашиваетъ онъ опять.

Сталъ его народъ тутъ бранить: Тащи скорѣй! кричатъ ему. И вытащилъ онъ тутъ козу.

Засмѣялся народъ и прибилъ его.

16.

Грѣхъ и законъ.

Былъ сынъ богача и былъ сынъ брахмана. И сказалъ сынъ богача: «Силенъ грѣхъ»!

— Нѣтъ! сказалъ сынъ брахмана, законъ силенъ.

— Хорошо, сказалъ сынъ богача, пойдемъ и спросимъ четырехъ человѣкъ. Коль скажутъ: грѣхъ силенъ! отрѣжу тебѣ руки и ноги. Коль скажутъ: законъ силенъ! отрѣжъ ты мнѣ руки и ноги!

Пошли они и по дорогѣ повстрѣчали корову. Спросили они у коровы, кто силенъ: законъ или грѣхъ!

— Грѣхъ силенъ! отвѣчала корова. Закона совсѣмъ нѣтъ! Домъ моего хозяина полонъ моимъ потомствомъ. И вотъ мой хозяинъ выгналъ меня, старую, въ лѣсъ.

Повстрѣчали потомъ брахмана и спросили его, кто силенъ, грѣхъ или законъ!

— Грѣхъ силенъ! отвѣчалъ брахманъ. Если бы законъ былъ силенъ, выгнали-ли бы меня, на старости лѣтъ, жена и дѣти?

Повстрѣчали они потомъ медвѣдя и спросили его:—Ты лѣсной царь, скажи, кто силенъ, законъ или грѣхъ!

— Грѣхъ силенъ! отвѣчалъ медвѣдь! Живу я въ лѣсу, а люди меня все таки мучатъ!

Повстрѣчали они потомъ льва и спросили льва: что сильнѣе, грѣхъ или законъ!

— Грѣхъ силенъ! отвѣчалъ левъ, живу я въ лѣсу, а люди

ищутъ меня убить, чтобы за это награду получить. Сказалъ тутъ сынъ богача: Четыре человѣка спрошены! Отрѣзалъ онъ сыну брахмана руки и ноги, бросилъ его въ лѣсу, а самъ пошелъ домой.

Чрезъ двѣнадцать лѣтъ, однажды въ праздникъ, сидѣлъ сынъ брахмана подъ деревомъ. Сошлись туда божество, медвѣдь, тигръ, левъ, и стали они понемногу между собою разговаривать.

— Человѣческимъ духомъ пахнетъ здѣсь! говорятъ они. Да тутъ въ ямѣ человѣкъ сидитъ!

Сошелъ медвѣдь въ яму и говоритъ: Зачѣмъ ты, человѣкъ, сюда пришелъ? И стали они всѣ тутъ говорить: На этомъ деревѣ живетъ птица; кто ея навозомъ намажетъ руки и ноги, тотъ исцѣлится! И кто-то изъ нихъ прибавилъ: Подъ этимъ деревомъ два кувшина съ монетою!

Вымазался сынъ брахмана и сталъ съ руками и ногами. Случилось такъ, что въ этомъ городѣ умеръ царь, а народъ выбралъ въ цари сына брахмана. И взялъ онъ изъ подъ дерева кладъ.

Услыхалъ сынъ богача объ этомъ всемъ, пошелъ къ сыну брахмана и говоритъ ему: Отрѣжь мнѣ руки и ноги!

— Нѣтъ! Этого я не сдѣлаю! отвѣчалъ брахманъ. Сталъ сынъ богача настаивать; отрѣзалъ ему сынъ брахмана руки и ноги и бросилъ въ лѣсъ.

Сошлись на то мѣсто божество, медвѣдь, тигръ, левъ, и говорятъ: Человѣческимъ духомъ здѣсь пахнетъ!

А тотъ человѣкъ—въ ямѣ; сошлись они въ яму посмотрѣли, а тамъ человѣкъ сидитъ. Вытащили они его и поѣли!

17.

Бута.

Видѣлъ человѣкъ во снѣ, что повстрѣчалъ Bhûta. Ударилъ онъ Bhûta ногою въ лице и говоритъ ему:

— Ты въ полночь занять мѣсто пришелъ!

Ударилъ онъ его опять. Тутъ онъ проснулся и видитъ, что самъ себя билъ ногою.

И разсмѣялся онъ въ умѣ.

18.

Невѣрующій.

Нѣкій человѣкъ задалъ *нищему* три вопроса; сказалъ онъ ему:

— Зачѣмъ ты говоришь, что Верховный владыка всюду? Я его не вижу! Покажи мнѣ его!

И спросилъ онъ его еще:

— За грѣхи людямъ какое наказаніе онъ назначилъ, и что въ мірѣ дѣлается, развѣ все то не Верховный владыка самъ творитъ? Если бы люди были способны, то всѣ дѣла свершали бы?

И спросилъ онъ въ третій разъ: Зачѣмъ Верховный владыка бросаетъ людей въ адъ?

Какъ задалъ онъ эти три вопроса, нищій взялъ тяжелый камень да и бросилъ ему въ голову. Заплакалъ человѣкъ и пошелъ къ судьѣ и говоритъ ему:

— Такому-то нищему задалъ я три вопроса, а онъ мнѣ въ голову бросилъ камень, и болитъ у меня голова съ тѣхъ поръ!

Сказалъ судья нищему:

— Говори, зачѣмъ бросилъ въ него камнемъ? Почему не далъ отвѣта на его вопросы?

— Камень отвѣтъ на его вопросъ! отвѣчалъ нищій и прибавилъ: Говоритъ этотъ человѣкъ, что у него голова болитъ! И не болитъ у него голова нисколько! Пусть покажетъ онъ мнѣ эту боль! Тогда я покажу ему Верховнаго владыку. И зачѣмъ онъ ищетъ у тебя суда? Не самъ-ли онъ говорилъ: все что здѣсь дѣлается, дѣлается Верховнымъ владыкою. Если бы на то не была воля Верховнаго владыки, могъ-ли бы я что-либо сдѣлать? И не глиняное ли у него тѣло? А какая можетъ быть боль въ глинѣ?

Выслушалъ тотъ человѣкъ рѣчь нищаго и застыдился. А судья повѣрилъ словамъ нищаго.

19.

Листъ съ изрѣченіями.

Былъ жилъ бѣднякъ брахманъ; была у него жена брахманка. Брахманка бродила, да милостыню попрашивала. Такъ они пожи-вали.

Услыхала разъ брахманка, что есть какой-то царь, и даетъ онъ всякому по золотому и по коровѣ. Говоритъ брахманка мужу:

— Сидишь ты сиднемъ въ домѣ. Спишь да ѣшь. Пошелъ-бы ты въ такое-то мѣсто: живетъ тамъ царь, каждому даетъ по зо-лотому и по коровѣ. Сегодня-же иди туда. Что выпросишь, то принеси! Отвѣчаетъ на это брахманъ.

— Ничего я не знаю! Какъ пойду въ мѣсто неизвѣстное? И что скажу царю? И сказать-то мнѣ нечего!

— Что по дорогѣ увидишь, то и разскажешь! говоритъ на это брахманка.

Вышелъ брахманъ на дорогу.

Что же онъ увидѣлъ на дорогѣ?

1. Сидитъ ящерица въ ямкѣ, высунула морду и приговари-ваетъ: Кутъ! кутъ!

Посмотрѣлъ брахманъ на это и затвердилъ. Идетъ дальше по дорогѣ, да и твердитъ «кутъ! кутъ!»

Что-же онъ увидѣлъ дальше по дорогѣ?

2. Сидитъ змѣя, зонтъ подняла и гираули[1]) ловитъ.

Брахманъ посмотрѣлъ на это и запомнилъ: Вытянутая шейка красива на видъ.

Пошелъ онъ дальше. Что же увидалъ онъ дальше?

Подошелъ къ ямѣ съ водою, а въ ямѣ свинья бродитъ. Вы-детъ изъ воды, потрется около стѣнки, да опять въ воду.

Посмотрѣлъ брахманъ и заучилъ: Гисъ! гисъ! (звукоподража-тельное описаніе тренія), и опять ушелъ!

---

[1]) Ghîraulî, названіе небольшаго насѣкомаго.

Заучилъ брахманъ три сказа:
1. Кутъ! кутъ! (стучитъ).
2. Вытянутая шейка хороша на видъ!
3. Гисъ! гисъ! (потерся) и опять ушелъ!
Что ты дѣлаешь, то я знаю! Что ты дѣлаешь, то я знаю!

Разсудилъ онъ такъ въ своемъ умѣ, попросилъ кого-то записать все это на листѣ и отдалъ царю. Далъ ему царь подарокъ.

Приказалъ царь прибить къ стѣнѣ то изрѣченіе, въ срединномъ этажѣ, въ спальнѣ, у своей постели въ головахъ и въ ногахъ!

Однажды ночью царь спалъ въ срединномъ этажѣ своего трехъ-этажнаго дворца. Въ полночь пришли воры.

Кутъ! кутъ! стучатъ воры, вбивая ломъ въ стѣну. Взошли на верхнюю террассу и *вытянувъ шеи*, высматриваютъ: спитъ-ли царь, или нѣтъ?

Гисъ! пошли они въ низъ. *Гисъ!* пошли они въ верхъ.

Вытягиваютъ шеи, выглядываютъ!

Проснулся царь и взглянулъ въ ноги, на прибитый съ стѣнѣ листъ, подарокъ брахмана; лежитъ царь, да громко читаетъ:

1. Кутъ! кутъ! стучитъ!
2. Вытянутая шейка хороша на видъ!
3. Гисъ! гисъ! потерся и опять ушелъ!
Что ты дѣлаешь, то я знаю!

Выглядѣли воры тутъ дорогу. смѣшались и побѣжали!

Услыхали сторожа: *гамъ! гамъ!* (звукоподражательное описаніе шума шаговъ), вскочили, перехватали воровъ и заперли ихъ въ *качери*.

— Кто вы? Изъ какихъ странъ? Спросилъ царь воровъ!

Отвѣчаютъ воры:

— Убей насъ! Зарѣжь насъ! Твоя воля! Пришли мы въ твой домъ воровать! Ты это *узналъ*, мы и побѣжали; сторожа насъ перехватали!

— Что и какъ я узналъ? спросилъ ихъ царь.

Отвѣчали воры:—Стали мы вбивать ломъ, а ты это узналъ: *Кутъ! кутъ!* (стучали). Вытянули мы шеи посмотрѣть, спишь

ли ты, или нѣтъ! А ты узналъ и говоришь: *Вытянутая шейка хороша на видъ!*

Увидали мы, что ты не спишь, и стали ходить внизъ и въ верхъ, а ты говоришь: *Гисъ! гисъ! то придетъ, то уйдетъ!*

Вотъ что ты узналъ!

Такъ листъ брахмана сдѣлалъ свое дѣло!

20.

Лату и Бату.

Жилъ былъ Лату и жилъ былъ Бату. И были Лату и Бату два брата.

Сказалъ однажды братъ Бату брату Лату:—Лату, Лату! Сегодня праздникъ. Пойду по долмамъ жьотишовъ [1]), пойду звать брахмановъ. Ты-же вымажь домъ глиною и коровьимъ навозомъ. Смѣшай съ водою немного рису; выкрась порогъ и скамью. Вымой старуху мать водою нетеплою и нехолодною!

— Хорошо, братецъ старшій [2])! Хорошо! отвѣчалъ братъ Лату.

Пошелъ братъ Бату звать брахмановъ; а братъ Лату пошелъ въ деревню [3]), набралъ человѣческаго навозу и вымазалъ этимъ

---

[1]) *Joshî.* Elliot Memoirs vol. I 140 An inferior tribe of Brahmans employed in casting nativities and fostering other superstitious practices of the natives. Their name is corrupted from *jyotishî,* an astrologer, and they are known also by the names of Bhadaria and Dakaut. A very different meaning, however, is conveyed by calling a Brahman a Barâ Jotishî, which is a title of great consideration, and implies that he is learned in the Jyotish Shastras, without engaging in the actual occupations of Joshîs. It is with reference to this original meaning that the joshîs of Kamaon maintain a high character for respectability.

[2]) Старшій братъ dadâ, младшій bhulî

[3]) Собст.: за деревню, въ galyâḍh, на ту тропинку, по которой выгоняютъ скотъ, и которая въ тоже время служитъ отхожимъ мѣстомъ, для селянъ.

весь домъ внутри. Тамъ-сямъ отыскалъ клею и вымазалъ клеемъ скамью. Вскипятилъ воды и сталъ кипяткомъ мыть голову матери. Обварилъ старуху, она тутъ-же и померла.

Какъ увидалъ Лату, что старуха померла, мигомъ досталъ въ домѣ прялку, поставилъ старуху къ стѣнѣ, нарядилъ ее. Натеръ рису, смѣшалъ муку съ водою и вымазалъ этимъ губы старухи. Взялъ ее да и посадилъ такою въ огородъ, на припекѣ.

Вотъ пришелъ братъ Бату съ господами жьотишами; взошелъ онъ въ домъ и почуялъ, чѣмъ домъ вымазанъ. Говоритъ онъ брату Лату:

— Лату, Лату! откуда это вонь такая?

— Ахъ! братецъ! братецъ! отвѣчалъ Лату, не нашелъ я коровьяго навоза, нигдѣ его нѣтъ. Нашелъ я только человѣческій навозъ. Этимъ вдоволь вымазалъ домъ!

— Пропадай, ты, дурень! Лучше бы тебѣ не родиться, а умереть. Тащи воды!

Пошелъ Лату къ пруду и принесъ изъ пруда воды.

Стали мазать горницу два брата, Бату и Лату

Лату мигомъ спряталъ наверхъ, на *Pâtî* [1]) скамью, намазанную клеемъ. Вымазали два брата горницу, провели *черты* [2]); тутъ Лату мигомъ стащилъ скамью сверху и подставилъ ее брахманамъ.

— Иди, зови старуху мать, свершать приношеніе pânipâgana [3]), говоритъ братъ Бату брату Лату, а тотъ отвѣчаетъ:

— Ахъ! братецъ, что ты говоришь? Столько мы съ тобою дѣлъ надѣлали, а мать все это время сидѣла на припекѣ, не то пряла, не то рисъ жевала! Пусть кто нибудь изъ брахмановъ пойдетъ её звать!

Сказалъ братъ Бату къ господамъ брахманамъ: Господа брах-

---

[1]) Pâṭî, доска, привѣшанная на веревкахъ къ потолку; сюда ставится провизія, дрова и пр.

[2]) Проведенными чертами отгораживается извѣстное мѣсто въ комнатѣ. Здѣсь свершаются молитвы и сидятъ праздно, въ торжественные дни.

[3]) Pâṇipâraṇa. Этотъ обрядъ состоитъ въ приношеніи воды и мелкихъ денегъ. То и другіе домохозяевы отдаютъ брахманамъ.

маны! Этотъ малый готовъ умереть, да дѣла не дѣлать. Подите, кто нибудь изъ васъ, позовите старуху!».

Поднялись господа брахманы, а скамья, вымазанная клеемъ, прилипла къ ихъ спинѣ.

Схватился Лату обѣими руками за скамью и говоритъ: — «Господа брахманы, господа брахманы, куда скамью тащите? Скамья наша!»

Пошли господа брахманы въ огородъ, къ старухѣ.

— Старуха! Старуха! кричатъ. Старуха молчитъ. Стали они ее толкать, трясти. Мертва старуха, какъ ей говорить!

Побѣжали господа брахманы въ домъ и говорятъ:

— Бату! Бату! старуха не говоритъ и не двигается.

Побѣжалъ Бату на огородъ и говоритъ:—Матушка, а матушка! Не отвѣчаетъ старуха. Закричалъ тутъ Бату брату Лату:

— Лату! а Лату! Иди тащить мать сжигать, на кладбище!

А Лату отвѣчаетъ:

— Мигомъ иду! Дай мнѣ только нажарить *urd*'а (Dolichos Pilosus) коли дашь, тогда пойду!

А Бату думаетъ себѣ:—Вотъ младенецъ-то! Никто не ѣстъ, коль по сосѣдству мертвецъ! А тутъ мать померла; какая же тутъ ѣда!

А Лату все твердитъ: Коли дашь *urd*'а, такъ пойду!

Что дѣлать? Далъ Бату брату urd'а. Нажарилъ Лату; подвязалъ къ поясу и взвалилъ на плечи носилки.

Идетъ Лату на кладбище, да сѣмена погрызываетъ; и выпало одно сѣмячко изъ роту на дорогу; сбросилъ мигомъ Лату носилки съ плечъ и сталъ искать сѣмячко.

— Двигайся! говоритъ брату Бату; что тамъ дѣлается? что случилось? Зачѣмъ носилки уронилъ!

— Ахъ! другъ ты мой, братецъ! отвѣчаетъ Лату; упало у меня сѣмячко, пока его не найду, дотолѣ и носилокъ не понесу!

Ужъ онъ искалъ, искалъ сѣмячко. Замѣшкались они. Весь лѣсъ исходилъ Лату. Высѣкъ огнивомъ огня и поджёгъ травку, а на травкѣ червячка. Треснулъ червячекъ и упалъ на замлю. Мигомъ схватилъ его Лату, да и въ ротъ. Какъ попалъ на зубы

червячекъ, сталъ онъ пищать: чимъ! чимъ! А Лату говоритъ: «чимъ-ли, тимъ-ли! Пищи себѣ, а ты у меня во рту, сѣмячко»!

Жгли, жгли старуху и пришли два брата домой.

Говоритъ Бату брату Лату:

— Лату, а Лату! ступай въ домъ тестя, зови мою жену!

Набилъ корзину хлѣбцами и даетъ брату Лату снести въ домъ тестя.

Вышелъ Лату на дорогу; дни стояли весенніе, вышелъ онъ на дорогу, въ полдень, въ жаръ; идетъ, а его же тѣнь впередъ да впередъ бѣжитъ. Снялъ Лату корзину съ головы и понесъ ее на спинѣ. Смотритъ онъ на свою тѣнь и говоритъ къ ней, кивая головою:

— Хлѣбецъ ѣшь? А самъ пальцами показываетъ на хлѣбецъ. Что онъ дѣлаетъ, то и тѣнь дѣлаетъ. Бросилъ Лату тѣни хлѣбецъ; а тѣнь все бѣжитъ, да бѣжитъ.

— Иль корзинку хочешь? говоритъ онъ тѣни опять. Взялъ да и корзинку бросилъ. А тѣнь все бѣжитъ.

— Что же ты хочешь теперь? говоритъ опять Лату къ тѣни. Иль хочешь камали (шерстяное одѣяло вмѣсто плаща)?

Отдалъ онъ тѣни свое одѣяло.

— Чего ты хочешь? Или хочешь зипуна (cola, верхнее одѣяніе, родъ длинной рубахи, полотняное)? Отдалъ онъ и зипунъ и пошелъ голый; осталась у него на тѣлѣ одна *dhoti* (тряпочка пониже живота).

Идетъ онъ сердитый и, качая головою, говоритъ опять къ тѣни:—И чего тебѣ надобно? Dhoti? Отдалъ тѣни и dhoti и сталъ совершенно нагъ.

Пришелъ нагой къ дому братнина тестя; отъ стыда въ домъ не вошелъ, а сѣлъ на дворикѣ, передъ хлѣвомъ. Насталъ вечеръ, а онъ все прячется. Вышла на верхнее крылечко сноха и облили его сверху помоями. А Лату сидитъ внизу, да говоритъ:

— Дождь, перестань. Дождь, перестань! Я старшаго брата младшій братецъ!

Узнала сноха голосъ деверя и сошла къ нему внизъ. Увидѣла голаго и прикрыла его своимъ верхнимъ одѣяніемъ; а сама по-

крывъ голову юбкою, пошла въ домъ и его съ собою туда привела. Напоила и накормила деверя.

Прошла ночь. Пошелъ Лату со снохою домой. По дорогѣ пришли къ рѣкѣ. И говоритъ Лату снохѣ:

— Какъ переходить рѣку, вбродъ или вплавь?

— Вплавь перейдемъ на тотъ берегъ! отвѣчаетъ сноха [1]).

Мигомъ Лату вытащилъ мечь и снесъ голову снохи; отрѣзалъ ногу, взвалилъ на плечо и скорехонько дошелъ до дому.

Пришелъ Лату домой, ногу привѣсилъ къ потолку, а внизу разставилъ жаровню, чашу. Развелъ въ печкѣ огонь. Нарядилъ бревно женщиною и посадилъ около печки.

Пришелъ Бату и говоритъ брату:

— Гдѣ твоя сноха?

— У печки, хлѣбъ печетъ, клецки жаритъ! отвѣчаетъ тотъ. Пошелъ въ домъ Бату и какъ увидалъ, что тамъ дѣлается, съ плачемъ выбѣжалъ оттуда. Въ сердцахъ взялъ да и поджогъ домъ.

Мигомъ Лату вбѣжалъ въ домъ, схватилъ подъ мышку камни мукомолки и пустился было бѣжать.

А Бату говоритъ ему: — Лату! а Лату! Убилъ ты ее. Вѣдь она была тебѣ сноха! Умерла она! Ѣдемъ теперь въ чужую страну!

Пошли два брата по дорогѣ. Увидалъ Бату, что у брата подъ мышкою камни, и говоритъ ему:

— Брось! Брось! На что они тебѣ? Зачѣмъ взялъ ихъ? Коль чашку взялъ, въ ней сваримъ и поѣдимъ! Съ камнями что станешь дѣлать?

— Ахъ! братецъ старшій! отвѣчаетъ Лату, а коль тамъ, куда мы идемъ, камней нѣтъ, что станешь дѣлать?

Такъ и остался онъ съ камнями подъ мышкою.

Настала полночь, пришли они въ лѣсъ, къ одному баньяну. Влѣзли они на дерево, со страху отъ тигровъ и медвѣдей. Пришелъ туда же свадебный поѣздъ и расположился подъ тѣмъ же

---

[1]) Вопросъ: sapakai? въ плавь (отсѣкая воду) и отвѣтъ: sapakai tarulâ: въ плавь (отсѣкая) переправимся, заключаетъ въ себѣ двоякій смыслъ.

деревомъ. Сталъ народъ хлѣбъ печь, рисъ варить; всякъ хлопочетъ у огня. Наѣлись, напились, поужинали и улеглись спать.

— Ахъ! братецъ старшій! говоритъ Лату брату, животъ заболѣлъ у меня! Что мнѣ дѣлать?

— Молчи! молчи, дитятко! отвѣчаетъ ему Бату. Внизу поѣзжане; изъ ружей перебьютъ насъ!

Не унялся Лату.

— Охъ! братецъ старшій! Сильнѣе животъ заболѣлъ!

Что ему братъ ни говорилъ, а онъ все свое, взялъ да испражнился прямо на головы поѣзжанамъ!

Вскочили поѣзжане, а Лату со страху прикинулся что спитъ.

— Братецъ старшій! говоритъ Лату, возьми ты камни. Устали мои руки!

Трахъ! камень полетѣлъ внизъ, прямо на головы поѣзжанъ. Испугались поѣзжане, повскакали! А Лату тѣмъ временемъ пустилъ внизъ другой камень!

— Что тутъ дѣлается? говорятъ поѣзжане, камни сверху падаютъ!

Убѣжали всѣ, забывъ о невѣстѣ.

А Лату мигомъ схватилъ невѣсту и отдаетъ ее брату:

— Иди, братецъ старшій! Вотъ тебѣ и свадьба!

И повели Лату и Бату невѣсту къ себѣ въ домъ.

Такъ-то камни сдѣлали свое дѣло!

21.

Полунѣмой.

Жилъ былъ богачъ и былъ у него одинъ сынъ; былъ этотъ сынъ полунѣмой. Чтобы ему не говорили, на все онъ отвѣчалъ: ха! ха! (т. е. да! да).

Много старался богачъ и женилъ таки своего полунѣмаго сына.

Прошло нѣсколько дней и пришло отъ тестя къ нѣмому зятю

приглашеніе. Передъ тѣмъ, какъ итти ему къ тестю, сталъ учить богачъ полунѣмаго сынка:

— Сынокъ! Тебѣ чтобы ни говорили, на все ты отвѣчаешь: ха! ха! Такъ не дѣлай! Разъ скажи: ха! (да!); въ другой разъ: не (нѣтъ).

Научилъ такъ богачъ сына, и пошелъ полунѣмой къ тестю. Шелъ, шелъ и дошелъ до тестя. Пришелъ зять къ тестю и обрадовались всѣ. Посматриваетъ тесть на зятя, да о здоровьѣ спрашиваетъ. Вспомнилъ тутъ полунѣмой, какъ его отецъ училъ и рѣшилъ въ умѣ, что отвѣчать.

— Иди, зятикъ! говоритъ тесть.

— Ха! (да!) отвѣчаетъ полунѣмой.

— Все-ли у васъ здорово? спрашиваетъ тесть.

— Не! (нѣтъ!) отвѣчаетъ зять.

— Или въ домѣ кто боленъ? спрашиваетъ тесть.

— Ха! (да!) отвѣчаетъ зять.

— Или отецъ съ матерью больны? спрашиваетъ тесть:

— Не! (нѣтъ!) отвѣчаетъ зять.

— Или наша дочка больна? спрашиваетъ зять.

— Ха! (да!) отвѣчаетъ зять.

— Да ужъ жить-ли ей? спрашиваетъ тесть.

— Не! (нѣтъ!) отвѣчаетъ зять.

Призадумались тесть съ тещею. Но скоро изготовился обѣдъ; накормили зятя, поѣли сами; купили на базарѣ anâra (pomegranate) и разныхъ травъ и вмѣстѣ съ зятемъ пошли къ нему въ домъ.

Идутъ туда, да горюютъ: Увидать ли намъ дочку!

Приходятъ туда и повстрѣчали дочку. А дочка и здорова и весела. Дивуются тесть съ тещею и разсказываютъ свояку все подробно: То-то и то-то говорилъ намъ твой сынъ!

Услыхалъ богачъ ихъ слова и устыдился.

22.

Сипай.

Одинъ сипай (солдатъ) въ отпуску сталъ ходить въ лавку купца (Банья); завсегда покупалъ тамъ провизію.

Былъ онъ красивъ. Увидала его разъ жена купца и влюбилась въ него. Позвала его разъ купчиха къ себѣ и говоритъ ему: Ты кто?

— Я сипай! отвѣчаетъ тотъ. Получаю пять рупи въ мѣсяцъ!

Говоритъ ему купчиха: Коль ты мнѣ услужишь, стану давать тебѣ, ежедневно, по золотому!

— Что прикажешь мнѣ дѣлать? спрашиваетъ сипай.

Говоритъ на это купчиха: Вотъ твое дѣло: когда я пожелаю, наслаждайся со мною!

Обрадовался сипай и говоритъ: Отлично! Съ нынѣшняго дня я твой слуга!

Сталъ онъ ходить къ ней, ежедневно, по утрамъ; и наслаждались они вмѣстѣ и получалъ сипай по золотому.

Случилось разъ, какъ пришелъ сипай къ купчихѣ, увидала она, что мужъ идетъ. Мигомъ сипай завернулся въ цыновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ.

Вотъ принесъ мужъ апельсины и сѣлъ рядомъ съ женой. Стали они ѣсть апельсины и вздумала тутъ жена: Ахъ! ѣмъ я апельсины, хорошо бы было покормить апельсинами дружка!

Говоритъ она мужу: Смотри-ка! чья рука вѣрнѣе бросаетъ! Давай бросать апельсины въ цыновку! Чей апельсинъ попадетъ внутрь!

Стали они бросать апельсины, а сипай смѣется, да ѣстъ!

Поѣли апельсины и пошелъ мужъ въ лавку. Вытащила купчиха дружка изъ цыновки и насладилась съ нимъ. Дала ему золотой и отослала изъ дому.

Пошелъ сипай въ лавку и сѣлъ тамъ покурить; а у самого лицо такое радостное!

— Что ты сегодня такой веселый? спрашиваетъ его купецъ.

— Истинно! отвѣчаетъ тотъ, веселъ я, потому что очень чудное видѣлъ я сегодня! Наслаждался я съ одной купчихою и дала она мнѣ золотой. Въ это время пришелъ ея мужъ. Мигомъ завернула она меня въ цыновку. Сталъ мужъ съ женою ѣсть апельсины. Захотѣлось женѣ меня апельсинами покормить и говоритъ она мужу:

— Смотри-ка, кто вѣрнѣе бросаетъ! кто попадетъ апельсинами въ цыновку? Стали они оба, мужъ съ женою, бросать апельсинами. И больше ихъ поѣлъ я апельсиновъ! Смѣшно было смотрѣть на женскую мудрость!

Сталъ купецъ думать: Вѣдь я только-что дѣлалъ это самое. Ужь не моя-ли жена свела съ нимъ дружбу?

— Другъ, говоритъ онъ сипаю, сведи меня разокъ къ твоей подругѣ!

— Какъ это можно!? отвѣчаетъ сипай.

На другой день пошёлъ сипай опять къ купчихѣ. Только-что онъ къ ней, какъ мужъ въ домъ. Пришелъ мужъ со сластями.

Мигомъ жена упрятала сапая въ корзинку.

Вотъ сталъ мужъ съ женою ѣсть сласти, а жена думаетъ: Мы ѣдимъ сласти, а дружокъ не ѣстъ; не хорошо это!

— Посмотри-ка говоритъ она мужу, кто вѣрнѣе бросаетъ? кто попадетъ леденцомъ въ корзину?

Стали они бросать леденцами въ корзину, а сипай смѣется, да ѣстъ.

Вотъ ушелъ мужъ въ лавку, вытащила купчиха дружка изъ корзинки, согрѣшила съ нимъ, отдала золотой и отослала его.

Пошелъ онъ оттуда и сѣлъ въ лавкѣ мужа. И говоритъ ему мужъ: Другъ! Сегодня какую новость скажешъ? Что ты дѣлалъ сегодня?

Отвѣчаетъ сипай: Какъ только пришелъ я сегодня къ ней въ домъ, идетъ мужъ, тащитъ лакомство. Мигомъ спрятала она меня въ корзинку. Накормила она меня леденцами, тѣмъ же манеромъ, какъ апельсинами!

Слушаетъ купецъ и дивуется. Думаетъ онъ про себя: Вѣдь я дѣлалъ такое!—Спрашиваетъ онъ сипая:

Другъ! завтра пойдешь къ ней?

— Непремѣнно! отвѣчаетъ сипай. Не зналъ онъ, что жена купца его подруга. Завтра, говоритъ, пойду туда, въ полдень!

На другой день купецъ тайкомъ подсмотрѣлъ, куда пойдетъ сипай. Увидѣлъ онъ, какъ сипай пошелъ, какъ вошелъ въ его домъ, и какъ жена приперла двери. Немного погодя, пришёлъ и мужъ; и кричитъ онъ грозно: Отпирай двери! Спрятала жена сипая въ сундукъ и приперла. Отперла двери. Взошелъ мужъ и сталъ смотрѣть. Нигдѣ не видитъ сипая. Странная вещь! думаетъ онъ, куда сипай ушелъ? Нѣтъ, думаетъ опять, онъ здѣсь гдѣ нибудь въ домѣ!

Вотъ мужъ заперъ всѣ двери и поджегъ домъ. Говоритъ самъ себѣ: Коль онъ тамъ, то сгоритъ!

Стало пламя подниматься кругомъ дома, заплакала купчиха и говоритъ:—Ахъ мой сундукъ съ платьями, родительское подареніе! Вытащи изъ дому мой сундукъ!

Пошелъ бѣднякъ и вытащилъ изъ дому сундукъ, въ которомъ былъ спрятанъ сипай. Тащитъ бѣднякъ сундукъ, а оттуда что-то течетъ; голова его смокла. А жена говоритъ:

— Разлилось все лекарство, что было въ сундукѣ!

Вотъ въ полночь открыла она сундукъ, и убѣжалъ сипай цѣлъ и здравъ.

Такъ бѣднякъ понапрасну сжегъ свой домъ.

Послѣ этого онъ съума сошелъ.

23.

Старикъ и зятья.

I.

Жила была старуха и жилъ былъ старикъ. Было у нихъ три дочери. Одну они выдали за шакала, другую за медвѣдя, третью за орла.

Вотъ разъ пошёлъ старикъ обѣдать къ медвѣдю. Пришелъ

туда и говоритъ: Хочется мнѣ поѣсть пирожковъ! [1]) Говоритъ такъ медвѣдю.

Приказываетъ медвѣдь женѣ: Накали до-красна сковороду, а я пойду въ поле пожевать гороху!

Пошёлъ медвѣдь въ поле горохъ ѣсть, а жена накалила до-красна сковороду.

Наѣлся медвѣдь и приходитъ домой. Въ брюхѣ у него было много гороху. Выбросилъ онъ этотъ горохъ, а жена натерла гороху, смѣшала со всякими пряностями [2]) и положила на сковороду. Сѣлъ на сковороду медвѣдь и смочилъ горохъ своимъ жиромъ. Напекъ медвѣдь пирожковъ и досыта накормилъ старика.

Наѣлся старикъ пирожковъ и пошёлъ домой. Пришелъ домой и говоритъ старухѣ:Хорошо я поѣлъ сегодня!

— Ты вотъ ѣлъ, отвѣчаетъ старуха, а я что ѣла?

— Напеку и тебѣ такихъ же пирожковъ! говоритъ старикъ.

— Отлично! согласилась старуха.

Говоритъ старикъ старухѣ: Накали до-красна сковороду, а я пойду гороху нарву!

Накалила старуха сковороду до-красна, а старикъ нажевалъ гороху. Приходитъ старикъ домой и выбросилъ горохъ. Истерла старуха горохъ.

— Накалила сковороду? спрашиваетъ старикъ.

— Да! отвѣчаетъ старуха.

Сѣлъ старикъ на сковороду и обжегся. Съ трудомъ всталъ и еле живъ остался. Стала старуха его лечить и говоритъ: Медвѣдь своимъ жиромъ горохъ смочилъ. Развѣ у человѣка столько же жиру натаетъ, какъ у медвѣдя?

II.

Захотѣлось разъ старику мяса поѣсть. Пошёлъ онъ къ своему зятю шакалу.

— Хочется мнѣ мясца!—говоритъ онъ зятю.

---

[1]) Vâḍâ. Родъ круглаго пирожка; приготовляется изъ сѣмянъ *urd*'а (т. е. dolichos pilosus); печется въ маслѣ.

[2]) Пряности, *masâlâ*, см. Bate, s. v.

— Обѣщался я тебя мясцомъ покормить, говоритъ шакалъ. Пойдемъ къ хлѣву; я заберусь туда и выброшу тебѣ козленка, а ты тащи его домой.

— Отлично! говоритъ старикъ.

Пошли къ хлѣву. Выбросилъ шакалъ изъ хлѣва козленка; стащилъ старикъ его въ домъ шакала.

Наѣлся старикъ мяса и пришёлъ домой.

— Наѣлся я сегодня мяса у зятя шакала! говоритъ старикъ старухѣ.

— Ты наѣлся, а я что ѣла? говоритъ ему старуха.

— И тебя накормлю!

— Ты ужъ разъ спину сжегъ!

— Теперь непремѣнно мясомъ накормлю! Постараюсь для тебя!

— Нѣтъ, нѣтъ! отказывалась старуха.

Не послушался ее старикъ и говоритъ: Я тебѣ изъ хлѣва вытащу жирную козу, ты ее и тащи внизъ, домой.

Согласилась старуха; пошли къ хлѣву. Старикъ на конѣ въѣхалъ въ хлѣвъ. Испугался конь и сталъ брыкаться.

Старуха думаетъ, что коза, и потащила старика подъ-гору. Кричитъ старикъ: Ты меня убила.

— Не говорилъ-ли ты, чтобы я тащила? Я и думала, что это козелъ.

Притащила старуха мужа домой. Кое-какъ чрезъ нѣсколько дней онъ оправился.

III.

Захотѣлось разъ старику посмотрѣть на весь міръ. Взялъ его зять орелъ на крылья и показалъ ему весь міръ.

Посмотрѣлъ старикъ на весь міръ, приходитъ домой и говоритъ своей старухѣ:

— Я весь міръ видѣлъ!

— Ты видѣлъ, а я что видѣла? сказала ему старуха.

— Я и тебѣ весь міръ покажу! обѣщалъ старикъ.

— Ты разъ пироги пекъ, да спину обжёгъ; въ другой разъ съ коня свалился. Что въ третій разъ сдѣлаешь, я не знаю!

Взялъ старикъ крылья отъ мельницы и пошёлъ со старухою

на высокую гору. Пришёлъ на гору и посадилъ старуху себѣ на спину.

Подняться не поднялся, а внизъ упалъ; и оба, старикъ и старуха, расшиблись до смерти.

24.

Кошка.

Разъ какая-то кошка сунула рыльце въ горшокъ съ молокомъ. Стала вытаскивать назадъ рыльце, да и не можетъ. Разбился горшокъ, а горлышко осталось у ней, на шеѣ.

— Что мнѣ теперь дѣлать? думаетъ кошка про себя.

Побѣжала оттуда и повстрѣчалась съ куропаткою.

— Куда идешь? спрашиваетъ ее куропатка.

— Иду въ *Гаю*, иду въ *Каси* [1])! — отвѣчаетъ кошка, пойдемъ со мною!

— Ты меня съѣшь!—говоритъ куропатка.

— Нѣтъ, говоритъ кошка, я крови не проливаю. Смотри у меня на шеѣ рудракша [2]).

Пошли вмѣстѣ. Шли, шли и пришли къ пещерѣ. Остановились тамъ. Слетѣлось пять, десять и болѣе куропатокъ.

Проголодалась кошка и говоритъ куропаткамъ:

— Уже полночь, спите!

Расположились куропатки спать, кошка опять говоритъ:

— Я васъ покараулю, а вы по одной приходите на смѣну!

Пришла первая куропатка, кошка ее и съѣла.

Пошла другая и издали увидала разбросанныя перья. Увидала, да и не йдетъ.

---

[1]) Гая, городъ въ Бихарѣ, Кâси, т. е. Бенаресъ, святыя мѣста для индусовъ.

[2]) Рудрâкша, названіе дерева (Eleocarpus ganitrus), изъ темныхъ плодовъ котораго дѣлаются чётки.

— Ты что не йдешь? спрашиваетъ кошка.

— Да ты меня, съ голоду съѣшь!—говоритъ куропатка.

Кошка погналась за куропаткою.

Вспорхнули всѣ куропатки и улетѣли.

Улетѣли куропатки, а кошка осталась въ пещерѣ. Приходятъ двѣ, три мыши. Увидала кошка мышей и притаилась, а мыши и убѣжали.

Вотъ ищетъ кошка мышей, а тутъ пришёлъ тигръ, да и съѣлъ кошку.

25.

Шакалъ и куропатка.

I.

Жилъ былъ шакалъ и жила была куропатка; были они дружны. Говоритъ однажды шакалъ:—другъ куропатка, хочется, братецъ, мнѣ поѣсть пирожка изъ гороху!

— Хорошо, говоритъ куропатка; завтра исполню твое желаніе.

Вотъ идетъ одинъ жимадаръ (помѣщикъ) съ пирогами. Куропатка подлетѣла къ нему, подъ ноги. Увидалъ куропатку жимадаръ и думаетъ: Хорошо бы убить куропатку!

Какъ только ему эта мысль пришла, тотчасъ же поставилъ онъ корзину на землю и побѣжалъ за куропаткою.

Куропатка сдѣлаетъ четыре перелета и остановится; шесть перелетовъ сдѣлаетъ и остановится. Послѣ четвертаго или пятаго перелета станетъ крылья разбирать. То сядетъ, то полетитъ. Увидала куропатка, что шакалъ вдосталь наѣлся пирожковъ, вспорхнула на гору и стала невидима.

Идетъ жимадаръ въ отчаяніи назадъ, къ корзинѣ, и видитъ, что шакалъ ѣстъ пирожки. Взялъ онъ камень и бросилъ въ него. Убѣжалъ шакалъ. Смотритъ жимадаръ на пустую корзину и говоритъ:—Не хорошо быть жаднымъ; куропатки не поймалъ, да и пироги растерялъ! Какъ теперь домой къ дѣтямъ идти?

Пошёлъ онъ домой, застыдившись.

Вотъ подлетѣла куропатка къ шакалу и говоритъ:—Ну, другъ, шакалъ братецъ, все ли было по твоему желанію?

Отвѣчаетъ радостный шакалъ:—Да, другъ, куропатка братецъ! Сегодня по твоей добротѣ, я радостенъ! Вдоволь наѣлся пироговъ!

II.

Спрашиваетъ опять куропатка шакала: — Скажи, другъ, чего ты еще желаешь?

— Другъ, куропатка братецъ, говоритъ шакалъ, по твоей милости наѣлся я пироговъ. Осталось у меня одно желаніе!

— Говори, чего хочешь?

— Сметанки да сливочекъ хочется мнѣ поѣсть!

Вотъ на другой день куропатка сдѣлала по-прежнему: идетъ человѣкъ, пастухъ, несетъ на коромыслѣ горшки съ молокомъ да сметаною; несетъ ихъ на базаръ продавать. Подлетѣла ему куропатка подъ ноги. Кружила, кружила да и улетѣла далеко. Увидала куропатка, что шакалъ наѣлся молока и совсѣмъ скрылась.

Повернулся въ отчаяніи молочникъ; идетъ къ своему коромыслу и видитъ, что шакалъ молоко ѣстъ; бросилъ онъ издали камнемъ въ шакала. Побѣжалъ шакалъ и розлилъ все молоко, что оставалось.

Пошелъ молочникъ домой, съ пустыми горшками на коромыслѣ. Идетъ да раскаивается: — Никому въ глаза нельзя посмотрѣть!

Подлетѣла куропатка къ шакалу и спрашиваетъ:

— Другъ, шакалъ братецъ, исполнилось ли твое желаніе, наѣлся ли ты молочка?

Смѣется шакалъ и говоритъ:—Да, другъ, куропатка братецъ! Долго живи! Сегодня набилъ я брюхо! Напился молочка!

III.

Какъ сказалъ это шакалъ, говоритъ ему опять куропатка:— Другъ, шакалъ братецъ, теперь чего желаешь?

— Теперь, другъ, куропатка братецъ, мнѣ хочется посмѣяться.

— Хорошо, другъ!

Вотъ на другой день идетъ по дорогѣ толпа факировъ. Увидѣла ихъ куропатка и говоритъ шакалу:

— Спрячься и смотри; я тебя разсмѣшу!

Что же стала куропатка дѣлать?

Миновала она того факира, который позади всѣхъ шелъ, и сѣла на голову шедшему передъ нимъ.

Увидѣлъ куропатку позади шедшій факиръ и изо всей силы тростью ударилъ по головѣ передняго.

Вспорхнула куропатка и сѣла на голову слѣдующаго. У факира назади хоть кровь изъ головы и текла, а онъ взялъ да и прибилъ передняго палкою.

У ста факировъ на головахъ куропатка посидѣла; у ста факировъ головы палкою побиты, а куропатка жива осталась и улетѣла.

Глядѣлъ шакалъ и много смѣялся. Подлетѣла куропатка къ шакалу и спрашиваетъ:

— Насмѣялся ли, другъ, шакалъ братецъ?

— До того смѣялся, другъ, отвѣчаетъ шакалъ, что кожа у меня разболѣлась! Осталось у меня одно желаніе; завтра тебѣ объ этомъ скажу!

IV.

Вотъ, какъ сошлись они на другой день, куропатка и говоритъ:

— Другъ, шакалъ братецъ, какое у тебя желаніе осталось?

— Спина у меня чешется, другъ, куропатка братецъ, отвѣчаетъ шакалъ; какъ хочешь почеши, тогда мнѣ лучше будетъ!

— Очень это мнѣ трудно, говоритъ куропатка, коль возможно, такъ сдѣлаю!

Говоритъ опять куропатка:—Спѣши, другъ; пойдемъ въ лѣсъ!

Пошли въ лѣсъ и видятъ: расхаживаетъ тамъ охотникъ и четыре собаки съ нимъ.

Какъ только шакалъ съ куропаткою пришли въ лѣсъ, увидѣлъ ихъ охотникъ; увидѣлъ, да и погналъ собакъ за шакаломъ.

Стали собаки шакала кругомъ гонять.

Кричитъ шакалъ:—Умираю, другъ, куропатка братецъ, умираю!

Слетѣла куропатка съ дерева и стала летать; то перелетитъ, то взлетитъ.

Бросили собаки шакала и погнались за куропаткою. Куропатка поднялась и далеко улетѣла. Ищутъ ее собаки повсюду.

Немного спустя, сошлись опять куропатка и шакалъ. Говоритъ куропатка:

— Скажи, другъ, шакалъ братецъ, перестала ли у тебя спина чесаться или же нѣтъ?

— Да, другъ, перестала у меня спина чесаться; даже ссадины на спинѣ, и въ жаръ меня бросило. Поведи меня туда, гдѣ вода есть!

— Хорошо, иди! говоритъ куропатка; привела шакала на берегъ рѣки, гдѣ мельница стояла.

— Не бросить ли тебя въ прудъ? спрашиваетъ куропатка шакала.

— Нѣтъ, другъ, поведи меня въ такое мѣсто, гдѣ вода сверху польетъ—проситъ шакалъ.

— Хорошо, иди, поставлю тебя подъ мельничное колесо, а сверху пущу воду [1]).

— Хорошо! согласился шакалъ и пошли оба подъ мельницу.

---

[1]) О мѣстныхъ мельницахъ см. Traill, Statistical sketch of Kamaon, въ Asiatic Researches, vol. XVI, стр. 187. The grain is ground by means of watermills, which are extremely numerous: the declivity of the rivers, which is always considerable, greatly aids the erection of the machines. A small stream being diverted from the main channel, is carried on a level along the bank, until a sufficient height is obtained to admit of a fall of eight or ten feet: the mill is then erected below, and the stream is directed by an inclined wooden trough on an overshot wheel. The mill stones are commonly from one and a half to two feet in diameter; the grain is placed in a funnel-shaped bag, suspended over a hole in the centre of the upper stone, and draps gradually from it as in a hourglass. By a simple contrivance the shoot of water can be increased or dimini-

Привязала куропатка шакала къ колесу; изготовился онъ, стоитъ. Вотъ и говоритъ ему куропатка:

— Теперь я немного пущу воды!

Сказала и взлетѣла. Скрылась куропатка.

Вотъ какъ куропатка выпустила немного воды, въ эту пору пришелъ мельникъ. Взошелъ въ мельницу, открылъ засыпъ, всыпалъ пшеницу, вышелъ и выпустилъ всю воду.

Завертѣлось колесо; вертитъ и бьетъ шакала.

— Другъ куропатка, остылъ я, вытащи меня!

Услыхала куропатка голосъ друга, вспорхнула и подлетѣла къ мельнику. Порхаетъ у его ногъ. Погнался за куропаткою мельникъ.

Думаетъ про себя куропатка, убѣжалъ теперь шакалъ, поднялась вверхъ и скрылась.

Пришелъ мельникъ на мельницу. Пшеница смололась. Собралъ онъ муку и пошелъ домой.

V.

— Другой день не встрѣчалась я съ шакаломъ! думаетъ куропатка, куда онъ ушелъ? Пошла подъ мельницу и увидѣла шакала братца. Стоитъ шакалъ братецъ, оскалилъ зубы на небо и весь окоченѣлъ.

Увидѣла куропатка мертваго шакала и горько плакала.

Улетѣла оттуда и соединилась съ другими куропатками.

---

ated at pleasure, and the wheel is stopped by removing the wooden trough, when the water passes through a chennel under the wheel. A mill requires but one person (usually a boy) to attend it, and will grind from three to four mannds in the day.

26.

Четырехъ дѣлъ не дѣлай.

I.

Умиралъ одинъ человѣкъ и сказалъ своему сыну:

Сынъ! четырехъ дѣлъ не дѣлай! Первое дѣло: не говори женѣ, того, что́ у тебя на сердцѣ (1).

Второе дѣло: не дружись ты съ *râcelî* [1]), а дружись съ rândî изъ высшей касты [2]) (2). Третье дѣло: не дружись съ малымъ богачемъ, а дружись съ большимъ богачемъ (3). Четвертое дѣло: съ царскими слугами не дружись, а дружись съ самимъ царемъ! (4).

Сказалъ это отецъ сыну и померъ.

II.

Задумалъ сынъ испытать этотъ завѣтъ и сдружился со всѣми: во первыхъ сдружился съ малымъ богачемъ, а потомъ съ большимъ. Сдружился съ царскими слугами, а потомъ и съ самимъ царемъ. Сдружился съ *râcelî* и съ rândî изъ высшей касты.

Вотъ разъ задумалъ онъ испытать жену. Укралъ царскаго павлина и говоритъ женѣ:—Изжарь нынѣ павлиньяго мясца!

А самъ павлина спряталъ: зарѣзалъ голубя, да и говоритъ женѣ:—Изжарь этого павлина; изъ царскаго дому я укралъ его!

Изжарила жена голубя. Поѣли мяса оба.

На другой день, рано утромъ пошла жена къ пруду, за водою. Идетъ по дорогѣ, да передъ спутницами зубы чиститъ.

— Ты вчера что ѣла? спрашиваютъ ее спутницы. Отчего ранехонько утромъ въ зубахъ ковыряешь? А та говоритъ:

---

[1]) *Râcelî* (срв. у Bate, *râcanâ* to be affected, or imbued with love, to be strongly attached, *râcâ* imbued with love) женщина низшей касты, проститутка, но въ то же время служительница въ храмѣ.

[2]) *Kaumavâlî randî* проститутка по происхожденію, высшей касты, *Kauma* у Bate a tribe, caste, sect, people, nation, family, house or dynasty.

— Мужъ мой изъ изъ царскаго дому павлина укралъ; наѣлись мы мяса.

Пошли спутницы по домамъ; разсказали обо всемъ мужьямъ; а тѣ донесли царю.

Приходятъ царскіе слуги схватить вора. А тотъ руки, ноги вымылъ и обѣдать приготовился. Не дали ему царскіе слуги поѣсть; схватили его и привели къ царю.

— Гдѣ мой павлинъ? спрашиваетъ его царь.

— Съѣлъ я его! mahârâjâ (великій царь), отвѣчаетъ тотъ.

Отдалъ царь приказъ повѣсить его. Говоритъ опять тотъ царю:

— Дозволь мнѣ, mahârâjâ, на минутку сходить домой, а потомъ и вѣшай меня!

— Хорошо! сказалъ царь и позволилъ ему сходить домой.

Пошелъ онъ съ начала къ *râcelî* и говоритъ ей:

— Завтра меня повѣсятъ!

Стала она грустна: намазала слюнами глаза, чтобы показать ему, что и она плачетъ. Плачетъ, да и говоритъ ему потомъ:

— Ахъ! другъ, какъ мнѣ тебя поминать? Подари ты мнѣ ту шаль, что на тебѣ надѣта. Буду я смотрѣть на шаль, да тебя вспоминать!

Отдалъ онъ ей шаль.

Повели его послѣ того вѣшать. И тѣ-же царскіе слуги, кому онъ даривалъ по тысячѣ рупи, бьютъ его башмаками и кричатъ:— «Спѣши, поворачивайся!»

Дошла вѣсть обо всемъ до малаго богача. Пришелъ онъ къ бѣдняку; снялъ съ него турбанъ и говоритъ:—«Стану я думать, что этотъ турбанъ мнѣ стоитъ тысячу рупи!»

Дошла вѣсть до большого богача; пошелъ онъ къ царю и говоритъ:—Râjâ-sa'ab, (господинъ царь!) отпусти его; сколько онъ вѣситъ, столько тебѣ дамъ серебра, золота. Что пожелаешь, то дамъ тебѣ!»

Не послушалъ его царь.

Ведутъ его вѣшать; бьютъ въ барабаны, въ ладони. Увидѣла это изъ своего дому randî высшей касты и сказала царскимъ слугамъ:

— Не вѣшайте его, пока я не вернусь изъ царскаго дому!

Побѣжала она къ царю и говоритъ тамъ:

— Mahârâjâ, дамъ тебѣ столько серебра, золота сколько онъ вѣситъ. Отпусти его. Коль этимъ не доволенъ, повѣсь меня вмѣсто него. А его отпусти!

Не послушалъ ее царь.

III.

Вотъ говоритъ бѣднякъ:

— Коль отдамъ я павлина назадъ, отпуститъ ли меня царь?

Побѣжали люди къ царю и говорятъ:

— Mahârâja, говоритъ онъ: «павлинъ у меня въ дому, отпусти меня!»

Хорошо! Коль приведетъ павлина, такъ я его отпущу! сказалъ царь.

Побѣжалъ бѣднякъ домой и привелъ оттуда павлина, къ царю назадъ.

— Зачѣмъ ты все это дѣлалъ? спрашиваетъ его царь.

— А онъ отвѣчаетъ царю:

— Какъ умиралъ мой отецъ, такъ говорилъ мнѣ, четырехъ ты дѣлъ не дѣлай. Сталъ я испытывать его слова, и все это сдѣлалъ.

Былъ царь очень доволенъ. Подарилъ ему деревню, и далъ ему награду.

— Что ни говорилъ мой отецъ, какъ умиралъ, все то справедливо!

И пересталъ онъ съ тѣхъ поръ со всѣми дружиться.

27.

Богачъ и бѣднякъ

I.

Khima и *Sañkar* были два брата. *Khima* былъ бѣднякъ, *Sañkar* былъ богачъ. *Khima* ходилъ въ лѣсъ, рубилъ дрова, продавалъ ихъ на базаръ и тѣмъ пропитывалъ свою семью.

Пошелъ онъ однажды въ лѣсъ и застала его тамъ ночь. Вотъ приходятъ туда ночью сорокъ воровъ. Увидалъ ихъ *Khima* и испугался. Увидалъ воровъ *Khima* и взобрался на дерево *pîpal* (ficus religiosa).

Пришли туда сорокъ воровъ, потому что подъ тѣмъ деревомъ былъ у нихъ большой домъ. И былъ этотъ домъ со всѣхъ сторонъ запертъ, и только съ одной стороны отпертъ. И было въ томъ домѣ богатство воровъ; а снаружи, у дверей былъ большой камень. Пошли въ домъ воры и все, что ни накрали, все туда поставили, все туда стащили.

Все это видѣлъ съ дерева бѣднякъ. Какъ ушли воры, слѣзъ онъ съ дерева, сдвинулъ камень и вошелъ въ домъ.

И увидалъ онъ, что весь домъ полонъ драгоцѣнными каменьями, серебряными и золотыми деньгами. Навьючилъ онъ на своего осла столько, сколько тотъ могъ снести, и пошелъ съ добромъ, домой. Какъ пришелъ онъ домой, жена его была въ тотъ день очень радостна.

Перетаскалъ онъ къ себѣ все добро такимъ образомъ.

II.

Спрашиваетъ его разъ братъ:

— Какъ это ты сталъ такимъ богачемъ?

Онъ и говоритъ:

— Сходилъ я разъ въ лѣсъ, тамъ богатство получилъ!

— Укажи мнѣ, гдѣ ты богатство получилъ! проситъ братъ.

— Хорошо, пойдемъ! Я тебѣ укажу!

Повелъ онъ туда брата, указалъ ему дерево и говоритъ:

— Сюда ночью придутъ сорокъ человѣкъ; ты имъ скажи: дайте мнѣ богатства; они съ большимъ удовольствіемъ дадутъ!

И было у него на умѣ:—Хорошо было-бы, какъ бы воры его убили!

Пошелъ тотъ бѣднякъ въ лѣсъ; ночью приходятъ воры. Увидали они его и говорятъ:

— Вотъ онъ, кто насъ обокралъ; хватайте его, и убьемте его!

А онъ отъ страху побѣжалъ; прибѣжалъ домой и всѣ сорокъ воровъ съ нимъ прибѣжали. Пришли въ его домъ, да и убили

его тамъ. Наругались надъ его женою всѣ сорокъ человѣкъ. Померла она; да помирая и сказала ворамъ:

— Изъ-за богатства вы меня убили, а богатство-то ваше у зятя моего въ домѣ!

III.

На другой день окружили сорокъ воровъ домъ *Khim'ы* и порѣшили его убить. Подслушала жена *Khim'ы* ихъ совѣтъ; и вскипятила масло въ сорока сосудахъ [1]).

Вотъ ночью приходятъ воры. Разбили крышу и спускаются по одиночкѣ, въ домъ. Схватила она перваго и бросила въ масло. Сталъ спускаться второй и его тоже убила. И переморила она, такимъ образомъ, всѣхъ сорокъ воровъ.

Все богатство, что осталось отъ воровъ, стащила къ себѣ въ домъ.

И стали они послѣ того такими богачами, что не было имъ равныхъ.

28.

Четыре драгоцѣнности.

Былъ одинъ царь и былъ у него одинъ сынъ. Однажды говоритъ царевичъ отцу:

— Батюшка, хочется мнѣ на свѣтъ посмотрѣть.

— Хорошо, сынъ, отвѣчаетъ царь, ступай, посмотри на свѣтъ!

Пошелъ царевичъ къ своей женѣ и говоритъ:

— Иду на свѣтъ посмотрѣть. Ты чего желаешь, о томъ скажи; куплю тебѣ!

Отвѣчала жена:

— Хорошо! Купи мнѣ четыре вещи:

Первую вещь: изъ хорошаго дурное, вторую вещь: изъ дур-

---

[1]) *Кирâ*, каменный сосудъ большихъ размѣровъ.

наго хорошее, третью вещь: собаку *kotval'a* (полицейскаго), четвертую: осла съ престола!

— Хорошо! отвѣчалъ царевичь; пошелъ онъ къ отцу и говоритъ:

— Bâbâ-ji (батюшка)! ухожу теперь!

Говоритъ отецъ:

— Сынъ, сколько ты войска возмешь?

— Я, батюшка, возьму одного коня; пойду, какъ простой путникъ.

Пошелъ онъ оттуда безъ войска и даже конюха не взялъ съ собою. Шелъ, шелъ и дошелъ до Дельги. Подошелъ онъ къ городскимъ воротамъ и повстрѣчалъ тамъ одного человѣка. Подарилъ онъ этому человѣку золотой и сказалъ:

— Позови мнѣ, *kotval'*а (полицейскаго)!

Позвалъ тотъ человѣкъ *kotval'*а (полицейскаго); сказалъ царевичъ полицейскому:

— Дай травки моему коню! И дай мнѣ что нибудь поѣсть!

Приготовилъ все это *kotval* (полицейскій). Вынулъ царевичъ золотой и отдалъ *kotval'*у (полицейскому). Обрадовался полицейскій и говоритъ царевичу:

— Вы здѣсь долго поживете?

А царевичъ отвѣчаетъ:

— Неизвѣстно, не могу сказать, какъ долго!

— Вамъ бы домъ нанять!

— Хорошо! согласился царевичъ.

Нанялъ полицейскій царевичу домъ. Осмотрѣлъ царевичъ весь городъ Дельги. Давалъ онъ полицейскому по золотому ежедневно.

Вотъ сдружился царевичь съ одною Pâtaръ, и сколько у него было денегъ, всѣ передавалъ ей.

Въ томъ городѣ жила принцесса, дочь бѣднаго царя. Была она на выданьѣ. Разъ говоритъ *kotval* царевичу:

— Mahârâjâ, есть здѣсь дочь одного царя; великая она красавица и невѣста. Отлично было бы, кабы вы на ней женились!

— Хорошо! согласился царевичъ. Увидалъ онъ принцессу,

влюбился въ нее и женился на ней. И были они оба очень довольны.

Ходилъ царевичь ежедневно на охоту и однажды вздумалъ испытать свою жену. Пошелъ онъ охотиться на дикихъ козъ, убилъ одну козу и отрѣзалъ ей голову. Завязалъ онъ онъ голову козы въ платокъ, принесъ ее домой и повѣсилъ.

Спрашиваетъ его жена:

— Это что такое?

А онъ отвѣчаетъ:

— Сегодня не встрѣтилъ я никакого звѣря. Повстрѣчалъ я одного человѣка и отрѣзалъ ему голову. Смотри, не говори никому!

— Испугалась жена и говоритъ про себя:

— Какой мой мужъ злой, людей убиваетъ!

На другой день царевичъ опять пошелъ на охоту; убилъ козу; завязалъ ея голову въ платокъ и повѣсилъ у себя въ домѣ. Такимъ образомъ убилъ онъ семь козъ; и развѣсилъ ихъ головы въ своемъ домѣ.

Увидѣла это его жена и стала скорбѣть:

— Убиваетъ онъ людей постоянно; какъ разъ и меня убьетъ!

Пошелъ царевичъ, однажды, на охоту; а жена позвала *kotval'*а (полицейскаго) и говоритъ ему:

— Ты говорилъ, что выдашь меня замужъ за очень хорошаго человѣка. Смотри, семи человѣкамъ онъ поотрѣзалъ головы! Что ни день, то убиваетъ по человѣку!

Вотъ kotval (полицейскій), которому царевичь ежедневно давалъ по золотому, скорехонько донесъ обо всемъ падишаху.

— Mahârâjâ (великій царь), пришелъ сюда нѣкій царевичь. Что ни день, то убиваетъ онъ по человѣку. До семи головъ висятъ въ его домѣ!

— Ты какъ объ этомъ узналъ? спрашиваетъ падишахъ.

— Мнѣ его жена объ этомъ сказала! отвѣчаетъ полицейскій.

— Хорошо! повѣсить его! отдалъ приказъ падишахъ.

Вотъ kotval (полицейскій), которому царевичъ съ самаго приходу ежедневно давалъ по золотому, пошелъ его схватить. Схватилъ его полицейскій и привелъ къ падишаху.

— Хорошо! повѣсь его! говоритъ падишахъ.

Услыхала объ этомъ Пâтаръ и скорехонько пришла къ падишаху:

— Maharaja, говорила она, не разспросилъ ты его хорошенько и отдалъ приказъ повѣсить! Спроси его, убивалъ ли онъ людей или нѣтъ?

Какъ сказала Пâтаръ, такъ и сдѣлалъ падишахъ. Спросилъ царевича:

— Ты убивалъ ли людей или нѣтъ?

А тотъ отвѣчаетъ:

— Зачѣмъ меня спрашивать? Повѣсить меня теперь отданъ приказъ!

Спрашиваетъ падишахъ *kotval*'а (полицейскаго):

— Ты какъ узналъ?

Отвѣчаетъ *kotval* (полицейскій):

— Жена его мнѣ говорила, что убилъ онъ семь человѣкъ, завязалъ ихъ головы въ платки и повѣсилъ въ своемъ домѣ!

— Хорошо! говоритъ падишахъ, принести мнѣ эти платки!

Принесли платки падишаху; развязалъ онъ ихъ и вытащилъ козьи головы. Застыдился и сталъ грозить *kotval*'у (полицейскому):

— Ты зачѣмъ, своими глазами не видѣвъ, донесъ?

— Жена его мнѣ такъ сказала! говоритъ полицейскій.

Спросилъ падишахъ жену, а она отвѣчаетъ:

— Мнѣ мужъ такъ говорилъ: не нашелъ я звѣря, такъ убилъ человѣка. Вотъ я и сказала *kotval'y* (полицейскому)!

— Ты зачѣмъ все это дѣлалъ? спрашиваетъ падишахъ царевича.

Отвѣчалъ царевичъ:

— Въ тотъ день, какъ уходилъ я изъ своей страны въ Индустанъ, наказывала мнѣ жена принести четыре вещи. Сдѣлалъ я все это, чтобы добыть четыре эти вещи!

— Какія же эти четыре вещи? спрашиваетъ падишахъ.

Говорилъ царевичъ:

— Первая вещь: изъ дурнаго хорошее (1). Вторая вещь: изъ хорошаго дурное (2). Третья вещь: собаку *kotval*'а (полицейскаго) (3). Четвертая: осла съ престола (4). Всѣ четыре ве-

щи досталъ я теперь. Первая вещь, изъ дурнаго хорошее, это Пâтаръ. Почему? Не достойна она довѣрія; кто ей пэйса (мелкая монета) дастъ, тотъ къ ней и идетъ. А она то и хороша, потому что спасла меня. (1)

Вторая вещь: изъ хорошаго дурное. Это моя замужняя жена! Почему? Сказалъ я ей: смотри, ни кому не говори! А она kotval'y (полицейскому) разсказала. Поэтому изъ хорошаго дурное! (2)

Третья вещь: это kotval (полицейскій). Передалъ я ему около трехъ, четырехъ сотенъ золотыхъ. А онъ скорехонько пришелъ меня вѣшать. Не было у него ни малѣйшей жалости ко мнѣ, а потому онъ-то и есть собака *kotval'*а (полицейскаго). (3)

Четвертая вещь: это ты, оселъ съ престола. Своими глазами не видалъ, а по словамъ *kotval'*а (полицейскаго) отдалъ приказъ повѣсить меня. Ничего ты не знаешь. Поистинѣ ты оселъ съ престола!

Выслушалъ падишахъ его слова и сильно застыдился.

— Скажи мнѣ истину, ты кто? спрашиваетъ падишахъ царевича. Отвѣчалъ тотъ:

— Я сынъ нѣкоего царя!

Посадилъ его падишахъ съ собою на престолъ. Женилъ его на своей дочери и говоритъ:

— Дарю тебѣ полцарства; оставайся при мнѣ; у меня кромѣ дочери нѣтъ другихъ дѣтей!

— И я одинъ сынъ у отца! отвѣчалъ царевичъ.

Пошелъ царевичъ съ молодою женою, въ свой городъ и Пâтаръ взялъ съ собою. Пришелъ домой.

— Принесъ мнѣ мою покупку? спрашиваетъ его жена.

— Ха! (да!) отвѣчаетъ царевичъ и разсказалъ ей все происшествіе.

Выслушала жена и была очень довольна.

29.

Счастливый дуракъ.

I.

Былъ малый. Говоритъ онъ однажды своей бабушкѣ:

— Бабушка, пойду сегодня къ тестю!

Говоритъ онъ опять бабушкѣ:

— Бабушка, коль теща меня спроситъ: ты гдѣ сегодня ѣлъ, или: ты что сегодня ѣлъ? такъ что мнѣ сказать?

Говорила ему бабушка:

— Ты, внучекъ, скажи: дома ѣлъ, *khicadî*[1]) (похлебку) ѣлъ!

— Бабушка, какъ-же мнѣ это запомнить? спрашиваетъ опять малый.

— А ты, внучекъ, иди по дорогѣ, да и тверди: *khicadi*, *khicadi*! учила его бабушка.

Вышелъ малый на дорогу и твердитъ:—*khâ cadî*, *khâ cadî* (ѣшь, птица! ѣшь птица!)

По дорогѣ, у одного жимадâра (землевладѣльца) птицы стали рисъ клевать. Растянулъ жимадâръ сѣти. А тутъ идетъ малый, да твердитъ: *khâ cadî*, *khâ cadî*! (ѣшь, птица! ѣшь, птица)!

Разсердился жимадâръ, и говоритъ:

— Какой вдовій сынъ сталъ тутъ говорить: *khâ cadî*, *khâ cadî* (ѣшь, птица! ѣшь, птица)!

Посмотрѣлъ жимадâръ и увидалъ малаго. Много билъ онъ малаго и сказалъ ему:

— Ты, вдовій сынъ, говори такъ: идите, въ сѣть падайте!

Пошелъ малый впередъ по дорогѣ и твердитъ:

— Идите, въ сѣть падайте!

Стоятъ по дорогѣ воры и говорятъ между собою:

— Какой вдовій сынъ сталъ тутъ говорить: идите, въ сѣть падайте!

---

[1]) Khicaḍî, у Bate, s. v. a certain dish mode of pulse and rice boiled together.

Увидали они малаго, прибили его и говорятъ ему:

— Ты говори, приходите и берите!

Вотъ сталъ малый твердить: — приходите и берите! Идетъ по дорогѣ впередъ. Несутъ мертвеца. Услыхалъ его рѣчь народъ и сталъ говорить:

— Какой вдовій сынъ твердитъ: приходите и берите! Увидалъ народъ малаго и много билъ его. Говорятъ ему:

— Ты ступай, да тверди: такого чтобы ни съ кѣмъ не случалось!

Пошелъ малый впередъ, по дорогѣ и сталъ твердить:

— Такого чтобы ни съ кѣмъ не случалось!

Идетъ по дорогѣ свадебный поѣздъ и слышитъ его слова.

— Какой вдовій сынъ тутъ говоритъ: такого чтобы ни съ кѣмъ не случалось! говорятъ поѣзжане. Много они били его башмаками. Съ великимъ трудомъ добрался онъ до тестя.

Пришелъ онъ къ тестю, да и спрятался. Стали дѣти въ домѣ ѣсть, онъ все это подсмотрѣлъ. Какъ настала ночь, пришелъ онъ къ тещѣ, да и говоритъ:

— Такое знаніе я пріобрѣлъ, что кто съѣлъ, то я знаю!

Разнеслась вѣсть:—пришелъ въ деревню зять такого-то человѣка. Вычиталъ онъ такое-то знаніе!

Дошла вѣсть до царя. Призвалъ его царь; а самъ взялъ въ руки кузнечика (pîlagaṇṭa), да и спрашиваетъ малаго: [1])

— Что у меня въ рукѣ?

Испугался малый, да и говоритъ самъ себѣ:

— Охъ! Pîlagaṇṭi! (такъ малаго звали) смерть твоя пришла!

А царь-то думаетъ: — сказалъ, что у меня въ рукѣ кузнечикъ (Pîlagaṇṭa)!

Отпустилъ его царь.

III.

Пропало у царя бриліантовое ожерелье. Призвалъ царь малаго и говоритъ ему:

---

[1]) Pîlagaṇṭa, кузнечикъ; у Bate pîla м. пр. значитъ a young bird По скр. pîlana a large black ant.

— Если ты мнѣ чрезъ полмѣсяца не принесешь ожерелья, я тебя повѣшу!

Проходятъ пятнадцать дней. Ни ѣстъ, ни пьетъ малый. Плачетъ, да зоветъ бабушку и мать:

— Охъ! Cûniyâ! Охъ! Muniyâ! Куда мнѣ итти? Что мнѣ дѣлать?

Были у царя двѣ служанки: Cûniyâ и Muniyâ. Онѣ-то и украли ожерелье. Услыхали они, что малый говоритъ: испугались, пришли къ нему и говорятъ:

— Mahârâjâ! Мы украли ожерелье и спрятали въ такомъ-то мѣстѣ твое ожерелье!

Не зналъ малый, какъ ночь провести. Прошла ночь, пошёлъ онъ къ царю.

— Гдѣ мое ожерелье? спрашиваетъ царь его. Отвѣчаетъ малый:

— Mahârâjâ! Твое ожерелье въ такомъ-то мѣстѣ!

Посмотрѣлъ царь и остался очень доволенъ.

Далъ малому большую награду и пошёлъ тотъ домой.

30.

Кладъ.

Есть извѣстная пословица: коли богъ захочетъ подать, такъ чрезъ окно подастъ.

Присѣлъ разъ нѣкій человѣкъ на корточки. А былъ въ томъ мѣстѣ сухой пень. И укололся сильно этотъ человѣкъ. Разсердился онъ и выдернулъ съ корнемъ тотъ пень. У корня былъ большой сосудъ, полный богатства. Посмотрѣлъ тотъ человѣкъ на сосудъ и говоритъ:

— Великъ, не стащу! Если у бога на сердцѣ есть желаніе дать, такъ изъ окна подастъ!

Не понесъ онъ богатства домой. Оставилъ его тамъ и ушелъ.

Вотъ ночью разсказываетъ онъ женѣ этотъ случай. Услыхали его тутъ его-же родные.

— Сѣши, говоритъ ему жена, теперь-же притащи сосудъ съ богатствомъ!

А онъ отвѣчаетъ:

— Коль богъ захочетъ подать, такъ изъ окна подастъ

Какъ услыхалъ его родственникъ, скорехонько побѣжалъ. Прибѣжалъ туда, смотритъ; а сосудъ полонъ змѣй и ящерицъ.

Разсердился онъ сильно. Прикрылъ онъ тотъ сосудъ плащемъ и потащилъ его къ дому того человѣка. Пришелъ, взобрался на крышу, да и вытрясъ весь сосудъ черезъ окно. Какъ сталъ онъ трясти, тутъ же услыхалъ звонъ рупій.

— Что за причина? Не понимаю! Запускалъ я руку и не было тамъ ничего, кромѣ змѣй и ящерицъ; а теперь звенятъ рупіи!

Испугался родственникъ. Сыгралъ свадьбу своего сына, и много рупій истратилъ: По той причинѣ:—въ домъ роднаго, говорилъ онъ, набросалъ я змѣй и ящерицъ. Большой грѣхъ я сдѣлалъ!

А тотъ человѣкъ проснулся на другой день, увидѣлъ рупіи да и говоритъ женѣ:

— Не говорилъ ли я: коль Богъ захочетъ подать, такъ чрезъ окно подастъ. Смотри какъ онъ подалъ!

31.

Несчастная жена.

Нѣкій человѣкъ былъ на двухъ женатъ. И было между женами много ссоры.

Сильно любилъ мужъ вторую жену. Сшилъ онъ ей разъ много хорошихъ платьевъ. А первой женѣ ничего не сшилъ. Разсердилась эта. Разъ, какъ пошла вторая жена ѣсть, старшая жена сожгла всѣ ея платья.

*

Разсердился мужъ сильно и много билъ ее; она и убѣжала изъ дому.

Шла она семь дней и пришла къ дому нѣкоего *hanvâl*'а. [1]) Пожила тамъ. Надоѣла она *hanvâl*'у и выгналъ онъ ее, изъ дому.

Побѣжала она оттуда въ лѣсъ и повстрѣчала въ лѣсу факира. Спрашиваетъ ее факиръ:

— Ты кто? Куда идешь?

Она отвѣчаетъ:

— Я жена одного купца. Мужъ меня прибилъ, я и убѣжала изъ дому. Въ домѣ у меня соперница. Мужъ въ нее влюбленъ. Меня все бьетъ; съ нею всегда спитъ, а со мной не спитъ!

Вотъ спрашиваетъ её опять факиръ:

— А теперь ты куда идешь?

— А теперь иду мужа искать! отвѣчаетъ она.

Далъ ей факиръ немного плодовъ. Она поѣла. Пошли вмѣстѣ. Шли, шли, настала ночь. Легли они спать въ Dharmaçâl'ѣ. Ночью посмотрѣлъ на нее факиръ и распалился.

Сталъ онъ говоритъ:

— По ночамъ ходитъ тутъ левъ. Коль человѣкъ одинъ спитъ, съѣстъ его левъ. Лучше будетъ, коль мы оба вмѣстѣ будемъ спать. Такимъ образомъ другъ другу жизнь спасемъ!

Испугалась бѣдняжка и легла на постель къ факиру. Согрѣшилъ факиръ.

— Теперь ты женись на мнѣ! говоритъ она факиру.

Факиръ смылъ съ тѣла пепелъ. Бросилъ факирство и ради этой жены занялся купеческимъ дѣломъ. Говоритъ однажды жена факиру:

— Много добра у моего перваго мужа. Если ты умѣешь колдовать, умори его. А жену его себѣ въ жены возьми!

— Ха! (Да!) умѣю я колдовать! отвѣчаетъ факиръ.

Вотъ привела она факира въ домъ своего перваго мужа. Сдружился съ нимъ факиръ. Накормилъ его заколдованною ѣдою. Съ ума сошёлъ бѣднякъ, до того, что сталъ ѣсть навозъ.

---

[1]) *Hanvâl*. Названіе низкой касты. Женщины этой касты плясуньи.

Взялъ себѣ факиръ въ жены его вторую жену и сталъ владѣть всѣмъ его добромъ. Влюбился онъ сильно во вторую жену [1]).

Разсердилась разъ сильно первая жена и говоритъ:

— Первый мужъ былъ сильно влюбленъ въ нее, и второй тоже!

Разъ, какъ спали два человѣка на постелѣ, нашелъ на нее гнѣвъ, схватила она мечъ и прирѣзала обоихъ.

На другой день, рано утромъ стала плакать, кричать:

— Приходили воры, мужа моего убили и все добро расхитили!

Послѣ этого сыграла она свадьбу съ третьимъ мужемъ.

32.

Умные зятья.

I.

Былъ одинъ царь и было у него четыре сына. Говорятъ разъ сыновья отцу:

— Батюшка, жени насъ!

— Нѣтъ у меня денегъ теперь васъ женить! отвѣчалъ имъ отецъ.

Разсердились сыновья; выбрали по хорошему коню и выѣхали изъ дому.

Шли, шли и пришли въ нѣкій городъ. У царя того города были дочери на выданьѣ. Остановились царевичи въ домѣ у царя.

— Вы что будете ѣсть? спросилъ ихъ царь.

— Mahârâjâ! говорилъ первый, дай мнѣ стаканъ воды и укажи мѣсто, гдѣ спать, я и засну.

— Mahârâjâ! сказалъ второй, дай мнѣ чашку молока, да чашку воды; я помолюсь, да и засну.

---

[1]) *Saut* вторая жена, одновременно съ первою. Одна жена, въ отношеніи другой *saut*.

— Mahârájä! сказалъ третій, если бы я нашелъ чашку воды да *haluvâ*, [1]) такъ я бы и заснулъ.

Mahârâjâ! сказалъ четвертый, еслибы я нашелъ немного мяса, да чашку воды, такъ я бы и заснулъ.

Вотъ дали имъ такія кушанія. Они поѣли и легли спать.

Встали они рано утромъ. Посылаетъ къ нимъ царь одного человѣка:—Ступай, говоритъ ему царь, и спроси ихъ: mahârâjâ, что случилось въ прошлую ночь?

Отвѣчалъ первый:

— Братецъ, въ моей постелѣ конскій волосъ, и лежитъ онъ подъ четвертой простынею!

Подняли постель и позвали прачку; вытащила прачка четвертую простыню, а тамъ бумага, а на ней конскій волосъ, длиною въ девять локтей.

— Очень разуменъ этотъ человѣкъ! сказали люди.

Говорилъ второй:

— Братецъ! молоко было коровье, но запахъ въ немъ буйвола!

Позвали молочника, а тотъ говоритъ:

— Молоко коровы! Но, mahârâjâ, въ молодости у этой коровы мать померла, и поилъ я ее буйволинымъ молокомъ. Оттого отъ коровьяго молока и пахнетъ буйволомъ!

Вотъ спрашиваютъ третьяго:

— Разскажи, братецъ, что случилось съ тобою?

Говорилъ третій:

— Братецъ, ѣлъ я *haluvâ* и ѣда пахла *urd*'омъ (Dolichos pilosus)!

Позвали повара и спрашиваютъ его:

Ты въ чемъ пекъ haluvâ?

Тотъ отвѣчаетъ:

— Mahârâjâ! въ маслѣ пекъ.

— Говори правду!

— Mahârâjâ! я правду говорю!

---

[1]) *Haluvâ* названія кушанья, въ которой входитъ между прочимъ, мука, сахаръ, масло и т. п.

— Такъ отчего-же haluvâ пахнетъ *urd*'омъ (Dolichos pilosus)?

Пошелъ поваръ къ купцу и спрашиваетъ:

— Братецъ! какая то мука?

А тотъ отвѣчаетъ:

— Mahârâjâ, отъ муки *urd*'омъ (Dolichos pilosus) пахнетъ. Ходилъ я, mahârâjâ, на мельницу молоть ее, а въ той мельницѣ былъ *urd* (Dolichos pilosus) насыпанъ. Шесть, семь разъ я вытиралъ, и все таки въ мельницѣ пахло *urd*'омъ!

Пришелъ поваръ назадъ, къ царскимъ слугамъ, и говоритъ:

— Mahârâjâ! справедлива его рѣчь!

Заговорилъ четвертый:

— Братцы! ѣлъ я мясо, но отъ мяса человѣческимъ мясомъ пахло!

Позвали мясника [1]) и спрашиваютъ его:

— Братецъ! отчего козлиное мясо пахнетъ человѣческимъ?

Отвѣчаетъ тотъ:

— Въ дѣтствѣ у этого козленка мать померла. Жена моя половину своего молока давала козленку, а половину своему ребенку. Поэтому и пахнетъ отъ козлинаго мяса человѣческимъ!

— И этотъ справедливъ! сказали царскіе слуги. Пошли къ царю и донесли:

— Изъ четырехъ четверо очень справедливы!

— Позвать ихъ сюда! приказалъ царь слугамъ. Пошли слуги и привели къ царю четырехъ человѣкъ. Посмотрѣлъ на нихъ царь и сказалъ:

— Очень красивы эти малые! Хорошо было бы женить ихъ на дочеряхъ!

Вотъ отдалъ царь приказъ слугамъ:

— Вымойте ихъ!

Отдалъ царь этимъ четыремъ человѣкамъ четырехъ своихъ дочерей. Сыгралъ свадьбу.

---

[1]) Vocaḍ мясникъ (ḍ здѣсь произносится какъ *l*).

II.

Заболѣлъ у царя родственникъ и чрезъ мѣсяцъ померъ. Въ этомъ городѣ, кто на кладбище ходилъ мертваго сожигать, тотъ домой никогда не возвращался.

Говорилъ царь своимъ совѣтникамъ:

— Ступайте, сожгите его!

Совѣтники завидовали царскимъ зятьямъ и сказали царю:

— Завтра или послѣзавтра отдашь ты свое царство зятьямъ. А дѣла мы дѣлаемъ. Посылай своихъ зятьевъ! И сказалъ царь зятьямъ:

— Ступайте, сожгите его!

Рѣшили четыре брата:

— Спѣшите, братцы! что будетъ, то увидимъ!

Взяли они родственника, положили его на носилки и понесли на кладбище. Пришли туда и говорятъ между собою:

— Братцы, въ ночи четыре pahar, [1]) а насъ четыре брата. Одинъ будетъ стеречь, а трое будутъ спать!

Настала очередь старшаго брата. Сталъ онъ ходить и увидалъ въ одномъ мѣстѣ свѣтъ. Взялъ мертвеца и пошелъ туда. Смотритъ, и что-же тамъ?

Привелъ Ракшасъ одну женщину; такъ-сякъ загородилъ ее. Съ большимъ трудомъ нашелъ молодецъ дорогу туда. А Ракшасъ ушелъ за дровами. Взошелъ молодецъ за ограду и спрашиваетъ женщину:

— Ты зачѣмъ сюда пришла?

А женщина отвѣчаетъ:

— Я царская дочь; спала я въ своей комнатѣ; пришелъ онъ и увелъ меня. Завязалъ мнѣ лицо, да и говоритъ: я тебя съѣмъ, оставайся здѣсь!

Сказалъ ей молодецъ:

— Придетъ сюда Ракшасъ, разведетъ огонь и поставитъ на

---

[1]) *Pahar* у Bate, s. v., a division of time, consisting of eight gharees, being an eight part of a day, i. e. three hours... Strictly speaking the *pahar* is the fourth part of a natural day or night, and consequently varies in length from six to nine gharees according to the latitude and the season of the year...

огонь сковороду съ масломъ: «Пляши»! скажетъ онъ тебѣ. А ты ему отвѣтъ: «Bâbâ-ji! (батюшка!) не умѣю я плясать! Станетъ онъ тебя учить плясать и, какъ начнетъ кружиться около сковороды, ты его толкни, упадетъ онъ на сковороду съ масломъ.

Ушелъ молодецъ до прихода колдуна [1]) и спрятался въ одномъ мѣстѣ. Пришелъ колдунъ и говоритъ:

— Дочка, походи кругомъ сковороды!

Она отвѣчаетъ:

— Я не умѣю!

Сталъ колдунъ ходить кругомъ, она его толкнула на сковороду. Тутъ вышелъ молодецъ, отрѣзалъ колдуну косы и сжегъ его. А косы оставилъ у себя.

Пошла домой царевна, а молодецъ вернулся на кладбище.

— Братцы! кому любезна вторая очередь? спрашиваетъ онъ.

Всталъ второй братъ. Привязалъ себѣ на спину мертвеца и говоритъ:

— О! Hârâяна, исполнилась очередь старшаго брата! Какъ-то ночь пройдетъ!

Увидалъ онъ свѣтъ и пошелъ въ ту сторону. Пришелъ туда, смотритъ—а тамъ одинъ Ракшасъ. Какъ заиграетъ онъ на свирѣли, приходитъ къ нему царица изъ міра Индры [2]) и наслаждается онъ съ нею. Какъ заиграетъ онъ во второй разъ, падаютъ къ нему съ неба плоды и сласти, и поѣдаетъ онъ ихъ. Заиграетъ въ третій разъ, съ неба летитъ корзина съ питьемъ. Заиграетъ въ четвертый разъ, и все уходитъ на небо.

Подошелъ молодецъ и схватилъ Ракшаса за голову.

— Дай мнѣ обѣщаніе! говоритъ онъ ему.

— Обѣщаюсь! отвѣчаетъ Ракшасъ.

— Оживи моего мертвеца, и подари мнѣ свирѣль!

Далъ ему Ракшасъ черный и бѣлый хвостъ [3]), и сказалъ:

---

[1]) *Jogî* собств. подвижникъ, обладающій сверхестественными способностями; онъ же и колдунъ. Ракшасъ—демонъ. Въ сказкѣ одно и то же лице называется колдуномъ и демономъ.

[2]) *Индра*, древній богъ индійцевъ. Народъ помнитъ это имя, хотя теперь Индрѣ не молятся, и нѣтъ храмовъ Индры.

[3]) Camvar у Bate, s. v., a kind of flapper for driving away flies.

— Помашешь бѣлымъ, онъ оживетъ; чернымъ—онъ умретъ!

Далъ ему Ракшасъ свирѣль и сказалъ:

— Коль случится у тебя несчастіе, поиграй на ней; я предстану предъ тобою. Ежеминутно не играй!

Пошелъ молодецъ назадъ на кладбище.

— Братцы! Кому очередь мила? спрашиваетъ онъ.

Всталъ третій братъ и говоритъ:

— О! Hâpâяна! Двѣ стражи ночи (paĥar) два брата какъ провели?

Навязалъ на спину мертвеца и пошелъ. Видитъ въ одномъ мѣстѣ огонекъ и пошолъ въ тотъ домъ. А тамъ Пари [1]) изъ міра Индры въ кости играютъ.

— И я поиграю! говоритъ молодецъ.

— И ты поиграй! отвѣчаютъ онѣ.

Сталъ онъ играть и побѣдилъ всѣхъ. Идутъ онѣ въ міръ Индры. А онъ ихъ не пускаетъ. Говорятъ онѣ ему:

— Ты чего отъ насъ желаешь?

— Оживите этого мертвеца! говоритъ онъ имъ.

Дали онѣ ему черный и бѣлый листъ и говорятъ:

— Коль бѣлый листъ на него уронишь, онъ оживетъ, а на живого черный уронишь, онъ помретъ!

Пошелъ онъ оттуда на кладбище и говоритъ:

— Братцы! кому очередь мила?

Всталъ четвертый братъ и привязалъ мертвеца за спину. Пошелъ и увидалъ въ одномъ мѣстѣ Ракшаса, а на деревѣ связанную женщину. Подбѣгаетъ къ ней Ракшасъ; рѣжетъ мясо, да ѣстъ. Были у Ракшаса зубы въ локоть длиною и косы были.

Прыгнулъ на Ракшаса молодецъ и убилъ его ногою. Взялъ себѣ его косы и длинные зубы.

Исполнилась очередь четвертаго. Пошелъ онъ на кладбище, разбудилъ братьевъ. Разсвѣло, вымыли они лица и говорятъ другъ другу:

It is generally made of peacock's feathers, sometimes also of the tail of a species of ox (Bos grunniens) and is waved over the head of any great personage to keep off flies.

[1]) *Parî*, тоже что пэри, у Bate s. v. a fairy.

— Братцы, какова была прошлая ночь?

Первый братъ показываетъ косы; второй и третій оживили мертвеца. Четвертый показываетъ зубы и косы.

Пошли они къ царю; а царь испугался, да побѣжалъ; насилу могли его поймать.

III.

Стали они жить. Трехъ братьевъ царь на охоту посылалъ, а четвертый дома оставался. Придутъ братья домой, да наслаждаются.

Заиграетъ одинъ на свирѣли. Придутъ къ нимъ изъ міра Индры Пари. Веселятся съ ними, наѣдятся небесныхъ плодовъ и сластей.

Однажды говоритъ царь второму брату:

— Ступай и ты на охоту!

Заперъ онъ свирѣль семью замками и пошелъ Отперла ящикъ его жена и заиграла на свирѣли.

Сошлись Пари изъ міра Индры. Отдала имъ жена свирѣль и сказала:

— Randi! чтобы отнынѣ вашихъ лицъ не было видно здѣсь!

Пришелъ мужъ домой; сталъ искать свирѣли и не нашелъ.

Сталъ онъ факиромъ и двѣнадцать лѣтъ былъ имъ. А чрезъ двѣнадцать лѣтъ получилъ назадъ свирѣль и пришелъ домой.

33.

Умный царевичъ.

I.

Былъ одинъ царь и было у него семь сыновъ. Вотъ разъ царь раздумался:

— Какъ женю я старшаго царевича, такъ хорошо будетъ!

Подслушали царевичи его рѣшеніе и говорятъ между собою:

— У какого царя есть семь дочерей, на тѣхъ мы женимся! Иначе не женимся!

Сказали они отцу:

— Батюшка, жени насъ на семи дочеряхъ одного царя!

Удивился царь и говоритъ:

— Гдѣ-же такой царь, у котораго было бы семь дочерей?

Послалъ царь четырехъ человѣкъ въ четыре стороны свѣта и сказалъ имъ:

— Коль найдете такого царя, великую награду дамъ вамъ!

Вотъ разъ ходилъ одинъ брахманъ по западной сторонѣ и увидалъ, какъ въ одномъ озерѣ семь царевенъ купаются. Разсуждали царевны между собою:

— У какого царя есть семь сыновъ, за тѣхъ мы выйдемъ замужъ!

Услыхалъ ихъ рѣчи брахманъ и спрашиваетъ ихъ:

— Вы чьи дочери?

— Мы дочери царя! отвѣчаютъ онѣ.

Сказалъ имъ брахманъ:

— Какъ вы говорите, такъ и сыны моего царя говорятъ. Ради этого и пришелъ я сюда!

— Отлична твоя рѣчь! отвѣчаютъ царевны. Ступай къ нашему отцу: спроси нашъ janmapatra [1]). Сговорись съ нимъ!

— Пришелъ брахманъ, ищетъ онъ невѣстъ сыновьямъ своего царя! Дошелъ такой слухъ до царя. И отдалъ онъ приказъ:

— Позовите его!

Пришелъ брахманъ къ царю. Почтилъ его царь. Привелъ въ свой совѣтъ; посадилъ и своихъ брахмановъ призвалъ. Осмотрѣли они гороскопы и порѣшили, старшему жениться на старшей, младшимъ на младшихъ.

Говоритъ брахманъ:

— Mahârâjâ! Отъ нынѣ на осьмой день придетъ нашъ поѣздъ. Приготовься какъ слѣдуетъ!

Пошолъ брахманъ оттуда домой и сказалъ своему царю:

---

[1]) Janmapatra, Bate s. v. horoscope, nativity, a genealogical table.

— Mahârâjâ! Нашелъ я невѣстъ! Такому-то царю я сказалъ: «отнынѣ на осьмой день приведу поѣздъ!

Одарилъ царь брахмана многимъ добромъ.

На осьмой день вышелъ ихъ поѣздъ на дорогу. Самый младшій сынъ говоритъ отцу:

— Батюшка! Иди ты съ шестью сынами, а я дома останусь на тотъ случай, если придетъ какой-либо нашъ врагъ, да заберетъ все наше царство. Тогда, что станемъ дѣлать?

И сказалъ онъ еще:

— Уходите вы всѣ; но, не останавливайтесь у такого-то озера.

— Хорошо! Не остановимся! сказалъ царь. Оставилъ въ домѣ младшаго сына. Взялъ поѣздъ и пошелъ въ царскій домъ. Пришелъ туда, и шесть сыновъ женилъ на шести царевнахъ, а седьмую выдаютъ за *katârâ* [1]).

Вотъ стала седьмая принцесса плакать:

— Не пойду замужъ! говоритъ она. «Мой супругъ или слѣпъ, или хромъ, или глухъ или безрукъ? Оттого онъ и не пришелъ!

Стали шесть сестеръ утѣшать ее.

— Ты наша милая. Не заботься! Твой мужъ самый красивый! Если же нѣтъ, то шесть дней мы будемъ жить съ мужьями, а на седьмой тебя отдавать!

Такъ онѣ согласились. Съ большимъ трудомъ совершили обрядъ âcal [2]) надъ седьмою царевною съ katârâ.

Съиграли свадьбу. Вышелъ на дорогу поѣздъ. А отецъ жениховъ остался позади. Вотъ остановился поѣздъ у того самаго озера. Стали ѣсть-пить. Въ это время приходитъ отецъ жениховъ. Переполнилось озеро и потонули шесть его сыновъ, семь снохъ и весь поѣздъ.

Говорилъ тутъ царь:

---

[1]) Kaṭârâ 1. The aloe plant. 2. The medicinal plant, Globe thistle (Echinops echinatus Roxb).

[2]) *âcal* окончательный обрядъ при совершеніи брака. Онъ состоитъ въ томъ, что платья жениха и невѣсты связываются.

— Сказалъ мнѣ мой сынъ: у такого то озера не останавливайся! Какъ я ему теперь покажусь? Лучше и мнѣ потонуть!

И какъ уже хотѣлъ прыгнуть въ озеро, топиться, вышелъ оттуда *sidhi* (чудотворецъ) и сказалъ ему:

— Смотри! Не прыгай!

Услыхалъ царь его слова и спрашиваетъ;

— *Yogi*! зачѣмъ ты мнѣ говоришь, не топись?

— Если ты мнѣ обѣщаніе дашь, такъ я вытащу весь твой поѣздъ и отдамъ тебѣ! отвѣчалъ *Yogi*.

Пообѣщался царь:

— Вытаскивай мой поѣздъ и давай!

Стало озеро по прежнему; вышелъ весь поѣздъ.

Сталъ тутъ кухарь обѣдъ готовить, а ѣдоки принялись ѣсть.

Вотъ говоритъ царь чудотворцу:

— Проси чего хочешь!

— Отдай мнѣ, царь, младшаго сына! проситъ тотъ.

Ничего не сказалъ на это царь.

II.

Узналъ младшій сынъ: «Отдалъ меня отецъ чудотворцу!» и сѣлъ на коня.

Увидалъ его царь и упалъ безъ чувствъ. А увидала царевича на конѣ его жена и обрадовалась.

Говорилъ царевичъ:

— Батюшка, ты царствуй, не заботься! Чрезъ шесть мѣсяцевъ отнынѣ, домой вернусь!

Пошелъ онъ къ Yogi. Увидѣла его жена, вскочила съ постели и уцѣпилась за хвостъ коня.

— Ты куда идешь? спрашиваетъ ее царевичъ.

— Куда ты идешь, туда и я! отвѣчаетъ она.

— Ступай домой; чрезъ шесть мѣсяцевъ отнынѣ я назадъ приду!

Не послушалась его царевна. Взялъ онъ ее на коня и поѣхалъ; ѣхалъ, ѣхалъ и доѣхалъ до того озера. Пріѣхалъ туда, ударилъ коня; конь и прыгнулъ въ озеро. И пошелъ онъ оттуда къ Yogi.

Двѣнадцать лѣтъ какъ Yogi изготовилъ ему обѣдъ. Накормилъ его, да и говоритъ:

— Вотъ для чего я звалъ тебя: у одного царя есть дочь; когда она смѣется, въ это время роняетъ рубины, когда плачетъ, въ это время роняетъ перлы. Отецъ изъ жадности не выдаетъ ее замужъ. Ступай и женись на ней!

Вышелъ царевичъ на дорогу изъ озера, а царевну оставилъ съ Yogi.

Шелъ, шелъ и увидалъ; пасетъ пастухъ козъ. Двѣ тысячи козъ у него въ плащѣ. Вырвалъ онъ пребольшое дерево. Корнемъ уперся въ небо, а вѣтви дошли до ада.

Подошелъ къ нему царевичъ и говоритъ:

— Братецъ! великій ты силачъ!

Онъ отвѣчаетъ:

— Mahârâja! Какой я силачъ? Вотъ идетъ человѣкъ жениться на царевнѣ *Hirâ*, такъ тотъ силачъ!

— Я туда иду! говоритъ царевичъ.

— Mahârâja! я съ тобою пойду!

— Отлично! согласился царевичъ.—Пойдемъ!

Пошли оба по дорогѣ и увидали одного человѣка, какъ онъ собственную жену убиваетъ. Пускалъ онъ въ нее стрѣлы: въ глаза, уши, ротъ—не попадалъ, а въ носъ попадалъ. Посмотрѣли на это, и говоритъ царевичъ:

— Братецъ! великій ты силачъ! Въ глаза, уши, ротъ не попадаешь; а въ носъ попадаешь!

Отвѣчаетъ тотъ человѣкъ:

— Какой я силачъ! Вотъ идетъ жениться на царевнѣ *Hirâ* одинъ царь, такъ тотъ великій силачъ!

— Этотъ царь я! говоритъ ему царевичъ.

— И я съ тобою пойду! говоритъ тотъ человѣкъ. Пошли три человѣка. Повстрѣчали они, слѣпца; сидитъ онъ протянулъ руку,

Говоритъ ему царевичъ:

— Ты зачѣмъ протянулъ руку?

— Когда стрѣлы царя Подры падаютъ, такъ я ихъ ловлю! отвѣчаетъ слѣпецъ.

— Братецъ, великій ты силачь!

— Mahârâjâ! Какой я силачъ! Ѣдетъ жениться на царевнѣ *Hirâ* одинъ царь, онъ великій силачъ!

— Этотъ царь я! говоритъ слѣпому царевичъ. А тотъ отвѣчаетъ:

— Постой здѣсь; я съ тобою пойду. Вотъ упадетъ стрѣла, я ее поймаю!

Упала стрѣла; поймалъ ее слѣпецъ, истеръ и бросилъ. Пошли четыре человѣка; въ полночь повстрѣчали плотника. Пошли пять человѣкъ вмѣстѣ. Легли спать, а плотникъ зачалъ свою работу. Построилъ дворецъ съ двадцатью-двумя галлереями и двадцатью-двумя дверями. Взглянулъ на дворецъ царевичъ и говоритъ:

— Другъ, плотникъ! великій ты силачь!

А тотъ говоритъ:

— Mahârâjâ! Какой я силачъ! Идетъ жениться на царевнѣ Hîrâ одинъ царь, тотъ великій силачь!

— Этотъ царь я! говоритъ ему царевичъ.

— Такъ я съ тобою пойду! говоритъ плотникъ.

— Отлично! согласился царевичъ. Пошли. Видятъ они человѣка съ одною ногою; въ одну минуту собираетъ онъ вѣсти изъ четырехъ странъ свѣта.

— Ты куда ѣдешь? спрашиваютъ они его.

Онъ отвѣчалъ:

— Въ одну минуту собираю я вѣсти изъ четырехъ странъ свѣта?

— Великій ты силачъ! говорятъ они ему.

— Какой я силачъ, братцы! Идетъ жениться на царевнѣ Hirâ одинъ царь; тотъ великій силачъ!

— Этотъ царь я! говоритъ царевичъ.

— Пойду и я съ тобою!

— Отлично! согласился царевичъ.

Пошли шесть человѣкъ.

III.

Вотъ приходятъ они къ царевнѣ Hirâ. Увидала она царевича и обрадовалась.

— Накормите хорошенько и напоите этихъ людей! приказываетъ своимъ слугамъ.

Накормили ихъ слуги, и поселились они тамъ. Прошелъ мѣсяцъ.

Однажды отецъ царевны вышелъ въ садъ погулять; увидалъ онъ царевича и остался имъ доволенъ.

Женилъ онъ царевича на дочери. Какъ женился царевичъ и пошелъ къ Yogî въ то озеро.

Увидалъ его Yogî, обрадовался и говоритъ:

— Иди теперь домой!

— Mahârâjâ! Зачѣмъ мнѣ домой идти? говоритъ царевичь.

Уговорилъ его Yogî. Пошелъ царевичъ домой. Подарилъ ему Yogî много богатства и жену отдалъ.

Взялъ царевичь двухъ женъ и пошёлъ домой. Увидалъ его отецъ и очень обрадовался; все царство отдалъ сыну.

34.

Женское поведеніе.

I.

Пошелъ царевичь въ лѣсъ охотиться; по дорогѣ встрѣтилъ человѣка. На головѣ у человѣка была корзина съ глиною.

— Что ты дѣлаешь съ глиною? спросилъ царевичь того человѣка.

— Понесу ее на базаръ, да продамъ! отвѣчалъ тотъ.

— Сколько *пайса* добудешь?

— Двѣ, четыре *анна* добуду!

Вынулъ царевичь золотой и отдалъ тому человѣку и говоритъ.

— Возьми себѣ золотой, а мнѣ глину отдай!

Вылѣпилъ царевичь изъ глины куклу и сказалъ тому человѣку:

— Покажи эту куклу на базарѣ и говори: это женское поведеніе!

Взялъ тотъ куклу, понёсъ ее на базаръ и показываетъ:

— Вотъ женское поведеніе!

Нѣкая дочь точильщика [1]) увидѣла это, да и говоритъ:

— Это не женское поведеніе!

Ударила дѣвка по куклѣ кулакомъ и разбила её. Заплакалъ тотъ человѣкъ и пошелъ къ царевичу.

— Mahârâjâ! говорилъ онъ ему, какая-то дѣвка, дочь точильщика разбила куклу, да сказала: Это не женское поведеніе!

Разсердился царевичь:

— Хорошо! Гдѣ эта дѣвка? Укажи мнѣ ея домъ?

Указалъ тотъ человѣкъ дѣвкинъ домъ царевичу.

Пошелъ царевичь къ своему отцу и говоритъ:

— Жени меня на дочери точильщика. Не то я умру!

— Отлично! согласился отецъ; и позвалъ точильщика въ свой домъ и говоритъ ему:

— Сына хочу женить на твоей дочери!

А тотъ отвѣчаетъ:

— Mahârâjâ! Какъ такое можетъ случиться. Вы царь, а я мечи точу; не можетъ этого случиться!

— Истинно, хочу женить сына на твоей дочери! говоритъ царь.

Пошелъ царскій брахманъ посмотрѣть на дочь точильщика.

Была она очень красива, такъ точно какъ и царевичь.

Сыграли ихъ свадьбу съ великимъ шумомъ.

II.

Послѣ свадьбы выстроилъ царевичь женѣ дворецъ и сдѣлалъ въ этомъ дворцѣ одно только окно. Окружилъ этотъ дворецъ рвомъ, глубиною въ ростъ человѣка и завсегда полнымъ водою. Заперъ тамъ жену; поставилъ воды ей на годъ, и спрашиваетъ ее:

---

[1]) *Tiruvâ*, названіе касты тощильщиковъ.

— Скажи мнѣ, что такое женское поведеніе?

А она отвѣчаетъ:

— Я вѣдь женщина, какъ мнѣ это знать? Коль ты мнѣ не разскажешь, какъ мнѣ тебѣ это сказать?

Заперъ ее тамъ царевичь, а самъ ушелъ.

Разъ эта дѣвка вылѣзла оттуда чрезъ окно; сняла съ себя платье; вытерла тѣло золою и перерядилась факиромъ. Пошла на базаръ и стала тамъ плясать, пѣть, на свирѣли играть. Услыхали это люди; собрались, и всѣмъ понравилось ея пѣніе. Услыхалъ царевичь похвалы факирову пѣнью и игрѣ. Послушалъ онъ факира и остался доволенъ.

Послѣ этого захотѣлось ей мужа; посматривала она въ лѣсъ и увидала тамъ чернаго пастуха. Поманила его изъ окна, онъ къ ней забрался въ домъ. Былъ онъ такъ страшенъ, что кто ни увидитъ его, тотъ испугается.

Ходилъ онъ къ ней каждый день и грѣшилъ съ нею.

III.

Однажды пошелъ царевичь въ лѣсъ охотиться. Захотѣлось ему пить. Поискалъ онъ воды и не нашелъ. Взобрался онъ на дерево и что-же увидалъ съ дерева? Увидалъ, какъ дымъ поднимается изъ Matha. Пошелъ онъ туда и что-же видитъ? Сидитъ тамъ факиръ и разложилъ вареный рисъ на трехъ тарелочкахъ. Очень удивился царевичь и говоритъ самъ себѣ:

— Вижу я одного факира, а разставилъ онъ три тарелочки передъ собой?

Что же сталъ факиръ дѣлать? Вынулъ онъ изъ косъ коробочку, открылъ ее, и вышли оттуда двѣ женщины, великія красавицы; далъ факиръ каждой по тарелочкѣ, а съ одной тарелки самъ ѣлъ. Поѣли и послѣ того стали наслаждаться.

Все это царевичь видѣлъ спрятавшись. Насладился факиръ и послѣ того колдовствомъ заперъ тѣхъ женщинъ въ коробочку, а коробочку спряталъ себѣ въ косы.

Подошелъ царевичь къ факиру и говоритъ ему:

*

— Bâbâ ji! (Батюшка!) Дай мнѣ немного воды испить!
Далъ ему факиръ воды испить. Напился царевичь.
Спрашиваетъ его факиръ:

— Милый! ты кто? Откуда и куда идешь?

Отвѣчалъ царевичь:

— Mahârâjâ! Я царскій сынъ; пошелъ на охоту и захотѣлось мнѣ пить. Пришелъ я къ тебѣ воды напиться!

— Хорошо, милый! говоритъ факиръ, а теперь чего желаешь?

— Mahârâjâ! отвѣчаетъ царевичь, теперь мнѣ хочется, чтобы ты хоть разъ ко мнѣ пришелъ и поѣлъ-бы въ моемъ домѣ!

— Отлично! согласился факиръ.

Вотъ пошелъ царевичь оттуда. Пошелъ туда, гдѣ заперта была дочь точильщика. Пришелъ туда, да и говоритъ ей:

— Наготовь всякой ѣды и поставь четыре тарелки!

Наготовила она всякой ѣды. Въ тотъ день пришелъ къ ней утромъ пастухъ. Завернула она его въ плетенку и поставила къ стѣнѣ.

Пришелъ царевичь и факира съ собою привелъ. Вотъ поставилъ царевичь передъ факиромъ три тарелки.

Удивился сильно факиръ и говоритъ:

— Милый! ты зачѣмъ передо мною поставилъ три тарелки? Кто станетъ ѣсть съ нихъ?

Отвѣчалъ царевичь:

— Bâbâ-ji! (батюшка!) Кто нибудь да поѣстъ?

Думаетъ факиръ:

— Навѣрное онъ узналъ мой обычай!

Вынулъ онъ изъ косъ двухъ женъ. И позналъ колдовствомъ о спрятанномъ пастухѣ. Говоритъ факиръ опять царевичу:

— На одну тарелку положи мнѣ иной ѣды!

Положилъ царевичь на одну тарелку иной ѣды. Вотъ говоритъ опять факиръ, (обращаясь къ пастуху:)

— Иди, малый! Выходи и ты! Иди!

Вышелъ черный пастухъ и поѣлъ вмѣстѣ съ факиромъ.

Думаетъ жена:

— Теперь мужъ навѣрное меня убьетъ!

А царевичь смотритъ на пастуха, да изумляется:

— Откуда этотъ пришелъ?

Поѣлъ факиръ и ушелъ. Прогналъ царевичь пастуха; вынулъ мечь и говоритъ женѣ:

— Скажешь мнѣ теперь, что такое женское поведеніе? А она опять отвѣчаетъ:

— Вѣдь я женщина! Ты меня сюда заперъ! Откуда мнѣ знать, что такое женское поведеніе!

IV.

Поставилъ туда царевичь еще на годъ ѣды и заперъ жену. А самъ ушелъ.

Вылѣзла жена опять чрезъ окно. Нарядилась факиромъ. Стала пѣть и играть. Долетѣла разъ музыка до Индры. Пѣла она на базарѣ, и царевичь ее слушалъ. Вотъ спускается съ неба, отъ Индры dolâ (носилки) за факиромъ.

Говоритъ факиръ (т. е. жена) мужу:

— Иди и ты!

Отвѣчаетъ царевичь:

— Bâbâ-ji! (батюшка!) Коль вы прикажите, такъ и я пойду.

Она ему на это:

— Не называй меня bâbâ-ji (батюшкой), а называй Yâr-vâji (другъ почтенный)!

Пошли оба на небо. Пришли туда. Каждый живетъ въ своемъ дворцѣ. Днемъ жена факиромъ, а ночью пэри переряжалась. Каждый день пѣла и плясала передъ царемъ Индрою.

Вотъ разъ говорятъ слуги царя Индры царевичу:

— Другъ! Здѣсь, что ни день, то пляска! Ты отчего же не ходишь посмотрѣть?

Отвѣчалъ царевичь:

— Другъ! я здѣсь новый человѣкъ. Не зналъ я, что здѣсь посмотрѣть. Не зналъ, гдѣ здѣсь пляска!

Вотъ говоритъ одинъ человѣкъ:

— Хорошо, другъ! Я сегодня приду къ тебѣ и поведу тебя!

Ночью пришелъ другъ, позвалъ его и повелъ. Стала плясать

жена. Въ этотъ день царь Индра посмотрѣлъ на ея пляску и остался очень доволенъ:

— Проси, чего хочешь! сказалъ онъ плясуньѣ.

— Mahârâjâ! отвѣчала она, подари мнѣ тотъ брильантовый перстень, что у тебя на рукѣ!

Царь далъ ей въ награду тотъ перстень. Заплясала она и во время пляски отдала перстень царевичу. Обрадовался онъ, а люди удивляются:

— Зачѣмъ она ему отдала перстень?

На другой день была опять пляска. Пошелъ царевичь опять туда. Посмотрѣлъ царь Индра на пляску и остался очень доволенъ:

— Проси, чего хочешь! говоритъ плясуньѣ.

Mahârâjâ! Подари мнѣ то ожерелье, что у тебя на шеѣ! проситъ пэри.

Подарилъ ей царь Индра ожерелье, а она отдала и это царевичу, своему мужу. Взялъ царевичъ ожерелье и былъ очень доволенъ. Пошелъ въ свой дворецъ.

Поплясала жена и пришла тоже туда, перерядившись факиромъ. Говоритъ факиръ (т. е. жена) царевичу, своему мужу:

— Теперь пойдемъ на землю!

— Да! Yâr-vâji, (другъ почтенный!) нужно идти теперь на землю! отвѣчалъ царевичь.

Сѣли оба въ dolâ (носилки) и спустились на землю.

V.

Вотъ истекъ годъ. Перерядилась жена женщиною и пошла къ себѣ. Приходитъ туда-же царевичь:

— Теперь ты мнѣ скажи, что такое женское поведеніе! говоритъ онъ женѣ. Не то я тебя зарѣжу!

— Вѣдь я женщина! отвѣчаетъ она, ты меня сюда заперъ!

А онъ говоритъ:

— Нѣтъ, я тебя непремѣнно зарѣжу!

— Зарѣжетъ онъ меня теперь! подумала жена, да и гово-

ритъ: — Не ходилъ ли ты съ факиромъ къ царю Индрѣ? Не смотрѣлъ ли ты тамъ на пляску пэри? Не подарила ли тебѣ пэри во время пляски тотъ перстень, что ей царь Индра въ награду далъ? Не подарила ли она тебѣ, во время пляски то ожерелье, что ей царь Индра въ награду далъ?

Изумился царевичъ и говоритъ:

— Ты какъ все это узнала?

— Да я сама все это сдѣлала! отвѣчаетъ жена.

Схватился царевичь за уши (т. е. удивился и смирился). Говорила жена:

— Таково то женское поведеніе! А ты изъ глины куклу сдѣлалъ, да и говоришь: вотъ женское поведеніе!

Повелъ ее царевичь къ себѣ въ домъ и послѣ того слушался ея приказаній.

35.

Игрокъ.

Былъ одинъ брâхманъ; былъ онъ сильный игрокъ. Пошёлъ онъ однажды къ царю.

— Брâхманъ! ты чего желаешь? Зачѣмъ пришелъ? спрашиваетъ его царь.

— Я пришелъ съ тобою поиграть! говоритъ брâхманъ.

— Хорошо! садись! отвѣчаетъ царь.

Сѣлъ брâхманъ.

— Въ какую игру станешь играть? спрашиваетъ его царь.

— Mahârâjâ! Поиграемъ въ кости!

Приказалъ царь слугамъ принести кости. Принесли слуги кости. Стали они играть. Выложилъ сначала царь сто-двадцать рупи. Проигралъ ихъ, а брâхманъ выигралъ. Выложилъ царь въ другой разъ тысячу рупи. Выигралъ и это брâхманъ. Выложилъ царь полъ-лака рупи (т. е. пятьдесятъ тысячь). Выигралъ и это брâхманъ.

Говорилъ тутъ царь:

— Брâхманъ! не жадничай много. Этого хватитъ тебѣ на много лѣтъ. Уходи теперь!

— Пришёлъ я выиграть у тебя все царство! А ты теперь испугался! говоритъ брâхманъ. Разсердился царь и съ разу выложилъ два лака рупій.

— Бросай кости! говоритъ брâхману.

Бросилъ брâхманъ кости и проигралъ. Не было у него столько денегъ.

Приноси, откуда хочешь! говоритъ ему царь.

— Закладываю жизнь! отвѣчаетъ брâхманъ; бросай кости! Ставлю душу!

Бросилъ царь кости и выигралъ. Ахнулъ брâхманъ и души лишился.

36.

Воръ.

У одного человѣка пропалъ мѣшокъ съ рупи. Пошёлъ онъ къ судьѣ. Созвалъ судья его домашнихъ; далъ каждому по палкѣ и говоритъ:

— Кто воръ, у того палка завтра на палецъ выростетъ!

Пошли всѣ домашніе назадъ домой. И тутъ между ними, кто деньги укралъ, сильно испугался. Взялъ да обрѣзалъ свою палку на палецъ.

На другой день судья опять позвалъ ихъ; осмотрѣлъ палки; схватилъ вора и наказалъ его.

37.

Три занятія.

Нѣкій царь позвалъ трехъ человѣкъ и спросилъ ихъ:

— Вы чѣмъ занимаетесь?

Первый сказалъ:

— Мое дѣло красть. И много я краду!

Второй говоритъ:

— Мое дѣло вино пить. И много вина я пью!

Третій сказалъ:

— А я игрокъ! И много играю!

Говорилъ онъ опять царю:

— Mahârâjâ! Если ты поставишь твое царство, такъ я стану съ тобою играть!

Отпустилъ царь вора и пьяницу, а игроку голову отрѣзалъ.

38.

Конь въ домѣ, а цѣна по дорогѣ.

Понадобилась одному человѣку какая-то вещь. Пошёлъ онъ за нею и повстрѣчалъ по дорогѣ путника.

— Эта вещь у меня въ домѣ есть, говоритъ путникъ; коль ты мнѣ свою цѣну скажешь, такъ я тебѣ её покажу!

А человѣкъ тотъ отвѣчаетъ:

— Покажи сначала, потомъ я цѣну скажу!

— Коль скажешь цѣну, такъ и вещь покажу! говоритъ опять путникъ. А тотъ человѣкъ отвѣчаетъ:

— У тебя такая пословица: конь въ домѣ, а цѣна на дорогѣ!

39.

Писецъ.

Нѣкій человѣкъ пошелъ разъ къ писцу и говоритъ ему:

— Будь добръ, напиши мнѣ письмо!

— Не могу! отвѣчаетъ тотъ, нога у меня болитъ!

— Я тебя никуда не посылаю, зачѣмъ-же ты мнѣ такъ говоришь?

— Это то правда! Да тотъ, кому ты письмо хочешь писать, онъ за мною пришлетъ прочесть письмо. Моего писанія другому не разобрать!

40.

Шесть хлѣбовъ.

Нѣкій человѣкъ ходилъ ежедневно на базаръ и покупалъ тамъ шесть хлѣбовъ.

Встрѣтилъ разъ онъ друга, тотъ его и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ ты покупаешь шесть хлѣбовъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Одинъ я самъ ѣмъ; одинъ бросаю; два въ займы даю; двумя долгъ плачу!

— Не понимаю! говоритъ другъ. Скажи пояснѣе, чтобы я тебя понялъ!

— Одинъ самъ съѣмъ; одинъ тещѣ дамъ; два хлѣба дѣтямъ два отцу съ матерью!

41.

Хитрый судья.

Два человѣка отдали нѣкой старухѣ свое добро, на сохраненіе.

— Когда оба вернемся, тогда и добро возьмемъ! говорили они ей.

Прошло нѣсколько дней; приходитъ одинъ изъ нихъ и говоритъ старухѣ:

Померъ мой товарищь. Отдавай мнѣ наше добро! Отдала ему старуха все добро. Чрезъ нѣсколько дней приходитъ другой товарищь и говоритъ старухѣ:

— Отдавай мнѣ мое добро!

Отвѣчала ему старуха:

— Приходилъ твой товарищь; сказалъ онъ мнѣ: померъ мой товарищь; отдавай мнѣ, мое добро! Много я ему отказывала. Онъ меня не послушалъ. Вотъ и отдала я ему ваше добро!

Повелъ тотъ человѣкъ старуху къ судьѣ.

— Разрѣши мое дѣло! говорилъ онъ судьѣ.

Говорилъ судья:

— Очень бѣдна эта старуха и не кажется мнѣ воровкою. Спросилъ судья опять того человѣка:

— Вы какъ съ нею условливались?

— Мы говорили ей, когда оба вернемся, тогда и добро возьмемъ!

Такъ позови товарища, и вмѣстѣ берите свое добро! А одинъ какъ-же ты хочешь брать порѣшилъ судья.

Застыдился тотъ человѣкъ и пошёлъ домой.

42.

Бѣдный брâхманъ и клады.

I.

Былъ бѣдный брâхманъ; питался онъ тѣмъ, что выпроситъ въ трехъ, четырехъ деревняхъ. Однажды случилось такъ: вышелъ онъ попросить милостыни; походилъ по тремъ, четыремъ деревнямъ и никакой ѣды не нашелъ. Пошелъ онъ къ дому старосты. Старосты не было дома, а старостиха позволила ему постоять въ домѣ.

Вернулся домой староста; прибилъ брâхмана башмаками и выгналъ его.

Пошелъ оттуда брâхманъ и увидалъ на кладбищѣ огонекъ. Пошелъ онъ на кладбище, и что-же увидалъ? Нѣкій *Piçac* (демонъ) разложилъ костеръ. Подошелъ туда брâхманъ и сѣлъ погрѣться.

Посмотрѣлъ на него *Piçac* (демонъ); сперва обрадовался а потомъ заплакалъ. И брâхманъ сталъ тоже дѣлать.

Спрашиваетъ Piçac брâхмана:

— Ты отчего сперва обрадовался, а потомъ сталъ плакать?

А брâхманъ о томъ-же самомъ спрашиваетъ демона.

— Обрадовался я сперва оттого, что былъ я одинъ, да другой пришелъ ко мнѣ! Заплакалъ я потомъ оттого, что придутъ сегодня сюда изъ четырехъ странъ четыре ракшаса. Съѣдятъ они или меня, или тебя! такъ отвѣчалъ Piçac (демонъ).

— Нѣтъ надежды на жизнь? спросилъ брâхманъ демона.

— Ступай на это дерево! говоритъ Piçac (демонъ) ему.

Взлѣзъ брâхманъ на дерево. Вотъ приходятъ съ четырехъ странъ четыре ракшаса. Съѣли они того демона и стали между собою разговаривать:

— Друзья! разскажите что-нибудь!

Говоритъ первый изъ нихъ:

— Братцы! подъ этимъ деревомъ есть двѣ чаши серебра. Кто выроетъ это добро, тому на всю жизнь хватитъ ѣды!

Говорилъ второй ракшасъ:

— На этомъ деревѣ есть птица. Если ея изверженіями покормить семидесятилѣтняго, то станетъ онъ десятилѣтнимъ на видъ!

Говорилъ третій ракшасъ:

— Есть тутъ яма, и въ ямѣ той мышь; на шеѣ у ней дорогое ожерелье. Рано утромъ выходитъ та мышь на солнце посмотрѣть. Если кто броситъ въ мышь горсть глины, тому достанется ожерелье.

Четвертый ракшасъ сказалъ:

— Если какой-нибудь человѣкъ выстроитъ на такой-то горѣ домъ, то найдетъ въ своемъ домѣ золотые камни!

Поговорили такъ, да и разошлись по четыремъ странамъ свѣта.

Слѣзъ съ дерева брâхманъ. Вырылъ сперва серебро и поставилъ его къ одному мѣсту. Набралъ птичьихъ изверженій. А какъ солнце взошло, снялъ съ мыши ожерелье.

II.

Былъ въ томъ городѣ царь прокаженнымъ. Много врачей его лечило, и ничье лекарство его не вылечивало.

Вотъ пришелъ брâхманъ къ царскимъ воротамъ и спрашиваетъ слугъ:

— Mahârâjâ! Каковъ нынѣ царь?

Прибили его слуги, полу-живымъ сдѣлали. Такъ онъ и не попалъ къ царю. Вотъ говоритъ ему одинъ слуга:

— Братецъ! вылечи сперва себя, а потомъ и царя станешь лечить!

— Mahârâjâ! Ничего я не знаю! говоритъ брâхманъ.

Добился брâхманъ, пустили его къ царю. Какъ привели его къ царю, такъ отдалъ онъ приказъ:

— Только я да царь останемся внутри! Черезъ семь дней вылечу я царя!

Вылечилъ брâхманъ царя. Говорилъ ему царь:

— Дамъ тебѣ, чего ни попросишь!

— Mahârâjâ! Подари мнѣ такую-то гору! попросилъ брâхманъ.

— Ахъ! безумный! Зачѣмъ просишъ гору! Проси чего-нибудь другого! говоритъ царь.

А брâхманъ опятъ проситъ:

— Mahârâjâ! Если ты мнѣ эту гору подаришь, поставлю я тамъ себѣ хижинку жить!

Подарилъ ему царь гору, да немного золотыхъ. Пошелъ домой брâхманъ. Выстроилъ онъ себѣ домъ на той горѣ и сталъ очень богатъ.

III.

Вотъ разъ тотъ староста, что билъ брâхмана башмаками, пришелъ къ его дому и проситъ:

— Дай мнѣ чего-нибудь поѣсть!

Сказалъ брâхманъ женѣ:

— Насыпь въ тарелку перловъ и дай ему!

Жена такъ и сдѣлала; не взялъ староста тарелки.

Пришла жена въ домъ, и говоритъ мужу:

— Не беретъ онъ тарелки!

— Ты перловъ мало насыпала! Насыпь верхомъ!

Взялъ брâхманъ тарелку самъ въ руки и понесъ къ старостѣ. Не беретъ староста тарелки.

— Ты чего желаешь? спрашиваетъ его брâхманъ.

— Сдѣлай меня такимъ-же богачемъ, какимъ самъ сдѣлался! проситъ староста:

Говоритъ на это брâхманъ:

— Братецъ! въ тотъ день, какъ ты меня башмаками прибилъ, увидалъ я огонекъ на кладбищѣ и пошелъ туда. То-то и то-то случилось тамъ съ мною!

Разсказалъ ему всѐ брâхманъ. Пошелъ староста на кладбище. Что съ брâхманомъ было, то и съ нимъ случилось.

— Нѣтъ ни какой надежды на жизнь? спрашиваетъ староста Piçâc'a (демона).

Напугалъ его Piçâc (демонъ), да и говоритъ:

— Полѣзай на это дерево!

Влѣзъ староста на дерево; сошлись съ четырехъ сторонъ четыре ракшаса и стали между собою говорить:

— Друзья! разскажите что-нибудь!

Говорилъ первый изъ нихъ:

— Братцы! что разсказывать! Говорилъ я разъ, что подъ этимъ деревомъ есть богатство. Кто-то взялъ его и ушелъ въ свой домъ!

Говорилъ второй изъ нихъ:

— Братцы! что разсказывать! говорилъ я разъ, что есть здѣсь мышь и у ней на шеѣ дорогое ожерелье. Стащилъ какой-то человѣкъ ожерелье у мыши. Плачетъ мышь теперь!

Говорилъ третій изъ нихъ:

— Ахъ! братцы! что разсказывать! Говорилъ я разъ, что есть на этомъ деревѣ нѣкая птица...

Взглянули они тутъ на дерево и увидали старосту. Увидали его, да и говорятъ:

— Ты тотъ человѣкъ, что наши вещи покралъ!

Взяли четыре ракшаса старосту, съѣли его, да и разошлись по своимъ странамъ.

43.

Мачиха.

I.

У одного царя было семь царицъ. Вотъ разъ случилось такое: пошелъ царь на охоту; пошелъ на охоту, да по дорогѣ повстрѣчалъ антилопу. Погнался онъ за нею и никакъ не могъ догнать.

Перемѣнилась антилопа въ козу, а потомъ сдѣлалась прекрасною женщиною; царь за нею, и говоритъ:

— Ты кто?

— Я царевна! отвѣчаетъ она.

— Ты зачѣмъ сюда пришла?

— Мой мужъ оставилъ меня въ лѣсу!

Говоритъ ей опять царь:

— Пойдемъ со мною!

— Пойдемъ, mahârâjâ! отвѣчаетъ она.

Привелъ ее царь въ свой дворецъ. И были ея дѣла такія:

Убила она, разъ ночью, коня и вымазала его кровью губы семи царицъ. На другой день говоритъ она царю:

— Mahârâjâ! Посмотри на своихъ царицъ: что ни день убиваютъ они коней и ѣдятъ ихъ!

Разсердился царь и отдалъ приказъ:

— Въ ровъ бросить всѣхъ семерыхъ!

Исполнили царскій приказъ: бросили въ ровъ семь царицъ. Голодали онѣ тамъ. И родился у первой царицы сынъ; онѣ его съѣли; но седьмая царица не ѣла. Дѣлали онѣ такъ: у шести царицъ были сыновья и всѣхъ они поѣли.

Родился сынъ у седьмой царицы. Говорятъ другія:

— Съѣдимъ и этого!

Да мать не отдала.

II.

Выросъ мальчикъ; вотъ разъ спрашиваетъ онъ мать:

— Матушка, гдѣ мой отецъ?

Отвѣчала царица:

— Твой отецъ поселилъ въ своемъ домѣ Ракшаси, а насъ семь царицъ выгналъ!

Пошелъ разъ мальчикъ во дворецъ, къ отцу.

Ты кто? спрашиваетъ его отецъ.

— Mahârâjâ! отвѣчаетъ онъ, я вашъ сынъ!

Оставилъ его царь во дворцѣ, а давалъ ему ежедневно по два шера [1]) ячменю.

Разъ говоритъ мачиха мужу:

---

[1]) *Ser*, Bate s. v. Incutta Calentha, the factory ser=1 *lb*. 13 or 13.86 drs. Avoirs dupois and the bâzâr ser=2 lb. O or 13.853 drs.

— Болитъ у меня голова!

— Какъ же тебя вылечить? спрашиваетъ ее царь.

А она говоритъ:

— За семью морями находится моя родина; тамъ въ моемъ домѣ находится мой гребень. Если не принесешь его сюда, такъ я не выздоровѣю!

— Кто же туда пойдетъ?

— Этотъ малый пойдетъ! говоритъ мачиха про царскаго сына. Спросилъ царь сына:

— Пойдешь ли ты туда?

— Пойду! отвѣчалъ онъ. Написала ему Ракшаси письмо. И пишетъ она:—это мой врагъ, съѣшьте его тамъ.

Взялъ царевичь письмо и пошёлъ. По дорогѣ повстрѣчалъ его Yogî и спрашиваетъ:

— Ты куда идешь?

Отвѣчалъ царевичь:

— У моей мачихи голова болитъ, иду ей за лекарствомъ!

— Нѣтъ ли съ тобою како-гонибудь письма!

— Да! есть!

— Покажи мнѣ его! проситъ Yogî. Отдалъ царевичь ему письмо; Yogî изорвалъ его и написалъ другое.

Говорилъ ему Yogî:

— Есть тамъ семь чашъ; и въ семи чашахъ заключена жизнь семи человѣкъ. Ступай туда и покажи письмо старухѣ. Поклонись ей; поклонись также тремъ дядямъ и тремъ теткамъ. Какъ отдадутъ тебѣ гребень, ты его возьми и спроси у нихъ: въ этихъ чашахъ что? Какъ скажутъ они тебѣ, ты сперва убей старуху, а потомъ съ-разу возьми въ руки жизнь шести человѣкъ, и изотри её, а жизнь мачихи принеси домой!

III.

Сдѣлалъ царевичь все, какъ ему тотъ сказалъ, и пришелъ домой.

— Что, принесъ! спрашиваетъ его царь.

— Принесъ! отвѣчаетъ царевичь. И говоритъ потомъ:

— Mahârâjâ! Вѣдь она ракшаси; если прикажешь, я ее убью!
— Отлично! согласился царь.
Убилъ мачиху царевичь. Вернулись къ царю семь царицъ.
А сынъ сталъ царевичемъ.

44.

Ракшаси.

Было у одного царя семь сыновъ. Разъ говоритъ имъ отецъ:

— Одинъ изъ васъ пусть будетъ царемъ, а другіе шесть царевичами!

— Или будемъ мы всѣ семь царями, или всѣ семь царевичами! говорятъ царевичи. И пошли они всѣ семеро въ чужую страну.

Пришли они въ одинъ городъ и видятъ, что онъ весь въ развалинахъ. Вошли они въ одинъ дворецъ и нашли тамъ постель. Легли они на постель, и, когда засыпали, всѣмъ семерымъ было мѣсто, а ночью шестерымъ было мѣсто на постелѣ, а седьмому не было.

Бродила въ томъ дворцѣ коза; днемъ она была козою, а ночью становилась Ракшаси. Стала она поѣдать по одному брату. А братья не догадывались; какъ съѣла она перваго, говорятъ они между собою:

— Убѣжалъ нашъ братецъ! Нельзя ему вѣрить!

Съѣла она такимъ образомъ пятерыхъ, осталось только два брата. Стали они говорить другъ другу:

— Всѣ ушли; сегодня и ты, пожалуй, уйдешь?

Взяли да связали себѣ ноги. Ночью сдѣлалась коза Ракшаси и стала ѣсть одного брата. Въ это время другой проснулся и что же видитъ? Ѣстъ Ракшаси человѣка Испугался онъ сильно.

Поѣла Ракшаси шестаго брата и сдѣлалась прекрасною женщиною. Говоритъ она царевичу:

— Ты чего испугался? Я твоя царица, а ты мой царь! Завтра свадьбу съиграемъ!

Прошла ночь, настало утро. Говоритъ она опять царевичу:

— Сегодня же приготовь все для свадьбы. А я пойду купаться! и ушла.

Намѣшалъ царевичь муки въ горшокъ, навязалъ его на палку и пошелъ въ лѣсъ другою дорогою.

Не видалъ онъ, какъ она слѣдомъ туда-же пришла, да и спрашиваетъ:

— Все ли готово?

Царевичь влѣзъ отъ нея на дерево. Сѣла Ракшаси подъ деревомъ, да и плачетъ.

Въ это время какой-то царь вышелъ въ лѣсъ охотиться. Захотѣлось его слугамъ пить и пришли они туда. Увидали, что женщина плачетъ и спрашиваютъ ее:

— Ты кто?

А она отвѣчаетъ:

— Влѣзъ мой мужъ на дерево и бросилъ меня!

— Ты отчего ее не берешь? спрашиваютъ слуги царевича. Онъ говоритъ:

— Возьмите ее! Отдаю ее вамъ и разводный листъ напишу.

Пошли слуги къ своему царю и говорятъ:

— Mahârâjâ! Плачетъ тамъ прекрасная царица, а мужъ ея говоритъ: «возьмите ее, разводный листъ дамъ!»

Заплатилъ царь за нее двѣсти тысячь рупи и увелъ ее домой.

Перебила она въ его домѣ весь скотъ, всѣхъ птицъ и всѣхъ поѣла.

45.

Свое счастье.

I.

У одного царя было семь дочерей. Спросилъ онъ разъ ихъ:

— Дочки! вы чьимъ счастьемъ живете?

Сказали шесть дочерей:

— Батюшка, твоимъ счастьемъ живемъ!

А седьмая говорила:

— Своимъ счастьемъ живу!

Разсердился царь и прогналъ ее:

— Уходи и живи своимъ счастьемъ!

Пошла она въ чужую сторону и повстрѣчала богача на дорогѣ.

— Ты кто? спрашиваетъ онъ ее.

— Я царская дочь! отвѣчаетъ она.

— Зачѣмъ ты въ лѣсъ пришла и куда идешь? спрашиваетъ онъ ее. Разсказала она ему все.

— Теперь ты куда же идешь? говоритъ богачь.

— А теперь я съ тобою пойду!

Посмотрѣлъ богачь на нее, видитъ, что красавица, и взялъ ее съ собою домой. Послѣ этого съигралъ онъ съ нею свадьбу.

II.

По волѣ Нараяны случилось такъ: обѣднѣлъ тотъ царь и обѣднѣли его шесть дочерей. Вспомнилъ тутъ царь:

— Была у меня еще одна дочь. Пойду къ ней въ домъ; можетъ быть, она мнѣ что-либо дастъ.

Пошелъ царь къ дочери въ домъ. Много она его угощала. Вотъ спрашиваетъ она мужа:

— Какъ пойдетъ отецъ, что мнѣ ему дать?

— Что попроситъ, то и дай! говоритъ мужъ.

Пошелъ отецъ домой и подарила она ему золотой жерновъ. Обрадовался онъ и пошелъ домой.

Пришелъ домой, семью свою кормилъ.

— Эта дочь умница! сталъ онъ говорить; съ этимъ и умеръ

46.

Отданный царевичь.

Было у царя семь женъ и не было у него потомства.

Вышелъ царь изъ дому и пошелъ. Повстрѣчалъ онъ по дорогѣ Yogî.

— Царь! Ты куда идешь? спросилъ его Yogî.

— Есть у меня семь царицъ и нѣтъ отъ нихъ потомства! отвѣчалъ царь.

— Хорошо! Будетъ у семи царицъ по сыну! Пусть только изъ семи сыновъ одинъ станетъ моимъ! говоритъ Yogî и далъ онъ царю плодъ.

Взялъ царь тотъ плодъ и въ радости пошелъ домой. Далъ онъ тотъ плодъ шести милымъ царицамъ, а седьмой не далъ. Нашла седьмая царица кожицу того плода и съѣла ее.

Родились отъ семи царицъ семь сыновъ.

Чрезъ двѣнадцать лѣтъ пришелъ къ царю Yogî и говоритъ:

— Отдай мнѣ сына!

Спрашиваетъ царь своихъ женъ:

— Кто изъ васъ семи отдаетъ ему сына?

Ни одна не согласилась. Говоритъ имъ царь:

— Вы отчего не соглашаетесь? Такъ я пойду съ нимъ!

Услыхалъ это сынъ седьмой царицы и говоритъ матери:

— Матушка, лучше я пойду вмѣсто отца!

Отдалъ его царь и положилъ ему ножъ dudhapini. Увелъ Yogî мальчика въ свой домъ. Показалъ ему все свое богатство, а одной комнаты не показалъ.

Вотъ разъ ушелъ Yogî изъ дому за какимъ-то дѣломъ. Отперъ царевичъ ту комнату въ этотъ день. Что же онъ тамъ увидалъ? Полна комната костей. Догадался онъ, что Yogî людоѣдъ. А кости, какъ увидали его, сперва засмѣялись, а потомъ заплакали.

---

[1]) Dudhapini, см. ниже.

— Зачѣмъ вы смѣялись, когда увидали меня? спрашиваетъ царевичь.

— Въ какомъ мы состоянiи, въ такомъ и ты будешь! отвѣчаютъ кости.

Говоритъ царевичь:

— Если есть средство спастись, скажите мнѣ!

Отвѣчаютъ кости:

— Есть средство остаться въ живыхъ. Вотъ принесетъ Yogî дрова и разведетъ большой огонь. Поставитъ онъ на огонь котелъ съ масломъ и скажетъ тебѣ: «ходи кругомъ!» А ты скажи: «не умѣю я ходить кругомъ, впереди учитель, сзади ученикъ!» Станетъ онъ ходить кругомъ, ты и разбей ему голову, и брось его въ котелъ съ масломъ. Вылетятъ изъ него двѣ пчелы: одна красная, одна черная; убей ты красную, а черную брось въ котелъ.

Пришелъ Yogî; развелъ огонь, поставилъ на него котелъ съ масломъ и говоритъ царевичу:

— Чадо! ходи кругомъ!

— Bâbâ-ji (батюшка!) не умѣю я совершать parikrâma (т. е. ходить кругомъ). Впереди учитель, сзади ученикъ! Сталъ Yogî учить его, какъ свершать parikrâma. Убилъ его царевичь своимъ ножемъ и бросилъ его въ котелъ. Убилъ красную пчелу, а черную бросилъ въ котелъ.

II.

Пошелъ онъ въ домъ ъи нашелъ tumaḍî [1]) (выдолбленную тыкву) съ amṛta (безсмертный напитокъ). Окропилъ онъ amṛt'ою кости. Ожили они и стали его войскомъ. Забралъ онъ тамъ все добро и пошелъ домой.

Какъ сталъ онъ подходить къ отцовскому городу, испугался отецъ и говоритъ:

— Какой это царь идетъ отбирать у меня мое царство?

---

[1]) Tumaḍî, Bate s. v. tumaḍî, a hollow gourd (cucurbita lagenaria).

Послалъ царевичь отцу сказать: «Я, твой сынъ, котораго ты отдалъ Yogî!

Посадилъ царь царевича на престолъ. А самъ сталъ по свѣту бродить и шесть другихъ сыновъ въ лѣсъ отослалъ.

47.

Мудрый судъ.

Были два брата бѣдняка. Пошли они бродить по свѣту и нашли на дорогѣ мѣшокъ. Было въ этомъ мѣшкѣ золото, да два рубина.

Исполнилось мое желаніе, пойду я домой! говоритъ младшій братъ. А старшій сказалъ:

— А я пойду, бродить по землѣ!

Подѣлили они между собою свое добро. Старшій братъ отдалъ свою часть младшему и говоритъ:

— Мою часть отдай дома женѣ!

Пришелъ младшій братъ домой и не отдалъ братниной части его женѣ, и рубина не отдалъ.

Чрезъ три года вернулся старшій братъ изъ странствія и не нашелъ рубина у своей жены. Спрашиваетъ онъ брата:

— Гдѣ рубинъ?

— Отдалъ я твоей женѣ! отвѣчаетъ тотъ.

— А она говоритъ, что ты ей не отдавалъ!

Говорилъ младшій братъ:

— Лжетъ она!

Услыхалъ это старшій братъ, да и сталъ женѣ грозить. А она убѣжала къ судьѣ и разсказала ему все дѣло.

Призвалъ судья двухъ братьевъ и говоритъ младшему:

— Говори правду, отдавалъ ли ты братниной женѣ богатство или нѣтъ? Если же отдавалъ, кто твои свидѣтели?

— У меня есть два человѣка свидѣтелей! говоритъ младшій братъ.

— Позови ихъ!

Представилъ младшій братъ двухъ свидѣтелей судьѣ. Далъ имъ немного денегъ, они и солгали. Говоритъ судья старшему брату:

— Отыскивай свой рубинъ у жены!

Какъ услыхала это жена, побѣжала къ царю и разсказала ему все событіе.

— Отчего ты судьѣ всего не разсказала? спрашиваетъ ее царь

— Я къ нему ходила, да онъ не разсудилъ насъ хорошо! говоритъ жена.

Позвалъ царь двухъ братьевъ и двухъ свидѣтелей. Разставилъ ихъ отдѣльно; далъ имъ въ руки по куску воску и приказываетъ:

— Слѣпите форму рубина!

Два брата вылѣпили одинаковую; а оба свидѣтеля по разной.

— Лѣпи и ты! говоритъ царь женѣ.

— Какъ мнѣ лѣпить, когда я рубина не видала!

Услыхалъ царь эти слова и приказалъ повѣсить обоихъ свидѣтелей. Сказалъ онъ имъ:

— Коль вы мнѣ правду скажете, такъ не убью васъ!

Повинились они и говорятъ:

— Лгали мы оба!

Сталъ тогда царь бить младшаго брата. Говоритъ онъ:

— Mahârâjâ! великій грѣхъ я сдѣлалъ! Прости меня!

— Почему ты правды не говорилъ? спрашиваетъ его царь, да бьетъ.

Отдалъ младшій братъ рубинъ старшему.

ЛЕГЕНДЫ.

1.

Бхимсинхъ, Нарасинхъ, Харасинхъ были три силача [1]) въ Чампавати [2]).

Разъ Бхимсинхъ сказалъ матери:—Свершимъ приношеніе [3]) всѣмъ предкамъ; никогда мы этого не дѣлали.

— Сынъ, — отвѣчала мать, — вотъ брâхманъ пришелъ; онъ свершитъ срâддху родителямъ.

— О, мать,—говорилъ Бхимсинхъ,—то Дану-кумера, переодѣтый брâхманомъ!

---

[1]) *Силачъ* здѣсь называется paṇḍâ; у Bate, s. v. дается значеніе: 2, m. a minister or priest who presides at the temple of an idol.

[2]) *Campâvati*, древняя столица Камаона. *Traill*, въ Asiatic Researches, vol. XVI, стр. 149. *Champávat*, in long. 79°28′, lat. 29°19′, and elevated five thousand four hundred and seventy feet above the sea, is situated in the district of *Kali Kamaon*, near the extremity of the province: it was originally a village, the residence of the principal Zemindar of that quarter, but became, between six and seven centuries past, the capital of small independent principality, established by the Zemindar in question, out of the wrecks of the *Kúttar* monarchy destroyed at that period: it subsequently become the entrepot for the trade of Tartary, passing from *Dharmaghat* to *Belhary* in the plains; and to this circumstance must be ascribed its continued existence as a town, and its retention of a bazar, after it had ceased to be the residence of the court.

[3]) Т. е. *çrâddha*, приношеніе мучныхъ клецокъ умершимъ предкамъ. Обрядъ этотъ свершается въ различныя времена и имѣетъ

Не послушалась мать сына. Повелъ Бхимсинхъ Дану-кумеру купаться. Вымылъ его и привелъ домой. Стали три силача у жертвоприношенія. Далъ Дану-кумера имъ въ руки траву куса [1]) и бросилъ на нихъ сѣть. Посмотрѣлъ Дану-кумера на Бхимсинха и испугался; послалъ его за листомъ дерева *bhalya*. Пришелъ оттуда Бхимсинхъ домой и нашелъ весь домъ пустымъ.

Сѣлъ онъ, скрестивъ ноги, и говоритъ:—Поѣмъ, брюхо наполню.—Поѣлъ, вышелъ изъ дому, вымылъ руки и пошелъ по дорогѣ. По дорогѣ встрѣтилъ онъ человѣка.

— Куда идешь?—спрашиваетъ онъ того человѣка.

Говорилъ встрѣченный:—У Дану-кумеры на завтра приносится въ жертву птицѣ *Panûvâ*. Найду и тамъ ѣду, потому иду туда.

Отрѣзалъ ему Бхимсинхъ ноги, руки, сунулъ ихъ въ ротъ и говоритъ:—Вдовій сынъ, ѣшь!

Пошелъ оттуда впередъ и повстрѣчалъ земледѣльца.

— Куда идешь? спрашиваетъ его.

— Назавтра,—отвѣчаетъ тотъ,—у Дану-кумеры приносится въ жертву птица *Panûvâ*. Добуду тамъ потроха, а потому и иду туда!

Отрѣзалъ ему Бхимсинхъ руки, ноги, сунулъ ихъ ему въ ротъ, и говоритъ:—Жри ногу!

Пошелъ оттуда впередъ и повстрѣчалъ барабанщика (dhauli).

— Куда идешь?—спрашиваетъ его.

— У Дану-кумеры жертва птицы *Panûvâ*. И я туда же иду.

нѣсколько видоизмѣненій. Его цѣль замолить грѣхи умершаго и доставить ему высшее блаженство. Родственники, для которыхъ свершается этотъ обрядъ, суть: 1) отецъ, дѣдъ, прадѣдъ; 2) мать, отецъ, дѣдъ матери; 3) мачиха; 4) мать, бабка и пробабка отца; 5) братья отца; 6) братья матери; 7) сестры отца; 8) сестры матери; 9) сестры и братья; 10) тести; 11) семья учителя. *Гая* въ Бихарѣ есть одно изъ св. мѣстъ Индіи, гдѣ çrâddha свершается всего чаще, ибо отъ свершенія обряда въ этомъ мѣстѣ ожидается особая польза умершимъ. Подробное описаніе обряда см. въ Gayâçrâddhâdi paddhatiḥ Calcutta. 1872., а такъ же The Indian Antiquary, vol. V. (part LVI. July, 1876), стр. 200 и сл.

[1]) *Kusa*, Poa cynosuroides. Трава считается священною и употребляется при многихъ жертвоприношеніяхъ.

Отрѣзалъ Бхимсинхъ и тому руки, ноги.

Пошелъ дальше и пришелъ къ саду. Въ саду старуха цвѣты рвала.

— Зачѣмъ цвѣты рвешъ?—спросилъ онъ ее.

— Сегодня,—отвѣчаетъ старуха,—у Дану-кумеры жертва силачей. Для того и рву эти цвѣты. Свѣсивъ, станутъ цвѣты жертвовать; а самый тяжелый цвѣтокъ поставятъ передъ огнемъ, въ мѣдномъ сосудѣ.

Вотъ Бхимсинхъ влѣзъ въ красивый цвѣтокъ.

Принесла старуха цвѣты къ Дану-кумеру; и разложилъ ихъ тотъ на голову Devî.—Припри двери!—раздался голосъ. Приперъ двери Дану-кумера.

— Подай печеное, чрезъ окно!—раздался опять голосъ.

Подалъ печеное чрезъ окно Дану-кумера. И поѣлъ все это Бхимсинхъ, въ цвѣткѣ.

Попросилъ голосъ воды пить, выпилъ тысячу сосудовъ; а двѣ тысячи отдалъ назадъ.

— Отъ нашей Деви рѣка родилась!—говоритъ Дану-кумера своему народу, купайтесь всѣ здѣсь!

И стали всѣ они купаться. А Бхимсинхъ тутъ икнулъ. Испугался Дану-кумера.

Вышелъ Бхимсинхъ изъ цвѣтка; всѣхъ перебилъ и плѣненныхъ братьевъ привелъ назадъ домой.

2.

Въ преисподней родился змѣй Вайсинги [1]); на небѣ родился царь Индра. На землѣ родились черви, муравьи, звѣри, птицы. Въ Калинауликотѣ родились Виринаула, Айтинаула, пара братьевъ. Старшій братъ былъ Виринаула, младшій братъ Айтинаула. Виринаула буйволовъ пасъ, Айтинаула въ домѣ жилъ. Въ Махарикотѣ родились семь братьевъ, Махараловъ. Юнымъ женамъ не давали

---

[1]) Vaisiñgi, тоже что Vâsuki: царь змѣй, поддерживающій вселенную.

они гулять, и не давали пастись жирнымъ козамъ. Народились въ Махарикотѣ таковые чудные силачи. Чудны они были и не были счастливы.

И пошли разъ семь братьевъ въ лѣсъ охотиться. Поохотились и на поля, орошенныя, Айтинаула они зашли. На поляхъ, орошенныхъ, зрѣлъ бѣлый рисъ и бѣло-красный рисъ. И порѣзали семь братьевъ тотъ рисъ, порѣзали и разбросали его.

Приходила на то поле Айтмава, жена Айтинаула; приходила она на поля рисъ полоть. Били ее семь братьевъ и, ограбивъ, съ поля прогнали. Плача шла она оттуда, по лицу себя била.

Какъ пришла домой, говорила она мужу:—Вотъ, ты спишь, лежишь, Айтинаула; а на орошенныя поля семь братьевъ Махарâловъ пришли и посбили они рисъ!

Всталъ Айтинаула и женѣ говорилъ:—Кто у тебя померъ, вдова, что ты меня разбудила? Или твой отецъ померъ, что ты меня разбудила?

— Такой сынъ лучше бы померъ, чѣмъ родился! Вѣдь я женскаго полу, что мнѣ дѣлать?

Услыхалъ это слово и всталъ Айтинаула; потихоньку онъ пошелъ на поля орошенныя.

— Кто вы, воры и плуты? И зачѣмъ посбивали мой бѣлый и бѣло-красный рисъ?—такъ Айтинаула говорилъ.

Подошли къ нему семь братьевъ и сказали:—Что ты ругаешься? Не на нашемъ ли ты полѣ?

— Вашего ли отца это поле?—говорилъ Айтинаула. Били его семь братьевъ и въ песокъ, у канавы, на первомъ полѣ сбросили его. Увели сыны доблестной матери его жену и въ свой домъ пошли.

Виринаула, старшій братъ въ равнинахъ гулялъ, буйволовъ пасъ. И снился ему сонъ и во снѣ говорилъ ему Айтинаула:—Ты спишь, Виринаула, а семь братьевъ Махараловъ бросили твоего младшаго брата, Айтинаула, въ песокъ, на первомъ полѣ, у канавы. И его жену увели семь братьевъ Махараловъ къ себѣ въ домъ. Живешь ты здѣсь безпечно!

Услыхалъ эту вѣсть Виринаула и по ночамъ шелъ въ родной домъ. Прійдя домой, шелъ онъ на свое поле орошенное;

посмотрѣлъ, гдѣ лежалъ братъ зарытымъ. Отрылъ его и сказалъ:

— Родился ты, братъ, въ моемъ домѣ овцею; родился ты, словно щенокъ шакала. Тебѣ бы семь братьевъ перебить и ни одного не оставить! Тебѣ бы одного изъ двухъ перебить! Овцею родился ты въ домѣ моего отца!

И такое слово сказавъ, оставилъ онъ тамъ брата и пошелъ въ Махарикотъ. Шелъ, шелъ и пришелъ туда.

Махараловъ самый старшій братъ въ равнинахъ буйволовъ пасъ, а шесть младшихъ дома оставались. Пришелъ Виринаула и въ воротахъ у нихъ сѣлъ:

— Чиламъ (трубку) и табаку дайте мнѣ!—говорилъ онъ.

— Откуда, изъ какихъ мѣстъ, путникъ?--братья говорили.

— Изъ Науликота я, Айтинаула братъ и зовутъ меня Виринаула. За роднаго брата отмстить я пришелъ.

— Безумный, что ты говоришь? Лучше бы ты вѣдалъ, какъ безъ ссоры отсюда уйти. Не то быть тебѣ убиту!

— Коль отца вы вашего дѣти, такъ выходите по одиночкѣ со мною биться! Коль трусливы и сумасбродны выходите всѣ вмѣстѣ!

По одиночкѣ выходили шесть братьевъ съ нимъ биться и изъ шести онъ убилъ шесть.

Приходилъ изъ равнинъ тогда Махараловъ седьмой братъ. Увидалъ его Виринаула, какъ домой онъ шелъ, по дорогѣ. Поотрѣзалъ онъ шести Махараламъ ноги, уши и какъ увидалъ старшаго брата, говорилъ:

— Шесть твоихъ братьевъ я убилъ; одинъ ты остался. Коль ты сынъ твоего отца, со мною ты побейся! Коль ты шакалъ, или овца, или не отъ мужа родился, такъ убѣгай.

Побросалъ на землю Махаралъ все свое добро и сталъ биться съ нимъ. Семь ночей, семь дней они бились и сталъ Виринаула уставать.--Коль мать и отецъ добро дѣлали, такъ убью я!—говорилъ онъ тогда.

Бились, бились и въ четырнадцатый день, на разсвѣтѣ, Виринаула повергъ на землю врага. Умеръ Махаралъ, семь его женъ увелъ къ себѣ въ домъ Виринаула и своими руками брата младшаго похоронилъ.

3.

I.

Въ Дхоникотѣ родился Було, Багъ Дхони и родились у него два сына: Жайрâжа, Майрâжа.

Нѣтъ переправы чрезъ рѣку Кâли [1]), нѣтъ лѣстницы на небо и нѣтъ силача противъ Жайрожа или Майрожа.

Прошелъ голодъ, ѣду нашелъ; прошли лѣта, встрѣтилъ женщину.

— Отецъ, нашу свадьбу ты сыграй! Какъ зеренъ много у тебя денегъ!

— Нѣтъ вамъ равнаго силача!

Було, Багъ Дхони шелъ искать сыновьямъ невѣсту; обувался и шальвары надѣвалъ. Повязалъ турбанъ, посохъ взялъ, облачился и на дорогу выходилъ.

— Отецъ!—говорили Жайрâжа и Майрâжа,—ступай искать намъ невѣсту! Дочери не высокой семьи не приводи! Изъ такой семьи, что выше нашей приводи невѣсту.

Задумался Було, Багъ Дхони:—Кто же выше моей семьи? И откуда приведу невѣсту высокой семьи? Или идти къ царю и его дочь привести?

Вотъ сѣлъ онъ на коня и пріѣхалъ въ Чампавати.

Сидѣлъ царь Ратаначанда въ Качари и совѣтники кругомъ него. Сходилъ съ коня Було, Багъ Дхони.—Кто ты?—царь спросилъ.

— Изъ Дхоникота я, Було, Багъ Дхони. Слышалъ я, царь, что у тебя дочь, Жайти на выданьи. Дай мнѣ ея *чихна* [2]).

— Хорошо, отвѣчалъ царь,—дамъ.

Къ своимъ совѣтникамъ шелъ царь и говорилъ: — Этотъ кхâсъ [3]) у меня дочернинъ чихна проситъ.

— Дай ему чихна, царь!—отвѣчали совѣтники.—Когда же свадьбу придетъ играть, мы рупи набавимъ.

Отдавалъ царь чихна.—Посмотри на чихна!—говорилъ Було

---

[1]) Кâли, рѣка составляющая восточную границу Камаона.
[2]) Cihna, соб. примѣты, описаніе примѣтъ.
[3]) Khâs, см. приложеніе.

Багъ Дхони брâхману Наротама. Посмотрѣлъ брâхманъ и сказалъ:—Все какъ слѣдуетъ.

Стали они о подаркахъ толковать.—Принеси мнѣ семь ношъ рупи!—говорилъ царь Ратаначанда.

Вынималъ тутъ Було Багъ Дхони мечъ и сказалъ:—Не былъ бы ты царемъ, такъ убилъ бы я тебя. И твоимъ совѣтникамъ повыкололъ бы глаза. Какую вещь ты запросилъ! Но, если бы ты сказалъ: наполни деньгами семь ямъ! и наполнилъ бы я деньгами всѣ твои семь ямъ. Что ты просишь, то дамъ тебѣ.

Чрезъ три дня онъ съ поѣздомъ пріѣзжалъ, съигралъ свадьбу и домой уходя, говорилъ царю:

— Мы кхâсы, и съ нами ты породнился! Что же мнѣ тебѣ дать? Не владыка ли ты всего царства? Но какъ будетъ у тебя трудность, позови въ ту пору насъ, и придемъ мы.

II.

Собрались они на ярмарку, въ Девидхура; говорили два брата:—Поищемъ мыла и одежду вымоемъ.

— Вымой нашу одежду!—говорили два брата женѣ Жайти.—Вымою вашу одежду, да и съ вами пойду!—отвѣчала Жайти.

— Хорошо, мы возьмемъ тебя. Но коль по дорогѣ ты съ кѣмъ нибудь пересмѣхнешься, отдадимъ тебя тому!

— Хорошо!—согласилась Жайти, и пошли всѣ въ Девидхура.

Слышалъ всю ту рѣчь пастухъ Суникатхайта и сказалъ:—Разсмѣшу ее и будетъ она моей женой!

Разсмѣшилъ ее по дорогѣ, и отдали Майрâжа и Жайрâжа жену свою пастуху.

Посылала Жайти письмо отцу и писала:—Твои Жайрâжа и Майрâжа за усмѣшку прогнали меня; ты убей ихъ!

III.

Въ Дхоникотъ посылалъ письмо царь Ратаначанда, и писалъ:—Изъ Тибета соль, изъ равнинъ сахаръ остановили! Принесите мою соль и мой сахаръ. Въ горахъ Гâгаръ [1]) ручнымъ сдѣлайте

[1]) Gâgar, названіе южныхъ отроговъ Гималая въ Камаонѣ.

льва, и въ лѣсу Чулаи убейте птицу *чулаи*[1]). Отрубите голову Султану Патану. Какъ сдѣлаете это дѣло, то будете мнѣ зятьями. И какъ придете, сдѣлавъ это, сыграю вашу свадьбу съ дочерью Бхâги. Лице у Жайти, что пятки у Бхâги.

И пошли Жайрâжа и Майрâжа: изъ Тибета соль, изъ равнинъ сахара доставали, въ горахъ Гâгаръ льва сдѣлали ручнымъ, въ лѣсу Чулаи убили птицу чулаи, отрубили голову Султана Патану и пришли въ Чампавати.

На Пайти женился Жайрâжа, на Бхâги Майрâжа, поженились и пошли домой; въ Дхоникотѣ они царствовали; у Пайти былъ одинъ сынъ Садува, великій силачъ, у Бхâги не было дѣтей.

4.

I.

Въ ручейкахъ, какъ бы въ Гангѣ онъ, Дарпâни борâ купался, мой отецъ!

Какъ боговъ *камни*[2]) чтилъ онъ. Но у сына доблестной матери не было дѣтей. Крѣпки зубы у Дарпâни боры, но сѣды волосы, и горюя о дѣтяхъ, онъ дряхлѣлъ.

Вотъ въ полночь, о герой мой славный, снились ему Гангъ и Бхагиратхи:

— Въ ручейкахъ, какъ бы въ Гангѣ ты купался, какъ боговъ камни чтилъ ты. Но потомства не нашелъ. Въ мой дворецъ ты ни разу не ходилъ, не то былъ бы съ потомствомъ!

И проснулся Дарпâни борâ, доблестный матери сынъ. Вышелъ и царицу Дудакелу сталъ онъ звать. И призвавъ къ себѣ царицу, говорилъ ей:

— Оставайся здѣсь, я ѣду къ Гангу, къ Бхагиратхи рѣкѣ омываться! Наготовила царица тридцать два рода ѣды всякой,

---

[1]) Cûḍâï (чулаи), названіе птицы и *прети*, (т. е. духа мертвеца, привидѣнія). Отъ прикосновенія чулаи человѣкъ падаетъ въ обморокъ. Ее чтутъ, поставивъ камень, такъ же какъ и бхутовъ.

[2]) Dhûmgâ, камень. О почитаніи камней см. Приложеніе.

сѣдлалъ коня конюхъ.—Изготовлена ѣда, мой царь!—говорила царица.

Поѣлъ Дарпâни борâ ѣды всякой и лицо, руки вымылъ. И омывшись, шелъ въ кладовую. Узелъ съ одеждою взялъ оттуда и въ восточномъ углу, во второмъ этажѣ, развязалъ тотъ узелъ.

Надѣвалъ на себя одежду толстую, хорошую, славный мой герой. Обвязалъ голову турбаномъ пестрымъ, перекинулъ черезъ плечи платокъ шелковый, перепоясался шалью златотканною, славный мой герой.

Навѣшалъ на себя пять оружій, и ножъ вострый за поясъ заткнулъ. Выходилъ сынъ матери доблестной и на коня закинулъ ногу. На конѣ верхомъ выѣзжалъ сынъ матери доблестной.

Взялъ съ собою собаку карнаухую и лохматую собаку. Выѣзжалъ на дорогу сынъ матери доблестной, Дарпâна борâ. Ѣхалъ, ѣхалъ и пріѣхалъ въ лѣсъ!

Шесть сыновъ и девять внуковъ Сальвâни борâ къ нему въ домъ прибѣжали, и царицѣ говорили: — Не вернется дѣдъ, ты ступай въ хижину, во дворцѣ мы станемъ жить!

Горько плакала царица Дудакела, славный мой герой! Встала и въ хижину ушла.

II.

Остановился въ лѣсу Дарпâни борâ; въ полночь пришелъ къ нему левъ, лѣса житель.

Въ головахъ у него и въ ногахъ лежали собаки карнаухая и лохматая. Отяжелѣли глаза у Дарпâни борâ и заснулъ онъ.

Карнаухая и лохматая собаки сцѣпились со львомъ. Услыхалъ, какъ проснулся, сынъ матери доблестной, услыхалъ, что грызутся онѣ.

Гордо всталъ сынъ матери доблестной,—Псы мои убиты!—и со львомъ вступился въ бой сынъ матери доблестной.

Семь дней, семь ночей бился сынъ матери доблестной. На осьмой день сѣлъ на льва верхомъ сынъ матери доблестной. Покорилъ льва Дарпâни борâ.

И поѣхалъ на львѣ верхомъ и домой вернулся, о мой славный герой.

Палъ на него взоръ Сальвâни борâ, и своихъ дѣтей предъ себя призывалъ Сальвâни борâ.

Вернулся Дарпâни борâ, по дворцу ходила Дудакела царица. И пришелъ домой Дарпâни борâ, подчинивъ льва.

Тѣмъ плодомъ, что дали ему Гангъ и Бхагиратхи, онъ царицу покормилъ, и забеременѣла царица Дудакела. Вотъ и мѣсяцъ, какъ беременна царица; время шло и пять мѣсяцевъ прошло. Вотъ на пятомъ мѣсяцѣ она беременна; время шло и десять мѣсяцевъ прошло. На одиннадцатомъ мѣсяцѣ родила славная царица.

И какъ родила царица, стало у Дарпâни борâ потомство. Какъ стало у него потомство, заиграла музыка, забили въ барабаны, и знамена поднимали. Привѣтную пѣснь пѣли счастливыя жены сыну доблестной матери. Звѣздочета призывалъ предъ себя Дарпâни борâ и спрашивалъ: Два младенца каковы?—Сильны оба принцы, отвѣчалъ звѣздочетъ, на враговъ побѣдители!

И пошла на пятый день царица Дудакела *очищаться* [1]), ты, мой славный герой! А Жайрâжа и Майрâжа, на пятомъ днѣ отъ рожденія, на охоту отправлялись.

Пришла домой старуха мать, не нашла ребятъ; громко плакала она и рыдала. Жайрâжа и Майрâжа, два брата, поохотившись, пришли въ ту пору домой.

Какъ насталъ одиннадцатый день сынамъ матери доблестной, стали имя имъ нарекать. И нарекли имъ имена: — Жайрâжа, Майрâжа.

III.

Напалъ врагъ на царя Ратаначанда въ Чампавати; снизу, изъ равнинъ, пришли Мугалъ и Патанъ. Одно войско пило, другое нѣтъ, и съ равнинъ подвозъ воды преградили Мугалъ и Патанъ.

---

[1]) Омовеніе на пятый день послѣ родовъ.

Присылали Мугалъ и Патанъ къ царю посла. Подавалъ посолъ письмо, пригласительное, царю Ратаначанда.

Раскрылъ царь письмо и читалъ; читая, онъ желтѣлъ и мраченъ сталъ.

Созвалъ царь Ратаначанда совѣтниковъ и писцовъ. Сталъ онъ думу думать; на войско войско звали и на силачей—силачей.

Разослали пословъ по деревнямъ, изъ деревень людей созывали. И созвали деревни, да силача не нашли.

Вотъ Сальвâни борâ пришелъ царю службу отслужить и говорилъ онъ царю:—Назову тебѣ силача! Въ Пхуари-котѣ у Дарпâни борâ есть два сына! Великіе они силачи, ихъ зови!

Послалъ царь Ратаначанда пригласительное письмо и посла посылалъ.

Какъ пришелъ туда посолъ, во второмъ этажѣ, въ восточномъ углу Жайрâжа и Майрâжа сидѣли и въ кости играли.

Вынималъ посолъ письмо и въ руки Жайрâжѣ отдавалъ.—Изъ какихъ ты мѣстъ и откуда ты идешь? — говорили Жайрâжа и Майрâжа.

Отвѣчалъ посолъ: — Царя Ратаначанда я слуга и пришелъ васъ звать.

— Почему такая милость царская къ намъ?—говорили Жайрâжа и Майрâжа.

Отвѣчалъ посолъ:—Напалъ врагъ на царя Ратаначанда; великое несчастье посѣтило его. Сальвâни борâ, вашъ дядя, наговорилъ о васъ.

Прочли царское письмо и возгордились. Кровью наливались красивые глаза, славный мой герой! Съ плечъ украшенія къ поясу спадали, славный мой герой!

Сыны доблестной матери пять мечей къ поясу подвязывали и на коней садились, славный мой герой, и поѣхали два брата по дорогѣ.

Предъ царемъ Ратаначанда предстали сыны доблестной матери.—Побѣждай, великій царь, такъ говорили. Что прикажешь намъ теперь?

Проговорилъ царь Ратаначанда, славный мой герой!—Мугалъ

и Патанъ въ Камаонъ пришли. Слушайте, слушайте, силачи, васъ я звалъ! Покорите Мугала и Патана. Награжу я васъ.

— Мугалъ и Патанъ вырыли яму въ двадцать два локтя, въ сто *манъ* вѣсомъ камень положили и вбили столбъ въ двадцать четыре локтя.

Говорилъ Жайрâжа, младшій братъ, Майрâжѣ, брату старшему:—Ты садись въ колесницу.

И повелъ онъ войско тучу, славный мой герой! На коня садился сынъ матери доблестной и на дорогу выѣзжалъ. Спустился въ равнины сынъ матери доблестной.

Подъѣзжалъ Жайрâжа къ ямѣ и чрезъ яму въ двадцать два локтя перепрыгнулъ. Перескочилъ чрезъ столбъ въ двадцать четыре локтя. И за двадцать два *коса* бросилъ онъ камень въ сто манъ.

И боролся онъ съ Мугаломъ и Патаномъ. Обоихъ ихъ побилъ, славный мой герой. Все ихъ войско разбилъ. Умеръ врагъ, всѣ равнины покорились. Изъ семи равнинъ навязалъ головъ и домой ихъ принесъ, славный мой герой.

Выѣзжалъ на дорогу Жайрâжа борâ и пріѣхалъ онъ въ Камаонъ, въ Чампавати, славный мой герой.

Увидалъ его царь и обрадовался:—Жайрâжа, что ты сдѣлалъ? Побѣдилъ ли врага, или нѣтъ?—говорилъ царь.

— Войско я разбилъ и въ семи равнинахъ головъ я нарѣзалъ. Побѣждай, побѣждай, великій царь!

Деревень, нарядовъ надавалъ ему царь Ратаначанда и домой отправлялъ. Побѣдивъ врага, уходилъ Жайрâжа домой.

Чья эта пѣснь и кто доблесть свершилъ, да не погибнутъ имена тѣхъ!

5.

Змѣй Вайсинги родился въ аду, царь Индра на небѣ, а въ срединѣ, на землѣ, народились четырехъ странъ силачи: сѣвера силачъ, юга силачъ, запада силачъ, востока силачъ, да въ Чампавати царь Дхобичанда. Были ему слугами сначала восточный

да западный силачи. И пришелъ туда воевать сѣвера силачъ. Говорилъ онъ царю: — Высылай силача воевать съ нами. Не вышлешь, такъ убьемъ тебя и захватимъ твое царство.

— Хорошо, отвѣчалъ царь, дамъ вамъ силача побиться. Бился съ южнымъ силачемъ восточный, съ сѣвернымъ — западный силачъ. Восточный съ южнымъ, оба силача были волхвами. Семь дней, семь ночей бились они, не переставая. Семь дней, семь ночей бились у змѣя Вансинтія, на аренѣ. Колдовствомъ убѣжали оттуда. Семь дней, семь ночей бились у царя Индры. И пришли оттуда въ Чампавати. Въ Гирикхетѣ они бились семь дней, семь ночей. И убилъ восточный силачъ южнаго.

Пронеслась по тремъ мірамъ вѣсть, что убитъ южный силачъ. И на помощь къ южному силачу приходилъ биться сѣверный. И напалъ сѣверный силачъ на восточнаго. Семь дней, семь ночей они бились, не переставая. Былъ восточный силачъ великій волхвъ. Колдовствомъ поднялся онъ къ царю Индрѣ. На аренѣ у царя Индры по колѣно были шары (roṭi) разбросаны.

Вотъ прыгнулъ сѣверный силачъ и сѣлъ на голову восточному. Тутъ забылъ восточный силачъ все свое колдовство и убилъ его сѣверный силачъ.

Сѣверный силачъ такъ и остался у Индры, на аренѣ, а западный силачъ пришелъ назадъ, въ Чампавати.

6.

Былъ царь Mâлусаи [1]). Три раза онъ женился, отъ трехъ женъ было у него двѣ дочери и одинъ сынъ.

Разъ въ полночь видѣлъ царь сонъ: увидалъ онъ во снѣ тибетку Kâли, дочь тибетца Сунапата. Держала она въ одной рукѣ свѣтильникъ, а въ другой—кусокъ масла. И вымазала царя масломъ, отъ ногъ до головы.

Проснулся царь и сталъ смотрѣть туда сюда.

Говорила ему тутъ старуха мать:

---

[1]) То-же Ману-саи, см 18 о Mâлусаи.

— Сынъ! отчего не спишь ты сегодня, въ полночь? Или нѣтъ при тебѣ женъ, или нѣтъ при тебѣ дѣтей? Или къ коровамъ твоимъ забрался тигръ? Или левъ въ стадо твоихъ буйволовъ? Или шакалъ въ стадо твоихъ козъ? Откуда у тебя такая забота?

Отвѣчалъ царь:—Мои царицы при мнѣ; при мнѣ мои дѣти. Не забирался тигръ къ моимъ коровамъ, ни левъ къ моимъ буйволамъ, ни шакалъ къ моимъ козамъ.

Говорила опять старуха: — Или блохи и клопы у тебя въ постели?

— Нѣтъ блохъ и клоповъ у меня въ постели, отвѣчалъ царь.

И сказалъ опять царь матери: — Я могу тебѣ сказать, да стыдно молвить то слово предъ тобою!

Говорила опять старуха: — Десять мѣсяцевъ я хранила тебя во чревѣ, и тогда тебѣ не было стыдно; а теперь тебѣ стыдно стало. Сынъ! ничего не стыдно сказать родной матери!

— Мать! говорилъ тогда Мâлусаи, въ полночь сегодня привидѣлась мнѣ во снѣ дочь тибетца Сунапата, тибетка Кâли. Полюбилась она мнѣ сильно и пойду я въ Тибетъ.

Говорила тутъ старуха:—Не люби ты тибетку; въ той странѣ ты найдешь ядъ; ядовита тамъ ѣда.

Говорила она опять: — Не люби ты тамошнихъ дѣвъ; я съиграю тебѣ новую свадьбу и невѣсту назову: «тибетка Кâли!» Не одинъ ли ты сынъ у матери, что теленокъ у коровы? Не въ одномъ ли глазу зрѣніе у криваго? И какъ уйдешь ты туда, что мнѣ дѣлать?

— Кто присмотритъ за стадами твоихъ буйволовъ? Кто присмотритъ за хлѣвами твоихъ коровъ? Кто присмотритъ за стадами твоихъ козъ? И кого оставишь въ царствѣ?

— Умру или буду живъ, говорилъ Мâлусаи, а пойду туда. Не уговаривай ты меня, не послушаюсь я тебя.

Шелъ онъ въ кладовую и вынималъ рупи. Шелъ онъ въ лавку, покупалъ золотую свирѣль, да сдѣлалъ золотую птичку. Изъ краснаго факирскаго плаща онъ сдѣлалъ узелъ; все, что фа-

киру нужно, онъ изготовилъ. Ходилъ къ факиру, своимъ учителемъ сдѣлалъ его и научился всѣмъ факирскимъ колдовствамъ.

Выходилъ на дорогу въ Тибетъ, шелъ съ нимъ народъ изъ всего города.—Друзья! говорилъ имъ царь, зачѣмъ вы идете со мною?

Отвѣчалъ народъ: —Великій царь! ты владыка всей страны! ты роду царскаго! коль ты уходишь, что намъ дѣлать? съ кѣмъ намъ оставаться?

Уговаривалъ много царь народъ:—Не ходите вы со мною, въ той странѣ вы найдете ядъ: ядовита тамъ ѣда и погибнете вы тамъ.

Отвѣчалъ народъ: —Великій царь! коль погибнемъ мы, бѣды нѣтъ. Но куда ты пойдешь, туда и мы. Не оставимъ мы тебя.

И пошелъ по дорогѣ за царемъ изъ всего города народъ.

И опять уговаривалъ много Мâлусаи народъ. Не послушался народъ.

Поднялись оттуда и пришли въ *Дорахатъ* [1]).

Печувâ Дорâла, великій силачъ, жилъ тамъ. Услыхалъ онъ о царскихъ похожденіяхъ и пришелъ повидаться съ царемъ. Говорилъ онъ царю:

— Откуда царь идешь и куда? и зачѣмъ царскій образъ перемѣнилъ на этотъ? зачѣмъ сдѣлался факиромъ? и куда путь держишь?

Отвѣчалъ Малусаи:—Я могъ бы сказать тебѣ, да стыдно то слово молвить.

— Вѣдь не стыдился царь, говорилъ силачъ, оставить царство и факиромъ сдѣлаться; не было стыда тогда, а теперь что за стыдъ?

— *Кâли* тибетку видѣлъ я во снѣ, и полюбилась она мнѣ сильно. Иду я въ Тибетъ!—Такъ говорилъ царь.

— Не ходи ты въ Тибетъ, говорилъ силачъ, иную свадьбу, хорошую, за тибетку я сыграю тебѣ!

— И если бы ты мнѣ сто свадебъ сыгралъ, и красавицъ

---

[1]) Doraghat, названіе мѣста въ Камаонѣ, около Алморы.

выше ея давалъ, не по душѣ онѣ были бы мнѣ. Полюбилась она мнѣ сильно! — Такъ говорилъ царь.

— Такъ пойду же и я съ тобою!—говорилъ Печувâ Дорâла.

Поднялись они и пришли въ Багесваръ. Поклонились Махадевѣ, приношенія дѣлали.

Обѣщался царь: «Коль сыграю я свадьбу съ тибеткою, золотой тебѣ принесу плодъ *nîmbû*, золотую кошку и золотую птицу. И въ пятьдесятъ два локтя поставлю столбъ! Моего сердца желаніе ты исполни!»

Поднялись они изъ Багесвара и пришли въ *Жвара*. Какъ пришли они въ Жвара, соглашался тамъ народъ: — Наваримъ ѣды съ ядомъ и дадимъ имъ поѣсть! Поѣдятъ они и помрутъ!

И какъ двинулись они въ Тибетъ, подошелъ къ нимъ весь жварскій народъ: — Кто вы? Изъ какихъ мѣстъ? Куда идете и откуда?

— Мы факиры, по святымъ мѣстамъ бродимъ.

— Вы ѣли или нѣтъ?—спрашиваетъ жварскій народъ.

Говорилъ Мâлусаи:—Дастъ кто намъ поѣсть—поѣдимъ, а не то и безъ ѣды пойдемъ.

— Поживите въ нашей странѣ одинъ, два дня. Мы дадимъ вамъ поѣсть!—такъ говорилъ жварскій народъ.

Остановились они въ тотъ день въ *Жварѣ*. Насталъ вечеръ, намѣшали жварцы въ муку яду, напекли ѣды и поставили ее передъ ними.

И поѣли странники, кто пять, кто семь *pûvâ* [1]). Печувâ Дорâла съѣлъ одинъ манъ, поѣлъ и Мâлусаи. Но мантръ [2]) сила убила въ немъ ядъ. Какъ настала ночь, всѣ заснули. Разсвѣло, и кто спалъ, не проснулся.

Одинъ Мâлусаи всталъ, вынулъ свою pothi (книгу) и сталъ мантры читать: вышелъ изъ всѣхъ ядъ и всѣ стали здравы!

Пришелъ народъ жварскій посмотрѣть, мертвы ли они или живы. Увидали всѣхъ живыми, огонекъ горѣлъ и курили люди табакъ въ *хуккѣ* [3]).

---

[1]) *pûvâ*, блинъ, см. Bate s. v. pûa.

[2]) mântra, заговоръ.

[3]) Индѣйская трубка.

— Или боги они, или факиры? разсуждали жварцы.—Не творятъ такихъ дѣлъ люди! изумлялись жварцы.

— Присядьте,—говорили факиры:—покурите табаку въ хуккѣ!

Но стояли жварцы и, сложивъ почтительно руки, говорили:

— Отпустите намъ нашу вину! Развѣдывали мы, не чудотворцы ли вы, факиры?

— Въ чемъ ваша вина передъ нами? спрашивали странники.

— Давали мы вамъ ядовитую ѣду, и не присталъ къ вамъ ядъ! Дивуемся мы сильно: вы боги, а не люди!

Разсмѣялся Мâлусаи и сказалъ: — Мы не ѣли яда!

И сказалъ народъ жварскій: Ѣшьте. Коль скажете намъ: наварите, мы наваримъ; коль скажете: сами станемъ варить, принесемъ вамъ все нужное!

— Наварите!—сказалъ Мâлусаи.—Пошелъ народъ жварскій по домамъ и принесъ ѣду странникамъ. Три дня ѣли тамъ странники; чрезъ три дня сняли станъ и пришли въ Тибетъ.

Передѣлалъ Мâлусаи своихъ спутниковъ въ животныхъ; изъ Печувâ Дорâла сдѣлалъ мѣдвѣдя, и въ то мѣсто, гдѣ разрослась тыква тибетца Сунапата, спряталъ его. А самъ остановился у пруда.

Заигралъ онъ на золотой свирѣли, сталъ выводить morcana [1]) (ноты), и отъ звуковъ его свирѣли обезумѣли тибетскіе жены и мужья. Плѣнилась ими тибетка Кâли; по цѣлымъ днямъ сидѣла около него и лишь поѣсть домой ходила.

— Какъ мнѣ увести тебя отсюда? спросилъ ее Мâлусаи.

Отвѣчала Кâли тибетка: Хорошо, коль убьешь отца, а не то не увести тебѣ меня!

Научалъ ее Малусаи: Въ эту ночь притворись ты больною. Какъ станетъ тебя отецъ спрашивать: «Что ты чувствуешь?» говори ему: «Растетъ моя боль, не уменьшается!» И какъ спроситъ онъ тебя: «Поѣсть чего не хочешь ли?» говори: «Поѣла бы тыквенной похлебки!» Вотъ пойдетъ онъ тыкву искать и съѣстъ его медвѣдь.

---

[1]) О morcana см. Приложеніе.

*

Пришла она домой и больною притворилась. Пошелъ отецъ тыкву искать. Протянулъ Сунапатъ тибетецъ къ тыквѣ руку и съѣлъ его тутъ мѣдвѣдь.

Умеръ Сунапатъ тибетецъ и прошла болѣзнь у Кâли тибетки. Поднялся въ Тибетѣ шумъ: «Умеръ Сунапатъ тибетецъ!» И пошелъ народъ его жечь.

А Мâлусаи и тибетка Кâли были радостны. Какъ прошла ночь и настало утро, передѣлалъ Мâлусаи изъ звѣрей людей, и пошелъ оттуда по дорогѣ съ тибеткою Кâли.

Съ великимъ трудомъ пришли они въ Багесваръ. И поставилъ Мâлусаи въ пятьдесятъ два локтя столбъ, приносилъ золотой плодъ nimbû, золотую кошку и птицу.

Въ Дорагхатъ пришли оттуда и дарилъ царь силачу четыре деревни въ равнинахъ и четыре въ горахъ.

Оттуда пошелъ въ Чампавати. Раздавалъ дары народу. *Начъ* [1]) устроилъ, угостилъ народъ и по домамъ отослалъ.

7.

Жили были два брата: *Ажія* и *Падія*; жили они въ поляхъ Тоимечоли.

У Ажія было шесть сыновей и девять внуковъ, а у Падія была только одна жена.

Сказалъ Ажія брату: «Давай раздѣлимся!» И пошли они дѣлиться. Ажія взялъ себѣ лучшую часть, а похуже отдалъ брату.

Пришелъ Падія домой; взглянула жена на его добро и говоритъ: Это добро ты взялъ?—Онъ отвѣчалъ: Да!—И была она очень недовольна.

Созвала жена пять человѣкъ на судъ [2]). Но пять человѣкъ говорили въ пользу Ажія.

---

[1]) *Начъ*, т. е. туземный балетъ.

[2]) Судъ пяти. *Pañc*, или *Pañcâyat*: очень древнее учрежденіе въ Индіи, см. Elliot, Memoirs I, 279. In its strictest acceptation the

Вотъ въ полночь сталъ Падія взывать къ отцу объ истинѣ. И во снѣ услыхалъ онъ, какъ отецъ сказалъ ему: Есть дерево Пипалъ, на чью сторону оно упадетъ, тотъ лжецъ!

Сказалъ Падія брату: Есть дерево Пипалъ, на чью сторону оно упадетъ, тотъ лжецъ; на чью же не упадетъ, тотъ справедливый.

Упало то дерево на сторону Ажія. И пошелъ онъ домой.

— Какъ дѣло было? спросила жена у Падія.

— Упало дерево на сторону Ажія! отвѣчалъ онъ.

Сказалъ Ажія брату: Хочешь поѣсть рыбки изъ Гауригхата?

Пошли два брата и убилъ Ажія брата. Вернулся онъ домой и прогналъ жену брата.

Была она на шестомъ мѣсяцѣ беременности, и сама не видѣла, какъ выкинула. Пришла она въ Мадуликотъ.

Въ это время два сына Тунимахара охотились въ лѣсу. Услыхали они дѣтскій плачь и говорятъ сами себѣ: Сегодня дичь ли насъ съѣстъ, мы ли дичь поѣдимъ—неизвѣстно!—И ругали они тутъ ребенка.

Наконецъ они рѣшили: Возьмемъ его и сдѣлаемъ изъ него пастуха. Принесли ребенка домой. А мать его сидѣла въ навозѣ.

Пришли они домой.—Чье это рожденіе? говоритъ имъ ихъ мать. Они отвѣчаютъ: Великъ нашъ грѣхъ!—И пошли къ брâхману.

— Какъ намъ отъ грѣха очиститься? спросили они у брâхмана. — Накормите семь человѣкъ и раздайте въ даръ семь коровъ! научилъ ихъ брâхманъ.

Пришли они домой и сдѣлали по сказанному; а мать ребенка въ это время стояла въ нижнемъ этажѣ.

— Поди, взгляни на нее! говорятъ они отцу; а та между тѣмъ пошла купаться. И сѣлъ старикъ на порогѣ.

---

pañc consists, as its name implies, of five persons, who ought to be residents of the same village, or of the same caste and rank in life as the parties concerned; but this number in modern times is seldom adhered to: three is the smallest number of which it can be constitu ted, and id may consist of as many as fifty or a hundred.

— Зачѣмъ ты сидишь на порогѣ? закричалъ ему изъ дому ребенокъ. — Я твой дѣдъ! отвѣчалъ старикъ. — Такъ дай мнѣ gûlâl (красный порошекъ) и простыню!

Сталъ онъ юношею. И послалъ его дядя стеречь козъ. Перебилъ онъ въ лѣсу козъ и поѣлъ ихъ. Прогналъ его дядя.

Пошелъ онъ къ родной матери и спрашиваетъ ее: Гдѣ моя родина? — И разсказала ему мать все.

Пошелъ онъ въ свой домъ въ Baphauli-koṭ, взялъ свою часть и убилъ Ажія.

Сталъ онъ господиномъ всего царства, призвалъ мать, съигралъ свадьбу и сталъ счастливо жить.

8.

I.

Въ преисподней родился царь змій Ваисингй; на небѣ родился царь Индра, а на землѣ царь Дхобичандъ.

Въ Бапхауликотѣ родился Ажувâ Бапхаулâ.

У царя Дхобичанда была дочь Гâнгалâ. На землѣ она родилась, и какъ минуло ей двѣнадцать лѣтъ, не было подобной красавицы на землѣ.

Сорокъ восемь царей добивались ее и никто не получилъ.

Отдалъ царь такой приказъ: За того отдамъ я дочь, у кого во дворцѣ золотыя притолки, серебряныя двери, кто бездонную яму богатствомъ переполнитъ.

Былъ у царя тамъ факиръ Житувâ и былъ факиръ великій чудодѣй.

Продавали сорокъ восемь царей свои царства, продавали женъ наряды и пытались переполнить бездонную яму. И никто переполнить не смогъ.

Вотъ сѣлъ на коня Ажувâ Бапхаулâ и пріѣхалъ въ Чампавати. И свидѣлись два человѣка. По лѣстницѣ онъ входилъ въ трехъ-этажный дворецъ, къ царевнѣ. И свидѣлись они.

— Съ тобою будетъ моя свадьба, говорила царевна. Къ моему отцу ты иди! И хорошо, какъ скажетъ онъ, да. А не то я съ тобою убѣгу въ твой домъ.

Пошелъ къ царю Ажувâ Бапхаулâ и просилъ онъ посмотрѣть царевнинъ чихна. Сталъ царь въ умѣ говорить: Ужъ не этотъ ли сможетъ переполнить бездонную яму? И показывалъ онъ чихна.

Говорила тутъ дочь волхву: Ты молчи, не волхвуй теперь.

Посылалъ Ажувâ Бапхаулâ во всѣ стороны письма, призывалъ мастеровъ изъ Делги. И въ письмѣ домой говорилъ: На волахъ моихъ и коняхъ въ Чампавати мнѣ добро привозите. Приводите ихъ сюда и приходите съ моимъ поѣздомъ.

Приходили мастера изъ Делги. Въ твердыню Бапхаули собрались его кони и волы. Забили тамъ въ барабаны, запѣли и заплясали тамъ плясуны. Загремѣла тамъ музыка. Развѣвались тамъ знамена. На воловъ, на коней добро понавьючивали; къ походу въ Чампавати ихъ изготовили, изготовился и поѣздъ брачный.

Задумался царь Дхобичандъ: Кто этотъ царь, что со мною воевать идетъ? Переслались они между собою письмами. Писалъ Ажувâ Бапхаулâ: Не страшись, то мой поѣздъ брачный.

И пришелъ поѣздъ въ Чампавати. Играли свадьбу тамъ; забросалъ женихъ богатствами бездонную яму, золотыя притолки и серебряныя двери онъ построилъ.

И откуда онъ богатства набралъ? И откуда богатства набросалъ? Не зналъ царь Дхобичандъ, что придумать, и позволилъ богатство привозить. Сыграли свадьбу, вернулся Ажувâ Бапхаулâ домой и весь народъ угощалъ.

Вотъ вернулись делгійскіе мастера, къ себѣ и говорили падишаху: Есть одинъ человѣкъ, и нѣтъ ему равнаго богача. Сыгралъ онъ свадьбу съ дочерью царя Дхобичанда. Призвалъ падишахъ Ажувâ Бапхаулâ. И какъ пришелъ онъ въ Делги, много чтилъ его падишахъ, далъ ему наложницу.

II.

Навьючилъ Сунапатъ тибетецъ на козловъ золота и пришелъ въ Чампавати. Остановился онъ тамъ. Приходили горожане: Почемъ соль продаешь? спрашивали его.

Не говорилъ ничего Сунапатъ, тибетецъ, и самъ пошелъ къ царю.—Мою свадьбу съ дочькою сыграй, говорилъ онъ царю. — Хорошо, сыграю! отвѣчалъ царь. — Зови сюда родную дочь, научали царя совѣтники. И писали царскіе совѣтники: Спѣши сюда, отецъ твой боленъ. Какъ пришла она оттуда и увидалъ ее тибетецъ, все богатство побросалъ и въ свою сторону увелъ ее. Всю дорогу сторожилъ и привелъ въ Тибетъ.

— На двѣнадцать лѣтъ, говорила ему Гангала, ты мнѣ братъ, а я тебѣ сестра! На двѣнадцать лѣтъ—ты мнѣ отецъ, а я тебѣ дочь. Какъ пройдутъ двѣнадцать лѣтъ—станешь ты мнѣ мужемъ, а я тебѣ женою.

III.

Въ полночь, въ Делги снилось Ажувѣ Бапхаулѣ: Играй ты вторую свадьбу! Въ Тибетъ увелъ меня тибетецъ. Коль придешь сюда, отравитъ онъ тебя.

IV.

Вотъ настало утро и пришелъ онъ къ падишаху: Моя мать больна, говорилъ онъ, на шесть мѣсяцевъ дай мнѣ отлучиться.

Разрѣшилъ ему падишахъ и ушелъ онъ домой.

V.

— Батюшка, говорила мать, здоровъ ли мой сынъ?

Отвѣчалъ факиръ: Здоровъ.

— Чего хочешь, батюшка? спрашивала старуха.

— Что сыну родному пекала, то и мнѣ напеки.—И напекла старуха. Поѣлъ факиръ и пошелъ онъ къ царю. — Гдѣ же моя жена? спрашивалъ факиръ.

— Стала она женою Сунапата тибетца. Увелъ онъ ее.

Убилъ факиръ царя, его войско перебилъ и перебилъ семь сыновъ.

VI.

Уходилъ онъ оттуда по дорогѣ въ Тибетъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ жила Гâнгалâ, въ той лавкѣ онъ остановился. Увидала его Бачулѝ, тибетца дочь и влюбилась въ него. Заигралъ онъ на свирѣли, возрадовались всѣ жены тибетца и влюбились въ него.

Притворилась Гâнгалâ, что животъ у ней болитъ. Разослалъ Сунапатъ тибетецъ семьсотъ человѣкъ за лекарствомъ. И ни одинъ не вернулся живымъ.

Собрался въ путь самъ тибетецъ, а Ажувâ Бапхаулâ уводилъ всѣхъ его женъ и отправлялся домой.

VII.

Три дня бился онъ по дорогѣ съ тибетцемъ и семь дней воевалъ съ его дочерью. Перебилъ ихъ и вернулся домой.

9.

Семь свадьбъ съигралъ отецъ Жараужа изъ роду Бханâрѝ своему сыну Калувѣ изъ роду Бханâрѝ; но ни одна жена не была его сердцу мила.

Услыхалъ Калувâ, изъ роду Бханâрѝ, что въ одномъ мѣстѣ, у отца Мета-бора, дочь на выданьи. Сѣлъ на коня и поѣхалъ её посмотрѣть.

А дочь Бâлâ Свасѝлâ въ эту пору у окна сидѣла и наряжалась. Палъ ея взоръ на Калувâ изъ роду Бханâрѝ.

— Остановись! говоритъ она ему, покури табаку!—Говорилъ ей бѣднякъ: Я приду, коль ты слова мои выслушаешь! А иначе, зачѣмъ мнѣ стоять тутъ!

Видитъ она, что хорошъ онъ и молодъ, и послушалась красавца.

Сталъ онъ у окна, и слюбились ихъ сердца. Четыре, пять мѣсяцевъ прожилъ Калувâ изъ роду Бханâрѝ у красавицы.

— Худая слава пошла обо мнѣ и о тебѣ, говорила краса-

вица, дâвай отцу выкупъ!—Отвѣчалъ Калувâ изъ роду Бханâри́: У отца добуду выкупъ и приду! И возьму тебя къ себѣ! Воровски или насильно не хочу тебя уводить!

Пошелъ къ отцу и сказалъ: Видѣлъ тамъ-то я красавицу!— Для твоей свадьбы, отвѣчалъ отецъ, у меня осталось оброковъ за цѣлый годъ! Собери ихъ и принеси.

Согласился сынъ и говорилъ красавицѣ: Ухожу ради нашего дѣла, ты же другому не давай обѣщанія.

И клялась красавица: За другаго не пойду!

Пошелъ онъ оброки сбирать и собралъ полъ-оброка съ полъ-деревни.

Въ эту пору Гангасера, силачъ, взявъ золотое ожерелье, цѣною въ двѣнадцать сотенъ рупи, выходилъ невѣсту искать.

Шелъ, шелъ и пришелъ къ тому дому, гдѣ жила Бâлâ Свасúлâ.— На выданьи твоя дочь? говорилъ силачъ отцу.—На выданьи! отвѣчалъ отецъ.

Сталъ одинъ брâхманъ свадьбу ладить. Убѣждалъ красавицу.— Я другому дала обѣщаніе! говорила она. Увѣщалъ брâхманъ, золотое ожерелье дарилъ и ушелъ, сказавъ: Чрезъ восемь дней приведу поѣздъ.

Какъ ушелъ онъ, посылала красавица съ письмомъ къ Калувѣ изъ роду Бханâри́. Отписала обо всемъ, что случилось. Говорила: За другаго выдаетъ меня отецъ. Коль берешь меня, такъ бери! А не то съ другимъ свадьба будетъ.

Получилъ оброкъ Калувâ изъ роду Бханâри́ и вернулся. Все добро, что набралъ, отцу отдалъ. И пошелъ туда, въ поля Какувâ, гдѣ красавица жила.

Вотъ пришелъ онъ къ ней и спрашиваетъ: Что случилось?— Говоритъ она: Назавтра поѣздъ придетъ.

— Коль поѣздъ придетъ, говорилъ онъ, намъ что дѣлать?— Придетъ поѣздъ, мы посмотримъ.

И пришелъ на утро поѣздъ. Перерядился Калувâ, изъ роду Бханâри́ съ поѣзжанами смѣшался, плясалъ, пѣлъ и въ игры игралъ.

Забрался въ комнату къ красавицѣ. На твою пляску и игру я глядѣла и радовалась! говорила она ему.

Вотъ ночью, какъ въ игры играли, сталъ одинъ нѣмой нищій съ чашею всѣхъ обходить и увидалъ, что въ невѣстиной комнатѣ не одна, а двое.

Говорилъ нѣмой дядѣ: Ты зачѣмъ свадьбу играешь? Вѣдь тамъ сидитъ Калува̂ изъ роду Бхана̂ри́.

И пошелъ туда жениховъ отецъ посмотрѣть, а Калува̂ изъ роду Бхана̂ри́ подъ постель забрался. Смотрѣлъ отецъ туда, сюда.

— Ты зачѣмъ сюда пришелъ и кто ты? говорила красавица.

— Я свекоръ, невѣстушка! отвѣчалъ жениховъ отецъ.

— Ты пришелъ за мною подсматривать! Клятву, что дала, ту скажу тебѣ: не пойду никогда за твоего сына.

Вышелъ отъ нее жениховъ отецъ и говоритъ ко всѣмъ:

— Гнѣвалась невѣста; никого тамъ нѣтъ. Снимайте осаду. Вотъ ночью настало *счастливое звѣздъ сочетаніе* (lagna). И собралась въ эту пору толпа, точно воевать. Идутъ по дорогѣ и домъ окружили.

Увидалъ Калува̂ изъ роду Бхана̂ри́, какъ войско шло и спрятался за стѣной; положилъ на голову мечъ и заснулъ. Вотъ какъ шелъ народъ туда, говоритъ Калува̂, изъ роду Бхана̂ри́, самъ съ собою: Что дѣлать?

А народъ кричитъ бра̂хману: Иди туда, отбери золотое ожерелье!—Пошелъ бра̂хманъ къ невѣстѣ за ожерельемъ.

— Пойду къ господину моему Бхана̂ри́ спросить! говоритъ невѣста. Пошла она къ нему и подняла его.

— Не отдадимъ, говоритъ Калува̂, ожерелья; коль ты туда уйдешь, такъ ожерелье бери. А не то, такъ я обѣ вещи заберу.

Вернулся бра̂хманъ къ народу и говоритъ: Не отдаетъ Калува̂, изъ роду Бхана̂ри́, ожерелья.

— Зарѣжь ты того, кто тамъ прячется! кричитъ бра̂хману народъ.

Выходила къ жениху красавица и говорила: Они близко, тебя убьютъ и меня уведутъ.

Отвѣчалъ онъ: На мою игру ты посмотри! Посчитай сколько ихъ я побью.

Прыгнулъ онъ съ мечемъ наголо и показалъ имъ свою игру. Двадцать дюжинъ человѣкъ вверхъ и внизъ разбросалъ. Ихъ

же взмахи были понапрасну. Двадцать дюжинъ онъ побилъ. Лишь одинъ нѣмой укрылся живымъ.

Вотъ позвалъ Калувâ изъ роду Бханâри́ невѣсту.—Двѣнадцать дюжинъ побито! Славна храбрость того, кто положилъ на мѣстѣ двѣнадцать дюжинъ.

— Жажда мучить меня! говорилъ Калувâ изъ роду Бханâри́.

— Тутъ кто-то укрывается! говорила красавица; посмотри хорошенько.

Посмотрѣлъ онъ и вытащилъ нѣмаго.—Принеси воды! говорилъ ему Калувâ изъ роду Бханâри́.

— Нѣтъ, убей его! просила красавица.

— Будетъ онъ моимъ пастухомъ! Буйволовъ и коровъ станетъ пасти. Убивать его зачѣмъ? отвѣчалъ силачъ.

Пошелъ нѣмой за водой и увидалъ по дорогѣ мертвыя тѣла:

— Всѣ-то братья, всѣ родные померли! говорилъ нѣмой; отомщу-же я за нихъ! И укрывъ подъ полою два-четыре камня, принесъ онъ силачу воду.

И какъ сталъ силачъ воду пить, бросилъ нѣмой камень ему въ голову. И пробилъ камень голову силача; падалъ онъ безъ чувствъ.

Тутъ нѣмой схватилъ за косу красавицу и говорилъ: Всю игру ты затѣяла.

И какъ очнулся и поднялся Калувâ, видитъ онъ, какъ нѣмой жену бьетъ. Завязалъ силачъ рану и крикнулъ на нѣмаго.

Побѣжалъ нѣмой, а силачъ ему въ слѣдъ метнулъ ножъ, говоря: Коль ловко я метнулъ, такъ вонзится ножъ! И умиралъ тутъ нѣмой; на двѣ части разбилась его голова.

Посылалъ Калувâ изъ роду Бханâри́ за отцемъ съ матерью, да за братьями. Повидался и почувствовалъ, что не жить ему. Къ небу бросилъ ножъ и подставилъ шею.

Умеръ, и красавица сожглась съ нимъ.

10.

Въ Камаонѣ родился царь Викрамачандра изъ рода Сивалинга.

Въ Катьюрѣ [1]) родился царь Вармадева изъ Солнечнаго роду.

Сдѣлалъ царь Викрамачандра великую ступку, въ которой вмѣщалось девять *нâли* золота.

И былъ у него Токдаръ [2]), по имени Мадапиндâла. Поставилъ онъ его сборщикомъ податей съ земли, чтобы наполнить эту ступу золотомъ.

Когда царскіе слуги, ради этого разосланные, пришли назадъ, Токдаръ, смѣшавъ золото съ мѣдью, наполнилъ этимъ ступу, подъ именемъ золота.

Сталъ царю извѣстенъ его обманъ, и когда Токдара связали, онъ сознавшись, сказалъ: Если моя вина будетъ прощена, я дамъ золота въ двое.

Когда же пришелъ въ свой домъ, то собравъ все свое богатство, покинулъ Камаонъ и пошелъ въ Катьюръ, къ царю Вармадевѣ, изъ солнечнаго роду.

Тамъ онъ вполнѣ открылся: Такое-то дѣло сдѣлалъ я въ Камаонѣ; теперь пришелъ сюда и здѣсь желаю жить.

Царь изъ солнечнаго роду отдалъ приказъ: Издревле ты нашъ.

Далъ ему землю и поселилъ въ своемъ царствѣ.

Узналъ камаонскій царь Викрамачандра, что Токдаръ Мадапиндâла бѣжалъ и ушелъ къ Катьюрскому царю.

---

[1]) Катьюръ (Katyur), или какъ англичане иногда пишутъ, *Kuttoor*: древнѣйшая династія камаонскихъ царей; ея владѣнія были въ Гарвалѣ и Камаонѣ. Жошиматъ, близъ Бадрината, и Катьюръ (Katyûr), къ С. отъ Алморы, были главнѣйшими мѣстами, въ которыхъ сосредоточивалась ихъ сила.

[2]) *Токдаръ* (Tokdâr): полицейскій чиновникъ надъ нѣсколькими деревнями. Жалованіе получаетъ по одной рупи во время свадебъ дочерей деревенскихъ старшинъ (padhan). Когда старшина убиваетъ козу, токдаръ получаетъ ногу. — Старшина (padhan) выбирается односельчанами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это званіе наслѣдственно и переходитъ отъ отца къ сыну.

Отписалъ царь катьюрскому царю: Такому то Токдару ты далъ убѣжище; онъ, свершивъ такую то важную вину, пришелъ къ тебѣ. Теперь ты его свяжи и пришли сюда.

На это Катьюрскій царь отвѣчалъ Камаонскому: Этотъ Токдаръ тебѣ принадлежитъ. Ты самъ образумь, усмири его, и самъ уведи его! Какимъ образомъ я пошлю его къ тебѣ?

Тогда отъ Камаонскаго царя пришелъ посолъ со словами: Если не пришлешь его, то прійду воевать съ тобою.

На это Катьюрскій царь далъ ясный отвѣтъ: Своими руками не могу его прислать. Этотъ человѣкъ твой, а потому, коль желаешь, бери его.

Тогда Камаонскій царь обвязалъ мечъ и рѣшился воевать съ Катьюрскимъ царемъ. Созвалъ онъ совѣтниковъ и отдалъ приказъ: Тамъ, въ Катьюрѣ, два великихъ богатыря, старшаго зовутъ Бхія (Bhiyâ), младшаго Чхія (Chiyâ); какъ поведу на нихъ войско? Не смогутъ воины противостоять имъ.

Совѣтники ему отвѣчали: Если ты приведешь сюда наисильнѣйшаго Бхію, того, который поѣдаетъ по 36 шеръ заразъ, то одержишь побѣду.

Тогда камаонскій царь сталъ на тысячу ладовъ увѣщать силача Бхію, съ тѣмъ чтобы призвать его къ себѣ.

Силачъ сталъ проситься къ камаонскому царю.

— Не ходи, говорилъ ему Катьюрскій царь; если пойдешь туда, убьютъ тебя. Съ лукавствомъ призываютъ тебя.

— Много было мнѣ писано, отвѣчалъ силачъ; нельзя не идти туда. Коль буду живъ, то останусь твоимъ рабомъ.

Взялъ силачъ желѣзный мечъ и пошелъ къ Камаонскому царю. Сталъ онъ подходить къ царскому дворцу и въ сорока шагахъ оттуда разъигрался и началъ прыгать. Много онъ игралъ, прыгалъ и плясалъ; затряслась земля, словно землетрясеніе произошло.

Дошла объ этомъ вѣсть до царя. Пришелъ силачъ во дворецъ, поклониться царю, и выставилъ ему царь угощенія: 18 шеръ, да еще около одного мана.

Но такому ѣдоку какъ этимъ насытиться? Сталъ силачъ тогда проситься домой.

— Какъ, сказалъ царь, ты уходишь, ничего не сдѣлавъ?

— Коль будетъ приказаніе отъ царя, отвѣчалъ силачъ, то исполню его. Но какъ мнѣ жить у тебя? не нашелъ я въ царскомъ домѣ живота утоленія.

Спросилъ его царь: Столько тебѣ дали, а тебѣ все мало. Сколько же ты ѣшь?

— Давалъ мнѣ мой царь, отвѣчалъ силачъ, восемнадцать нâли, ровно тридцать шесть шеръ; и все это я всегда поѣдалъ.

Сказалъ ему затѣмъ царь: Войско мое идетъ войною на Катьюрскаго царя. Ступай посмотри на моихъ силачей.

— Слушаю, отвѣчалъ силачъ; прикажи отобрать сильнѣйшихъ изъ сильнѣйшихъ!

Отобралъ царь десять человѣкъ изъ роду Махара Токдара.

Взялъ силачъ Бхія десять человѣкъ и привелъ ихъ къ крутому спуску, что звался Пая (Раyâ).

— Входите на гору! сказалъ онъ имъ.

— Собирайтесь всѣ въ кучку. Коль не будете всѣ въ одномъ мѣстѣ, то кто нибудь со мною упадетъ.

Десять человѣкъ сдѣлали по сказанному. Тогда Бхія взялъ ихъ десять одною рукою и всѣхъ бросилъ въ пропасть *Пая*. Кто тутъ же померъ, кто еле живъ остался.

Послѣ этого Бхія пошелъ поклониться царю Викрамачандрѣ, изъ рода Сивалинга.

— Каковы мои силачи? спросилъ его царь изъ роду Сивалинга.

— Царскіе воины, отвѣчалъ, посмѣиваясь, силачъ Бхія, развѣ могутъ быть не силачами? Царскіе силачи въ пропасть Пая попадали. Стали было меня бросать, да я пошелъ отбиваться; всѣхъ побѣдилъ и въ пропасть побросалъ. Вотъ какіе силачи во дворцѣ вашего величества!

Царь Викрамачандра изъ роду Сивалинга отдалъ приказъ своимъ рабамъ: Ступайте, посмотрите!

Пошли рабы смотрѣть и увидали въ пропасти Пая десять мертвыхъ силачей. Пришли къ царю и сказали:

— Великій царь, Бхія побилъ десять силачей и побросалъ ихъ въ пропасть Пая!

Спросилъ царь силача Бхія: Въ моемъ войскѣ кто сможетъ съ тобою теперь воевать?

Отвѣчалъ Бхія: Изъ роду *Партьяла* (Partyâla) смогутъ воевать со мною!

Выбрали десять человѣкъ изъ этого роду воевать съ силачемъ.

И стали эти люди такъ говорить: Ты, силачъ Бхія, побилъ десять человѣкъ изъ роду Махара. Мы всѣ таковы-же какъ ты. Не знаешь, ты каковы люди изъ нашего роду!

Взялъ Бхія этихъ десять человѣкъ и привелъ къ пропасти *Пая.*

Заспѣшилъ Бхія и говоритъ десяти человѣкамъ: Посмотрите на небо, что это за птицы?

Стали десять человѣкъ на небо смотрѣть, а Бхія взялъ да и бросилъ ихъ въ пропасть Пая.

Пришелъ силачъ Бхія поклониться царю Викрамачандрѣ изъ роду Сивалинга и донесъ:

— Побросалъ я въ пропасть Пая тѣхъ десять человѣкъ, что были тобою послѣ присланы и пришелъ къ тебѣ. Десять человѣкъ изъ роду Махара, таковы же какъ и десять человѣкъ изъ роду Партьяла. Всего двадцать человѣкъ побросалъ въ пропасть Пая и пришелъ къ тебѣ.

Разгнѣвался царь изъ роду Сивалинга.

— Говори, Бхія, кто можетъ съ тобою воевать?

— Сыны Токдара Дхони могутъ со мною воевать! отвѣчалъ Бхія.

Отдалъ царь изъ роду Сивалинга приказъ:

— Вы, десять сыновъ Токдара Дхони, приготовьтесь воевать съ Бхія!

И приготовились эти десять человѣкъ биться съ *Бхія*; взялъ онъ ихъ и говоритъ имъ:

— Каковы врата во дворцѣ царя Викрамачандра, изъ роду Сивалинга?

А тѣ десять человѣкъ межъ тѣмъ согласились: Бросимъ подъ ворота силача Бхія. Пришли они къ воротамъ вмѣстѣ съ Бхія и со всѣхъ сторонъ окружили его.

— Вы, десять человѣкъ, говоритъ имъ Бхія, станьте къ одной сторонѣ, въ срединѣ воротъ, а я стану къ другой!

Стали десять человѣкъ къ одной сторонѣ, въ срединѣ воротъ, а Бхія сталъ къ другой сторонѣ. Сдвинулъ Бхія ворота на нихъ; пали ворота, придавили и придушили десять человѣкъ.

Какъ только десять человѣкъ померли, пошелъ Бхія къ царю Викрамачандрѣ изъ роду Сивалинга.

— Каковы теперешніе силачи? спросилъ его царь.

— Привелъ я ихъ, отвѣчалъ Бія, къ царскимъ воротамъ; они меня тамъ окружили со всѣхъ сторонъ. Сказалъ я имъ тогда: васъ десять, а я одинъ; станьте къ одной сторонѣ, а я къ другой. Стали они къ одной сторонѣ, а я къ другой. Бросилъ я на нихъ ворота и померли тѣ сказанные десять силачей!

Сильно разгнѣвался царь и говоритъ: Тридцать силачей ты поморилъ. Говори, кто можетъ съ тобою воевать?

— Десять сыновъ Токдара Маунû! Отвѣчалъ силачъ Бхія.

Отдалъ приказъ царь, чтобы послали за десятью сынами Токдара Маунû. Сказалъ имъ царь:

— Ступайте воюйте съ силачемъ Бхія! Коль убьете его, приходите ко мнѣ, великую награду получите!

По царскому приказу приготовились десять сыновъ Токдара Маунû воевать съ силачемъ Бхія.

Условились эти десять человѣкъ: Поведемъ его къ мѣсту, гдѣ глину роютъ, бросимъ его туда и на него набросаемъ глину. Бхія умретъ.

Согласившись такъ, повели его къ копи.

— Ступай въ эту копь! сказали Бхіѣ десять человѣкъ.

— Богиня Кâли, отвѣчалъ Бхія, дала мнѣ завѣтъ: не ходи въ грязныя мѣста. А копь эта полна грязи. Ступайте туда и выбросайте грязь. Одного человѣка оставьте меня стеречь.

Пошли десять человѣкъ выбрасывать грязь, а Бхія бросилъ и десятаго въ яму. Забросалъ десять человѣкъ глиною и придушилъ ихъ.

Пришелъ онъ потомъ къ царю поклониться.

— Каковы эти мои богатыри? спросилъ его царь.

Отвѣчалъ Бхія:

— Ступай нарой глины, сказали мнѣ твои люди. Я не пошелъ. Они забрались въ копь, а я ихъ глиною забросалъ и поморилъ!

Сказалъ на это царь: Поморилъ ты моихъ сорокъ силачей. Исполни же теперь мой приказъ: ступай въ тюрьму на восемь дней.

— Беззащитенъ я: какъ твоего приказа не исполнить! отвѣчалъ Бхія.

Надѣли ему на руки цѣпи вѣсомъ въ 32 *манъ*, надѣли на ноги цѣпи, на шею повѣсили желѣзную цѣпь и на голову поставили чашу съ угольями. Двадвать два человѣка стерегли снаружи. Двадцать два человѣка были заперты на дворѣ, внутри.

Говорилъ царь: Кого боялся, тотъ теперь въ моихъ рукахъ. Не трудно теперь побѣдить Катьюрскаго царя. Готовьтесь всѣ чрезъ шесть дней идти войною на Катьюрскаго царя!

А Бхія надѣялся освободиться чрезъ восемь дней.

Между тѣмъ Камаонское войско пошло на Чхія изъ рода Катаята (Kaṭâyat). А Чхія изъ роду Катаята пошелъ искать брата въ Иліякотъ (Iḷîyâkot). Пасъ онъ тамъ буйволовъ и повсюду искалъ брата; и увидалъ онъ, что осьмнадцать тысячъ воиновъ камаонскаго царя Викрамачандры изъ роду Сивалинга пришли къ деревнѣ Иліякотъ.

Сталъ Чхія въ умѣ разсуждать: Убилъ царь В. изъ роду Сивалинга моего брата Бхія и пришелъ сюда. привелъ онъ войско меня убить. Теперь мнѣ умирать!—Разсудивъ такъ, сказалъ онъ самъ себѣ: Нечего теперь бояться!

Половина войска царя Викрамачандры изъ роду Сивалинга шла впередъ, половина сзади; въ срединѣ ѣхалъ на конѣ царь Викрамачандра изъ роду Сивалинга.

Чхія изъ роду Катаята перебилъ переднее войско, семь тысячь человѣкъ перебилъ. Какъ перебилъ онъ столько войска, посмотрѣлъ царь впередъ и увидалъ онъ мало войска.

— Куда ушли мои люди? спросилъ царь.

Отвѣчали ему слуги:

— Того Бхія, что въ тюрьмѣ сидитъ, братъ Чхія изъ роду

Катаята перебилъ переднее войско, семь тысячъ человѣкъ. И стоитъ онъ теперь, хочетъ насъ перебить.

Разгнѣвался царь и сказалъ Чхіѣ изъ роду Катаята:

— Перебилъ ты столько людей! Померло столько! Прочь съ дороги!

Далъ Чія на это царю такой отвѣтъ:

— Видѣлъ-ли ты силача, сворачивающаго съ дороги? Иль видѣлъ льва, сворачивающаго съ дороги? Иль царя, добровольно покидающаго престолъ, ты видѣлъ? Глупъ ты царь! Въ глупомъ городѣ ты глупый царь! На двѣ копѣйки вѣсомъ, и ѣды на двѣ копѣйки! Прочь съ дороги! Говоришь ты. Никогда не сойду я съ дороги и, что будетъ мочи, стану биться съ тобою! Не ты-ли убилъ моего брата? За него вознагражу тебя!

Какъ сказалъ Чхія такое слово, разгнѣвался царь, и послалъ въ голову Чхіѣ пулю изъ ружья. Дошла пуля до Чхія и палъ онъ замертво.

И сказалъ тогда царь войску: Въ тюрьмѣ сидитъ Бхія, и убитъ Чхія. Идемъ! Теперь, смѣясь и играя, ограбимъ Катьюрскую страну и вернемся. Ослѣпивъ *Саима* [1]), плѣнимъ его. Заковавъ въ цѣпи, уведемъ царя Вармадеву. Передушимъ рыбъ въ рѣкѣ *Рахава* (Rahavâ).

Съ плясками и игрою разбилъ онъ лагерь у Хатхалекха (*Hathalekha*) и оттуда послалъ царю Вармадевѣ вѣсточку:

Стоимъ мы лагеремъ у Хахталекха (Hathalekha) и есть у насъ кузнецы, приходи за сковородами и заступами. Есть у насъ и швецы, приходи шить себѣ кафтаны!

Такое слово, посмѣиваясь, послалъ онъ. Послалъ онъ и другое слово:

— Приготовься воевать съ нами. Сравняйся въ силѣ съ нашимъ войскомъ!

---

[1]) *Saima devatâ*, чтится какъ божество на горѣ Saimadyo, (къ В. отъ Алморы, въ разстояніи одного дня пути). Тамъ есть камень, который изображаетъ божество, нѣкогда жившее на землѣ и бывшее знаменитымъ силачемъ. Божество это вселяется въ избранныхъ или въ избраннаго богомольца. Человѣкъ начинаетъ трястись и кричать: Чтите меня, чтите меня, я добро пошлю!

Какъ дошло царское слово до Вармадевы, сталъ онъ думать: Что намъ дѣлать теперь? Были у насъ два силача: Бхія и Чхія. Сидитъ въ тюрьмѣ Бхія, убитъ Чхія! Кто будетъ моимъ стражемъ? Перебьетъ теперь всѣхъ насъ царь!

Такъ онъ думалъ. Въ ту же ночь приснился Бхіѣ сонъ; видѣлъ онъ, что войско царя изъ роду Сивалинга пошло на царя Вармадеву. И видѣлъ онъ царя Вармадева въ великой скорби.

Какъ проснулся онъ послѣ этого сна, сталъ молиться богинѣ Маракâли. Появилась ему богиня:

— Скажи, о Бхія, какая у тебя горесть?

Сложилъ Бхія руки и поклонился богинѣ.

— Царь изъ роду Сивалинга заключилъ меня въ тюрьму на восемь дней! Заключивъ меня, великою скорбью посѣтилъ моего царя! Въ этомъ моя забота!

Разбила цѣпи богиня. Вышелъ силачъ изъ тюрьмы и по ночамъ дошелъ до царя Вармадевы.

Увидалъ Царь Вармадева силача и полились у него изъ глазъ слезы. Сталъ онъ Бхіѣ говорить:

— Не говорилъ-ли я тебѣ сначала: не ходи къ царю изъ рода Сивалинга; съ лукавствомъ зоветъ онъ тебя. Убилъ онъ твоего брата Чхію и теперь пришелъ войною на насъ!

— Будь покоенъ, царь! отвѣчалъ Бхія; ужъ я сдѣлаю все какъ слѣдуетъ!

Нарядился онъ факиромъ и пошелъ въ войско царя изъ роду Сивалинга. И говоритъ онъ тамъ Викрамачандѣ: Царь Вармадева идетъ съ тобою воевать. Что же ты медлишь? Столько времени ты не ѣлъ! Пообѣдай скорѣе. Царь Вармадева пока далеко!

Стало войско обѣдать и все оружіе собрало въ одно мѣсто.

Разбилъ Бхія все это оружіе и переплылъ рѣку. И пришелъ въ камаонскую тюрьму къ сторожамъ съ приказаніемъ: Давайте дорогу!—Сторожа не послушались его; тогда онъ разбилъ двери и заразъ убилъ двадцать два человѣка, двухъ собакъ и одного попугая.

Въ нарядѣ факира сталъ онъ сторожемъ. Уничтоживъ все тутъ и разбивъ всѣхъ, пошелъ воевать съ другими. А тѣ бѣдняки какъ могли воевать? Мечи ихъ были поломаны, ни одного

не осталось въ цѣлости. Пошелъ Бхія за ними слѣдомъ и ни одного не оставилъ живымъ. Убѣжалъ только царь изъ роду Сивалинга, да четыре-пять человѣкъ совѣтниковъ.

Были тутъ два силача: старшаго звали Уда, а младшаго звали Будха изъ роду Бхакунди. Были оба силача славны въ Камаонѣ, и бѣжали тѣ силачи.

Увидалъ ихъ Бхія и сталъ стыдить: Мужи вы или женщины? кричитъ имъ вслѣдъ. И вернулись они отъ стыда. Винились передъ нимъ бѣдняки и просили жизнь пощадить. Не внялъ имъ Бхія и говоритъ:

— Говорите: всякая скорбь Катьюрскаго царя Вармадевы да падетъ на голову царя изъ роду Сивалинга Викрамачандры.

— Говорятъ они ему наоборотъ: Всякая скорбь Камаонскаго царя да падетъ на голову Катьюрскаго царя! Такъ они сказали Вытащилъ Бхія желѣзный мечъ и убилъ ихъ.

Вотъ убилъ онъ двухъ братьевъ и стоитъ, думу думаетъ.

И приходилъ тутъ пѣвецъ (Bhât), укрывъ мечъ. И говоритъ пѣвецъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Бхія, изъ роду Катаята, стоялъ на людскихъ головахъ:

— Славны и сила и храбрость твоя! Перебилъ ты столькихъ богатырей. И у меня есть надежда на подарокъ!

Вынулъ Бхія пять-шесть золотыхъ и далъ пѣвцу и далъ ему одежду носить. Говоритъ ему Бхія: Коль скажешь, всякая скорбь Катьюрскаго царя да падетъ на голову царя Камаонскаго, дамъ тебѣ много всего! Отвѣчалъ ему пѣвецъ на обороть: Всякая скорбь Камаонскаго царя да падетъ на голову Катьюрскаго царя! Говоритъ ему Бхія: Не былъ бы ты нищій, убилъ бы я тебя!

Винился пѣвецъ и говорилъ: Дай моей утробѣ, дай что нибудь! И все что ни скажешь, я скажу!

— Что ты просишь? говоритъ пѣвцу Бхія. А тотъ на чрево указываетъ и въ то же время вытащилъ мечъ, всадилъ его въ силача. Бѣжалъ пѣвецъ. Бхія вытащилъ мечъ, заткнулъ рану, побѣжалъ за нимъ слѣдомъ и убилъ его. И сказалъ пѣвецъ напослѣдокъ то, что прежде ему было силачемъ говорено. Послалъ Бхія письмо къ Катьюрскому царю.

Пришелъ царь и плакалъ. Попытался было нести силача до-

мой. Но сказалъ Бхія: Видѣть тебя хотѣлъ, и за тѣмъ посылалъ письмо. А теперь время мнѣ умирать. Глубока моя рана!

Открылъ Бхія рану и умеръ. Его жена сожглась вмѣстѣ съ нимъ.

Ушелъ катьюрскій царь домой. А камаонскій царь бѣжалъ прежде къ себѣ, спасая свою жизнь.

11.

I.

Въ твердынѣ Дотигалѣ жили два брата Нâгамалъ и Бхâгамалъ.

Бхâгамалъ владѣлъ престоломъ, а Нагамалъ ходилъ въ лѣсъ на охоту.

Была у нихъ въ домѣ служанка; звали ее Рупули. Хороша она была и родился отъ нея силачъ.

На шестомъ мѣсяцѣ проговорилъ онъ во чревѣ матери:

— Скажи мнѣ, мать, гдѣ твои родители, гдѣ домъ твоего свекра?

— Дитя, отвѣчала мать, дѣти блудницы кого зовутъ отцемъ?

Услыхалъ онъ это и гнѣвенъ сталъ. Грозенъ вышелъ изъ утробы.—Не убивай меня, говорила ему мать, у тебя дядя Нâгамалъ и отецъ твой Бхâгамалъ.

Стыдился царь Бхâгамалъ: Рабыня меня своимъ мужемъ сдѣлала! говорилъ онъ. Въ гнѣвѣ выгналъ ее, на перекрестокъ ее прогналъ.

Далъ онъ сыну имя Удія Санкури. А тотъ росъ съ каждымъ днемъ. Какъ минуло ему пять мѣсяцевъ, былъ онъ въ пять локтей. На шестомъ мѣсяцѣ шести локтей въ длину и трехъ локтей въ ширину. Стали звать его: Дотигальскій силачъ Удія Санкури. На шестнадцатомъ мѣсяцѣ былъ онъ шестнадцати локтей въ длину и осьми въ ширину. На тридцать второмъ мѣсяцѣ былъ онъ тридцати двухъ локтей въ длину и шестнадцати въ ширину. Какъ гора былъ онъ толстъ.

Грабилъ всѣхъ онъ въ Дотигалѣ, жирнымъ козамъ не давалъ

пастись, по дорогѣ путниковъ останавливалъ, мѣшалъ дѣвамъ замужъ выходить, у купцовъ въ лавкахъ воровалъ.

Приходила вѣсть о томъ къ царю Бхâгамалѣ: Такъ и такъ, насъ тревожитъ Удія Санкури. Безъ закона живутъ въ твоихъ владѣніяхъ, и стоитъ городъ, весь разграбленъ!

II.

Посылалъ царь Бхâгамалъ письмо къ царю Кальяначандѣ. Писалъ онъ въ письмѣ: Съ силачами бьются силачи. Съ войскомъ бьется войско. Приводи свои стаи. Ты да я станемъ воевать! Коль не приведешь своихъ силачей, разграблю я твою Камаонскую страну!

Пошелъ въ Камаонъ Лалутхайнъ посолъ и пришелъ къ царю Кальяначандѣ.

Сидѣлъ въ то время царь въ судѣ и весь совѣтъ былъ кругомъ него: Kaiḍo, Voharo, Bhakûni, Bhaisaḍo, Ḍhika, Karaida, два совѣтника изъ Kûṭalagaḍha: Syûrâja да Bhyurâja, оба изъ рода Mahara.

Подалъ Лалутхайнъ царю письмо и сталъ его тотъ читать; какъ прочелъ вѣсть, засмѣялся сначала, о здоровьѣ спрашивалъ, а затѣмъ подъ конецъ задумался.

Заперъ царь судъ, пересталъ рѣшать дѣла и сидѣлъ, раздумывая.—Почему царскій судъ запертъ сегодня? думали истецъ и отвѣтчикъ.

— Вотъ седьмой день, какъ царь въ судъ не идетъ! говорили Сьюрâжа и Бьюрâжа. И шли оба къ царю во дворецъ.

— Почему ты заперъ судъ? говорили они царю. — Не тревожьте меня! отвѣчалъ царь и бросилъ совѣтникамъ письмо.

Какъ прочли совѣтники письмо и узнали вѣсти, говорили они царю: Ты безуменъ! Отказался отъ ѣды и питья, ничего не хочешь знать и судъ заперъ! Станутъ биться силачи съ силачами и сражаться войско съ войскомъ. Судъ твори, ѣшь и пей! Поклянись въ томъ народу!

Всталъ на радостахъ царь и пошелъ онъ въ судъ, гдѣ рѣшенія давалъ. А Сьюрâжа и Бьюрâжа отвѣтъ на письмо пи-

сали: Будутъ биться наши силачи съ силачами и войско съ войскомъ.

Отписали письма въ четыре стороны: Всѣ, кто старше десяти лѣтъ и моложе пятидесяти, по домамъ спрячутся, шеи тѣмъ перерубимъ, и добро ихъ разграбимъ!

Сошлись всѣ въ Чампавати, собрался туда народъ съ четырехъ сторонъ. Двигались стаи по дорогѣ, въ Дотигаль. И блестѣло оружіе, какъ молнія блеститъ. Какъ пришли они въ Дотигаль, не нашли тамъ силачей.

Разлилась рѣка Кâли; какъ вернулись они къ границамъ въ Чампавати, не нашли тутъ переправы и стали лагеремъ у Тамбукали.

Семь дней, семь ночей не переправлялись чрезъ Кâли.

— Трудно чрезъ Кâли переправляться! говорилъ царь Кальяначанда.

— Коль дашь бакшишъ, говорили Сьюрâжа и Бьюрâжа, такъ переправимся! Обѣщалъ царь: Четыре деревни въ долинахъ, четыре деревни въ горахъ дамъ вамъ!

III.

Въ Дьоки-котѣ жило семеро братьевъ отъ рожденія холостыхъ.

Призывалъ ихъ царь и обѣщалъ семи братьямъ сыграть ихъ свадьбы.

Пошли семь братьевъ въ рѣку Кâли и какъ вбили туда столбъ, потекла верхняя рѣка вверхъ, а нижняя внизъ, и перешло войско.

Въ Бхумгвâли стало войско воевать, а у Бадьяли собрались стаи дотигальскаго царя. И стали тутъ письмами пересылаться.

Услыхалъ Удія Санкури, что въ Бхумгвâли кто-то стоитъ; дошла къ нему вѣсть, что пришли туда какіе-то силачи.

Изготовилъ онъ желѣзный лукъ, вѣсомъ въ сто *манъ*, и тетиву желѣзную въ двадцать *манъ*. Бросилъ лукъ въ Бхумгвâли и попалъ туда.—Кто этотъ лукъ натянетъ, писалъ онъ на лукѣ, стану съ тѣмъ воевать!

Какъ упалъ лукъ у рѣки Тамбукали къ царю Кальяначандѣ, сталъ царь думать, силачей искать. Были тамъ два брата, изъ Сауни-Дунгара, Кâлусауна и Путали-Сауна.

Говорилъ Кâлусауна царю: Оставилъ Путали-Сауна въ домѣ юнаго сына и пришелъ сюда, самъ пришелъ сюда. Коль я на силача укажу, какой подарокъ получу?

— Восемь деревень въ равнинахъ и четыре деревни въ горахъ дамъ тебѣ! отвѣчалъ царь.

— Медасауна, Путали-Сауна сынъ, силачъ!

— Какъ же тотъ силачъ тамъ выказался? спрашавалъ царь.

— Поѣдалъ всякой ѣды столько, сколько двадцати человѣкамъ лишь снести, и пшеницы столько, сколько тридцати человѣкамъ лишь снести, да сластей одинъ *манъ*.

Первое дѣло силача.

— На поля онъ одинъ набрасывалъ столько удобренія, сколько на тридцати телегахъ лишь свезти.

Второе дѣло силача.

Призвалъ царь Путали-Сауна. Говорилъ онъ ему: Навоевался ты, и все, что смогъ, то ты сдѣлалъ. Такъ говорятъ. Ступай ты теперь домой!

IV.

Отправлялись послы и письмо писалось. Шли послы въ Сауни-Дунгаръ. Говорили тѣмъ посламъ: Не ходите этою дорогою, тою дорогою пошелъ Путали-Сауна!

Скоро шли послы и въ одинъ день прошли семидневный путь.

Вотъ пришли послы въ Сауни-дунгаръ и подавали письмо Мадасауну. Почиталъ онъ письмо и о здоровьи спросилъ, почиталъ еще и разсмѣялся, въ третій разъ почиталъ и разгнѣвался.

Далъ посламъ козу, рису, масла, *dâl* [1]) соли, чашу для воды и чашу для варенія, все онъ далъ и пошелъ самъ обѣдать. Наварили послы рису, а козы не смогли убить.

Сталъ онъ съ матерью говорить и сказалъ:

— Въ дотигальское войско пойду, матушка.

— Не ходи! говорила мать, брала въ руки посохъ, по

---

[1]) *dâl*, Bate, s. v. a kind of split pea much used for food или же a species of grain (Paspalum fumentaceum).

спинѣ его била: Двѣнадцать лѣтъ тебѣ, какъ ты станешь воевать? Тамъ силачъ вышиною въ тридцать два локтя, шириною въ шестнадцать локтей. Не силенъ ты съ нимъ воевать. Всѣмъ, кто пришелъ туда, по осьмнадцати лѣтъ, и никто не убилъ его. Не убить и тебѣ его!

Говорила ему мать еще: Твой отецъ тамъ; какъ ты уйдешь, кто же въ домѣ останется? Десять *коти* [1]) запасовъ, десять *коти* денегъ, одинъ *коти* оружія, восемь *коти* одѣяній, кому все это поручишь? Буйволовъ стадо, коровъ стадо, козъ стадо. Чануву, что козъ пасетъ, Бхагіу, что коровъ стережетъ, козъ съ четырьмя рогами, собаку Жхупуву, кошку Лакхму, двѣ пары мельницъ, поля, лѣса, равнины, кому ты все это поручишь?

— Въ Раманатъ, въ Жаганнатъ, въ Бадринатъ, въ Гаю, въ Кâси [2]) мы ходили, семь разъ коровъ дарили, и родился ты одинъ сынъ!

— Не ходи ты туда. Ты навѣрно умрешь.

У царя, говорилъ сынъ, скорбь. Иду въ дотигальское войско. Коль напечешь мнѣ что либо и дашь, я поѣмъ; коль нѣтъ, я все-таки пойду!

— Семь свадебъ, говорила мать, сыграю тебѣ! Не твой ли отецъ тамъ?

V.

Какъ говорила мать съ сыномъ, а послы въ это время не смогли убить козы. Пошелъ Медасауна къ посламъ. Однимъ взмахомъ убилъ козу, отрубилъ ей голову и отнесъ голову домой, а всю козу отдалъ посламъ. Стали ѣсть послы.

Много пугала его старуха мать, и гнѣвался Медасауна. Нагъ и голоденъ онъ пошелъ въ Дотигалъ.

Шелъ онъ два дня по дорогѣ и пришелъ къ дому стараго брâхмана. Повстрѣчалъ онъ на дорогѣ брâхманку Канголи.

— Изъ какихъ ты мѣстъ и куда идешь? спросила его брâхманка.

---

[1]) koṭi, т. е. десять милліоновъ.
[2]) Здѣсь перечисляются святыя мѣста.

— Путалисауна я, сынъ Медасауна. Въ Дотигалъ я иду!

— Ты нагъ и голоденъ! Почти отца, поклонись ему и иди къ намъ въ домъ! Покормлю тебя, одѣну и оружія дамъ!

Шелъ онъ въ домъ брâхмана, ѣлъ и пилъ тамъ и старому брâхману въ ноги кланялся.

Собиралъ ему брâхманъ ѣду, золотую чашу въ руки далъ, указалъ водопадъ, гдѣ омыться.

Омылся онъ и вечернія моленія свершилъ, пришелъ въ домъ брâхмана. Ѣлъ и пилъ тамъ.

Научала его брâхманка, какъ оружіе просить:

— Проглоти пять кусочковъ и оставь ѣду; и какъ скажетъ отецъ: почему ты не ѣшъ? ты проси у него слово сказать. Въ нашемъ домѣ есть мечъ (Raṇajit), побѣдитель въ бояхъ! Какъ бросишь его въ землю, на пять ярдовъ онъ уйдетъ; бросишь въ небо, на цѣлую іожану [1]) онъ уйдетъ. Бросишь въ войско, перебьетъ мечъ двѣсти человѣкъ. А какъ бросишь этотъ мечь въ голову Удіи Санкури, разобьется его голова въ кусочки. И какъ позволитъ тебѣ отецъ говорить, проси у него меча, «побѣдителя въ бояхъ» отдастъ отецъ тебѣ его, навѣрно.

Съѣлъ онъ ѣды цѣлый манъ. Отдалъ брâхманъ ему мечъ, и пошелъ Медасауна въ Дотигалъ.

Увидалъ онъ у дотигальской крѣпости Бхумгвâли (Bhûmgvâli) желѣзный лукъ въ сто манъ, въ одинъ манъ желѣзный шаръ. И говоритъ самъ себѣ: Не зачѣмъ теперь итти къ царю, сдѣлаю сначала свое дѣло! А потомъ съ царемъ повидаюсь!

Посмотрѣлъ на лукъ и разсердился. Сталъ онъ лукъ бросать, зазвенѣло въ ушахъ у Удіи Санкури.—Сегодня мой врагъ пришелъ! Сдвинулъ мой лукъ! говорилъ тотъ про себя.

Бросилъ Медасаунъ во врага желѣзный шаръ въ одинъ манъ и попалъ шаромъ въ голову; полумертвъ сталъ Удія Санкури. Попалъ ему въ ноги желѣзный лукъ, во сто манъ, и оторвалъ ногу.

Пошелъ Медасауна самъ посмотрѣть и что же увидѣлъ? Си-

---

[1]) *іожана*, объ этой мѣрѣ см. Cunningham the Ancient Geography стр. 571. Yojana=4 kos. или 8 м.

дитъ Удія Санкури, а на землѣ лежитъ нога; двумя руками за голову держитъ.

— Коль ты силачъ, иди биться! говорилъ ему Медасауна. Всталъ Удія Санкури, и былъ бой между двумя.

Семь дней, семь ночей они бились. Говорилъ Медасауна:

— Посмотри-ка, братъ, на небо! Завсегда звѣзды ночью, а сегодня звѣзды днемъ видны. Завсегда днемъ звѣзды бѣлы, а сегодня звѣзды желты!

И взглянулъ тотъ на небо; тутъ бросилъ Медасауна мечъ «побѣдитель въ битвахъ» и попалъ ему чрезъ грудь, въ спину. Какъ гора повалился Удія Санкури и ушелъ въ небо.

Пошелъ Медасуана въ крѣпость Бхумгвâли и тащилъ съ собою голову Удіи Санкури. Восемь человѣкъ съ трудомъ понесли ту голову и положили предъ царемъ. Поклонился Медасауна царю.

Увидалъ его царь и обрадовался. Былъ слабъ, сталъ силенъ. Посылалъ царь за брадобреемъ и прачкою. Приказалъ всѣмъ одежду вымыть. Ограбилъ царь Дотигалъ.

Подарилъ онъ силачу двѣнадцать деревень въ равнинахъ и двѣнадцать въ горахъ. Безъ налоговъ отдалъ ихъ, и сталъ Медасауна господиномъ и равнинъ и горъ.

Приказалъ царь тѣмъ селянамъ: Коль убьетъ кто козу, отдавай ему ногу, дочь ли замужъ кто станетъ выдавать, подавай ему (Медасауна) рупи. Безъ платы будьте ему слугами и въ первый день мѣсяца Пауши приносы ему давайте.

Ушелъ царь Кальяначанда въ Чампавати и давалъ народу бакшишъ.

12.

Въ Дотіячхâмѣ (Doṭîyâ châma) родился царь Бхаватъ-чандъ. У него былъ сынъ Gañgânâthâ. У него былъ сынъ Mâpilyûḍî.

Сдѣлался Gañgânâthâ факиромъ. Ходилъ онъ изъ Malîḍoṭi въ Talîḍoṭî, изъ Talîḍoṭî въ Sora, изъ Sora въ Kuma, изъ Kuma въ Sâlama.

Пришелъ Gañgânâthâ въ Sâlama и встрѣтилъ тамъ брâхманку Bhânâ. Брахманка Bhânâ была жена *Жоси* [1]). Уговорилъ Gañgânâthâ брâхманку и увелъ ее въ Sâlama, на гору Dyoladhurâ. Тамъ онъ завелъ коровъ, буйволовъ и жилъ какъ мирянинъ. Услыхалъ обо всемъ этомъ Жоси и разгнѣвался.

Пошли (разъ) Жоси съ Gañgânâth'омъ на охоту. А Bhânâ брâхманка слѣдомъ пошла, подглядѣть, куда тѣ двое пойдутъ. Заткнула за поясъ золотой ножъ, какъ будто шла траву рѣзать.

Жоси спряталъ тамъ человѣкъ тридцать или сорокъ и вышелъ охотиться съ четырьмя-пятью людьми.

Выстрѣлилъ одинъ человѣкъ въ Gañgânâth'a; въ грудь, подъмышку попала пуля. Платкомъ Gâñgânâthâ заткнулъ рану и перебилъ четырехъ-пять человѣкъ Жосіевъ.

Сѣлъ Gañgânâthâ въ одномъ мѣстѣ, Bhânâ брâхманка пришла и сѣла подлѣ него.

— Ты какъ сюда въ лѣсъ пришла? спросилъ онъ ее.

— Говорено тебѣ было прежде, не ходи съ ними. Какъ ты пошелъ, и я слѣдомъ пошла посмотрѣть, что они станутъ дѣлать! отвѣчала такъ Bhânâ брâхманка.

Пока они такъ говорили, пришли туда тридцать-сорокъ человѣкъ съ палками. Били они Gañgânâth'a; убилъ онъ человѣкъ пять или семь. Тогда всѣ напали на него и убили Gañgânâth'a.

Плѣнили они брахманку Bhânâ; она была беременна, на десятомъ мѣсяцѣ. Разрѣзали ей брюхо и выбросили Ратанія (Ratanіyâ). Зарыли они мальчика въ песокъ.

Стали эти люди совѣщаться: Пастухъ Жханарувалваръ, что стережетъ коровъ и буйволовъ Gañgânâth'a,—силачъ; какъ его убить?—И сказали они: Какъ загонитъ онъ скотъ въ хлѣвъ и заснетъ, тогда обложимъ извнѣ хлѣвъ огнемъ.

Загналъ Жханарувалваръ скотъ въ хлѣвъ; поѣлъ и заснулъ. Обложили они хлѣвъ огнемъ и погибъ пастухъ.

Gañgânâthâ, брâхманка Bhânâ, Ратанія, пастухъ, коровы, буйволы сдѣлались демонами.

---

[1]) О Жоси, см. сказку 20, примѣч. 1.

Мужчинъ хватаютъ бхуты мужскаго пола, женщинъ Bhânâ брâхманка.

Поѣли они всѣхъ тѣхъ, кто ихъ убилъ.

Куда бы ни пришли, всюду ихъ чтятъ, и тѣмъ, кто ихъ чтитъ, они добро дѣлаютъ.

Мужчины и женщины пляшутъ, поютъ и бьютъ въ барабаны въ ихъ честь!

13.

Ткачъ [1]) *Жхулâ* выдалъ свою дочь за ткача Kâlâ. Выдалъ дочь, свадьбу съигралъ и пошелъ домой.

Не захотѣла молодая ни ѣсть, ни оставаться въ домѣ свекрови. Убѣжала къ матери. За ней по слѣдамъ пошелъ вмѣстѣ мужъ. И сталъ онъ просить у тестя жену назадъ.

— Дочь я отдалъ тебѣ, говоритъ тесть, и отошлю ее къ тебѣ назадъ; но и ты исполни мое приказаніе: отъ времени до времени дай намъ посмотрѣть другъ на друга.

Зять согласился, пошелъ домой и жену повелъ съ собою. Цѣлый годъ жила она въ домѣ свекрови и мужу повиновалась.

Вотъ Жхулâ, ткачъ-силачъ, говоритъ самъ себѣ: Столько дней прошло, а дочь моя не приходила, не видалъ ее со времени дождей.

Напекъ онъ блиновъ, надѣлъ нарукавники, взялъ мечъ и сѣлъ на коня.

Пришелъ къ зятю и сталъ ему говорить: Сколько дней прошло, а ты жены почему не присылалъ?

— Была она глупенька, говорилъ тотъ, и не хотѣла къ тебѣ идти; стала теперь женою и придетъ къ тебѣ!

Говоритъ тесть: Сегодня у меня, тамъ въ домѣ, богамъ пужâ свершается! Идите вы оба.

---

[1]) Ткачъ *Kolî;* объ нихъ Sherring l. c. стр. 345 говоритъ: The Kolîs are reputed to be partly of a Bais Rapjpoot origin. Но въ Камаонѣ, около Алморы ихъ считаютъ одного происхожденія съ Думами.

Вотъ ѣдетъ верхомъ Жхулâ-ткачъ и говоритъ зятю: Впереди лежитъ молодой буйволъ, подними его.

Зять отвѣчаетъ: Такой ты человѣкъ, верхомъ ѣздишь! Можешь козлятъ побить и ѣсть! Коль этого ты хочешь, такъ не подниму же.

А тесть отвѣчаетъ: Этотъ теленокъ намъ на ѣду, вѣдь и ты станешь его ѣсть.

— Не стану его ѣсть и не подниму! говоритъ зять и далъ онъ клятву: Коль этого съѣмъ, такъ и твое мясо поѣмъ.

Слѣзъ съ коня тесть, подобралъ теленка, завязалъ въ платокъ, сѣлъ верхомъ и положилъ около себя ношу. Такъ и поѣхалъ домой. Пріѣхалъ домой и говоритъ своей женѣ: Въ большой ложкѣ сдѣлай дырку, зятю свари супъ изъ овощей, а сюда налей супъ телячій. Какъ станешь ты насъ одѣлять супомъ телячьимъ, нападаютъ капли и къ зятю въ чашку.

Изготовили обѣдъ и позвали зятя въ домъ. Сколько было у тестя сыновей, пять шесть человѣкъ, всѣхъ усадили. Какъ одѣляли ихъ телячьимъ супомъ, нападали капли въ ѣду зятя. Какъ нападали капли въ чашу къ зятю, и говоритъ тесть: Зять! ѣшь супъ!—А тотъ отвѣчаетъ: Далъ я клятву и не стану ѣсть. На этотъ отвѣтъ говоритъ тесть: Ѣшь! Не думай о томъ! И говоритъ тесть женѣ: Одѣли зятя, пусть онъ попробуетъ! Зять и поѣлъ. Поѣлъ, напился и руки вымылъ.

Сталъ тутъ ткачъ Жхулâ думать: Сперва далъ клятву, а потомъ ѣлъ! И говоритъ онъ зятю: Не вкусно это мясо. Пойдемъ, поищемъ мяса куропатки; ея мясо отлично.

Взяли они, двое, мечи и ружья, взяли пару собакъ и пошли. Цѣлый день искали куропатокъ и какъ шли домой, говоритъ тесть зятю:

— Вотъ и поѣлъ ты того мяса; что же изъ этого вышло?

Отвѣчаетъ зять: Не ѣлъ я, ты же сталъ мнѣ говорить: отчего не ѣшь мяса, что я принесъ? Какъ же было мнѣ не ѣсть? Какъ ты сказалъ: ѣшь, я и поѣлъ!

Говоритъ тесть: Не ты ли далъ клятву: коль этого мяса поѣмъ, такъ и твоего мяса съѣмъ! —Разсердился тутъ тесть и мечемъ разсѣкъ зятя.

Пришелъ домой и сталъ рѣзать мясо.

Вотъ спрашиваетъ его дочь: Гдѣ твой зять?

— Гдѣ нибудь, отвѣчаетъ онъ, придетъ послѣ.

Всю ночь надѣялась дочь, что мужъ придетъ, и когда онъ не пришелъ, стала плакать.

Говоритъ ей отецъ: Не кручинься! Ѣшь пищу!—Она же не ѣла.

Пошла къ отцу и стала говорить ему. Онъ и сказалъ ей: Поспорили мы съ зятемъ, и убилъ я его въ сердцахъ. Ты теперь отъ ѣды не отказывайся! Найду тебѣ другаго мужа!

— Что было, то было! говоритъ она ему,--готовь теперь костеръ, а я не буду ѣсть.

Вотъ самъ отецъ принесъ мертвое тѣло. И положила тутъ дочь на отца съ матерью клятву, а сама сожглась вмѣстѣ съ мужемъ.

И съ тѣхъ поръ не было имъ никогда хорошо, всѣ ихъ дѣти померли.

14.

На востокѣ родился царь Хари. И было у него два сына: Пади, Сади. На западѣ родился царь Чанда и былъ у него одинъ сынъ Гангâ.

Сказалъ однажды царь Хари сыновьямъ: Учитесь, сыны, воинскому дѣлу. Какъ будетъ мнѣ трудность какая, пошлю васъ воевать. И опредѣлилъ царь къ нимъ учителя; училъ тотъ ихъ воинскому дѣлу.

Пришелъ однажды учитель къ царю. Поклонился царь учителю и говоритъ: Учитель! Сыновья мои выучились ли чему нибудь?

— Посмотри, царь, самъ! отвѣчалъ учитель.

Проэкзаменовалъ сыновей царь, остался доволенъ и учителя наградилъ.

Чрезъ шесть мѣсяцевъ началась у царя Хари война съ царемъ Чанда, и былъ Пади въ той войнѣ побѣжденъ, а Сади побѣдилъ.

Разсердился царь Хари на сына и прогналъ *Пади* изъ своей страны.

Шелъ, шелъ Пади и пришелъ въ Чампавати, къ царю Ратаначандѣ. Не узналъ его царь Ратаначанда и спрашиваетъ: Ты кто?

— Я Пади, сынъ восточнаго царя Хари. Воевалъ мой отецъ съ царемъ Чанда. Я да братъ Сади были въ той войнѣ силачами. И побѣдилъ братъ Сади въ той войнѣ, а я былъ побѣжденъ. Прогналъ меня за это отецъ; вотъ я и пришелъ подъ твою защиту. Убей меня или оставь живымъ; тебѣ я принадлежу, что хочешь, то и дѣлай со мною!

— Не горюй! сказалъ царь Ратаначанда:—Отнынѣ будь моимъ силачемъ. Живи постоянно со мною: ѣсть, пить стану давать тебѣ.

— Хорошо! согласился Пади.—Буду жить съ тобою!

Разослалъ царь Хари письма по четыремъ странамъ, и писалъ: У какого царя въ царствѣ мой сынъ Пади укрывается, съ тѣмъ стану воевать!

Нигдѣ не нашелся Пади и только послѣ многихъ трудовъ нашли его въ домѣ царя Ратаначанда. Писалъ царь Ратаначанда: Твой сынъ Пади у меня въ домѣ, въ Чампавати. Ты говоришь: идешь воевать! Хороши твои слова, готовы мы воевать!

Взялъ царь Хари свое войско и пришелъ въ Чампавати воевать; какъ пришелъ въ Чампавати, увидалъ своего сына Пади. Сталъ онъ звать сына, а тотъ не пошелъ.

Начался бой, разбилъ Пади войско отца и брата, заковалъ въ цѣпи отца съ братомъ и привелъ ихъ къ царю Ратаначанда.

Сказалъ царь Ратаначанда царю Хари: Говори, что будешь дѣлать теперь?

— Стану еще воевать! отвѣчалъ царь Хари.—Пусть сразятся мои силачи съ твоими.

— Хорошо! согласился царь Ратаначанда, и сразились Пади и Сади. Убилъ Пади брата Сади.

— Что теперь? спрашиваетъ опять царь Ратаначанда царя Хари.

— Отпусти меня! Пойду домой, приведу другое войско!

Отпустилъ его царь Ратаначанда. Пошелъ Хари домой и привелъ въ Чампавати другое войско. И это войско Пади разбилъ.

Застыдился Хари и говоритъ царю Ратаначанда: Одну вещь попрошу у тебя, царь!

— Что просишь? спросилъ тотъ.

— Отдай мнѣ теперь сына!

— Не прогналъ ли ты роднаго сына? А теперь его просишь? сказалъ царь Ратаначанда.

— Согрѣшилъ я сильно предъ тобою, царь! Прости меня! отвѣчалъ Хари.

— Ты пойдешь ли съ роднымъ отцомъ? спрашивалъ у Пади Ратаначанда.

— Какъ ты прикажешь! отвѣчалъ тотъ.

— Хорошо! Такъ ступай же!—И далъ ему царь Ратаначанда войско; давалъ ему денегъ, слоновъ, коней, быковъ, и пошелъ домой Пади.

Оставилъ Хари царство и сдѣлалъ сына царемъ.

Изготовился Пади воевать съ царемъ Чанда и разбилъ все его войско. Домой пошелъ по дорогѣ, чрезъ Чампавати, и свидѣлся съ Ратаначанда. Увидалъ его Ратаначанда и сильно обрадовался; какъ сталъ Пади домой собираться, подарилъ ему денегъ много и добра. И деньги, и добро отнесъ домой Пади.

Чрезъ шесть мѣсяцевъ позвалъ Ратаначанда Пади; подарилъ ему полцарства и выдалъ за него свою дочь. Много радовался царь Ратаначанда.

— Когда ты будешь въ затрудненіи, говорилъ царь Ратаначанда, зови меня! Коль я буду въ затрудненіи, позову тебя.

Давалъ Пади царю свое слово, а царь далъ ему свое. Сыгралъ Пади свадьбу, вернулся домой и сталъ царствовать.

15.

Въ Гайлкотѣ родился царь Харахитъ. Было у Харахита семь братьевъ. И былъ имъ отцемъ Ранажитъ-хитъ.

Владѣли они семью деревнями въ равнинахъ и семью деревнями въ горахъ.

— Пойдемъ, сказалъ Харахитъ, въ равнины сѣять.

И пошелъ сынъ доблестной матери въ равнины. Пять братьевъ пошли съ нимъ сѣять, а два брата буйволовъ стеречь.

Приходилъ туда Суникатайта и плѣнилъ Ранажитъ-хита, отца Харахита; пришелъ къ себѣ и заключилъ плѣнника въ тюрьму, заставилъ его на мельницѣ муку молоть.

Какъ былъ Харахитъ въ равнинахъ, пришелъ къ нему во снѣ отецъ Ранажитъ-хитъ.— Что случилось съ моимъ отцемъ? говорилъ Харахитъ; или плѣнилъ его какой нибудь силачъ?

Сказалъ онъ братьямъ: Такой-то сонъ видѣлъ я въ прошлую ночь! Пойду посмотрѣть на домъ!

Пошелъ по дорогѣ домой сынъ доблестной матери. Пришелъ домой, осмотрѣлъ весь домъ и не нашелъ ни старухи, ни старика. Все добро разграблено и покрадено.

Снился старухѣ сонъ, что пришелъ одинъ сынъ въ домъ; говорила она старику: Въ прошлую ночь видѣла я такой-то сонъ!

Отвѣчалъ старикъ: Въ прошлую ночь видѣлъ я свѣтъ въ родномъ Гайлькотѣ. Какой мой сынъ пришелъ туда?

— Семь у меня сыновъ въ равнинахъ, говорилъ старикъ,— какой же мой сынъ пришелъ туда?

Семь дней Харахитъ голодалъ, Ранажитъ-хитъ восемъ дней голодалъ.

— Кто нашъ домъ сдѣлалъ таковымъ? спрашивалъ сосѣдей Харахитъ.

— Семь братьевъ Катайтовъ приходили; они весь вредъ тебѣ сдѣлали! говорили сосѣди.

Услыхали Катайты вѣсть: Харахитъ вернулся въ Гайлкотъ, семь снохъ пришли съ нимъ! Теперь вотъ что сдѣлаемъ: пойдемъ туда и семь снохъ уведемъ! говорили они сами съ собою.

Пошли семь братьевъ въ Гайлкотъ. Издали стали кричать: Кто въ городѣ? Кто тамъ живетъ?

Закричалъ имъ Харахитъ: Коль вы изъ чреслъ своей матери родились, такъ идите сюда!

Пришли туда семь братьевъ и говорилъ имъ Харахитъ: Коль станете биться одинъ на одинъ, такъ это справедливо!

*

И набросали по колѣнъ rîṭhâ [1]), отмѣрили поле въ сорокъ локтей, развернули на шестахъ знамена въ пять сотъ локтей. А Харахитъ семь дней голодалъ.

Говорилъ онъ: Коль вы сыны вашего отца, такъ одинъ на одинъ станете биться! Коль вы не сыны вашего отца, такъ семеро за разъ нападете на меня!

Говорили Катайты: Коль пойдемъ по одиночкѣ, такъ не совладать намъ съ нимъ! Коль нападемъ всѣ семеро заразъ, не сыны мы нашего отца!

Пошелъ старшій изъ нихъ и сразился съ Харахитомъ. Потресся міръ Индры и говорили тамъ: Кто это бьется? Откуда такой трескъ?

Семь дней, семь ночей прошли, а битва не кончалась. Вотъ бросилъ Харахитъ, какъ тыкву, врага; и разбилась вражья голова на семь частей.

Наступили тутъ шесть братьевъ Катайтовъ и говорили: Коль ты сынъ своего отца, такъ бейся съ нами!

Отъ боеваго грома поднялись Индра и змѣй *Çekha* [2]).

— Какой силачъ сталъ биться? говорили они.

По колѣно набросали шаровъ; на полѣ въ сорокъ локтей стояло знамя на шестѣ въ пять сотъ локтей.

Семь дней, семь ночей они бились.—Вы мое добро разграбили, и отца заставили на мельницѣ молоть! сказалъ Харахитъ, и схвативъ братьевъ за косы, побросалъ ихъ въ разныя стороны, за двадцать *кось* [3]).

— Увидалъ я дымъ враговъ! Пойду въ Катайтакотъ, посмотрю на дымъ Катайтакота!

И пошелъ онъ дорогою въ Катайтакотъ. Какъ пришелъ онъ туда, испугался отецъ Катайта и укрылся въ яму.

Испугались семь его снохъ: Перебьетъ онъ насъ всѣхъ! Вотъ что сдѣлаемъ: будемъ ласковы съ нимъ, какъ съ зятемъ.

---

[1]) rîṭhâ, косточка извѣстнаго плода (Sapindus emarginatus или Sapanaria) употребляется вмѣсто стрѣлъ, при стрѣльбѣ изъ лука.

[2]) *Çekhanâg* или вѣрнѣе Çeshanâga, см. Bate, s. v.

[3]) О значеніи *kos*, см. сказку 3, примѣчанія.

— Иди, зять! Иди, зять! говорили онѣ ему. Испугались и старуха со старикомъ. У Харахита въ усахъ воронъ гнѣздо свилъ, въ ноздряхъ птица *Чалâ* гнѣздо свила.

Вышелъ отецъ Катайта изъ ямы и говорилъ: Иди, сынъ, садись!

— Не назвалъ бы ты меня сыномъ, такъ изжарилъ бы тебя въ маслѣ, на сковородѣ; а теперь что сдѣлаю? Что въ умѣ, то въ умѣ, хорошо! Гдѣ мой отецъ съ матерью?

Такъ говорилъ Харахитъ. Указалъ ему Катайта, гдѣ его отецъ съ матерью. Освободилъ ихъ Харахитъ. Выкупалъ, вымылъ ихъ, обрилъ, въ бѣлыя одежды нарядилъ и по головѣ деньгами провелъ [1]).

— Харахитъ, ты мой сынъ! говорилъ отецъ.

Послалъ Харахитъ письмо братьямъ въ равнины и писалъ: Привозите соли, сахару, табаку; приходите сюда!

Завладѣлъ онъ всѣмъ Катайтакотомъ; семь снохъ Катайта стали ему женами. Сталъ самъ царствовать тамъ, отца съ матерью и братьевъ отослалъ въ Гайлкотъ.

Разсердился Катайта и пошелъ войною на Харахита. И побилъ Харахитъ его опять.

Въ равнинахъ жили его братья, въ Гайлкотѣ отецъ съ матерью, въ Катайкотѣ самъ Харахитъ.

16.

О другъ! въ Гал-бханарѣ, въ Бханарикотѣ, родился Бханарикâлâ.

Въ Чаръ-чаукотѣ родилась Удьяни-малâ, дочь Дуламанрвалâ. Тонка — ладонью обнять, какъ полная луна — хороша, или какъ nimbû [2]) въ мѣсяцъ картикъ [3]). Коровъ, буйволовъ, козъ стада пасъ Бханарикâлâ. О другъ, перекинулъ онъ чрезъ плечо плащъ

---

[1]) *nimchyol*, о чемъ см. ниже 18, примѣч.

[2]) nimbû. Citrus acida.

[3]) Kârtik соотвѣтствуетъ октябрю, ноябрю.

(gânî) изъ vadalâ [1]), посохъ взялъ въ руки; и въ лѣсу Lekhamâlî какъ игралъ онъ на свирѣли! О другъ, славный мой герой!

Слушай, другъ, разъ жена Дуламанрвала pâluri-траву рѣзать выходила. Говорила ей дочь: Мать, мать! Сегодня pâluri-траву пойду рѣзать съ тобою! Ты траву рѣжь, я снопы стану вязать!

Отвѣчала мать: Погибай ты! И да помрутъ твои дѣти! Что ты сдѣлаешъ? Въ домѣ сверху внизъ сойдешь, и ногу потерла! Ты похлебку сосешъ и, не доѣвъ, бросаешь! Тебѣ ли pâluri-траву рѣзать?

— Убей меня, мать, зарѣжь! Но съ тобою я пойду! говорила дочь.

Впереди шла мать, позади шла дочь; pâluri-траву рѣзать шли онѣ по дорогѣ. О другъ, славный мой герой!

Pâlûri-траву она рѣзала и по сторонамъ смотрѣла:

— Не слышна свирѣль! О Нараяна, о владыка міра! Что случилось? Какъ кузнечекъ онъ кричалъ, а сегодня молчитъ: что случилось? Что сталось съ нимъ?

И узналъ тутъ Бханари, что pâlûri-траву пришла рѣзать Удьяни: Свирѣль, свирѣль, поиграй ты но сердцу! Обошью тебя золотомъ! Не сыграешь по сердцу, разобью тебя и колышковъ нащиплю изъ тебя, листы сшивать [2])!

На верхней, на нижней скалѣ онъ стоялъ и какъ онъ на свирѣли игралъ, о другъ, славный мой герой!

И понесся первый звукъ въ преисподнюю, до ушей Ваисингія змѣя. Второй звукъ услышалъ въ небѣ Индра-царь, пять боговъ на землѣ услышали третій звукъ и четвертый звукъ долетѣлъ до ушей Удьяни. О другъ, славный мой герой!

И какъ долетѣлъ звукъ до ушей Удьяни, къ матери она бѣжала: Мать, о мать моя! Какой кузнечикъ поетъ? говорила дочь.

— Умирай ты, погибай! Да помрутъ твои кобылы. И зачѣмъ ты не посидишь? Нѣтъ тутъ кузнечика! Изъ Бханарикота вдовій сынъ, Бханари-kâlâ волъ на свирѣли играетъ.—Такъ бранилась мать.

---

[1]) vadalâ грубая ткань, родъ цыновки. *Gânî* плащь, чрезъ плечо.

[2]) Сшивать листья, чтобы дѣлать чашечки или сосуды для ѣды, питья.

— И каковъ же тотъ, кто на свирѣли такъ славно играетъ! Такъ говорила Удьяни. О другъ, славный мой герой! И любила она Бханарикâлâ.

— Какъ мнѣ свидѣться съ нимъ? въ умѣ думала и рѣшила: На завтра погоню поить коровъ, буйволовъ Онъ придетъ и свидимся мы! О другъ, славный мой герой!

Слушай, другъ, какъ Удьяни и Бханарикâлâ свидѣлись.

Pâluri-траву нарѣзавъ, какъ пришла домой Удьяни, къ буйволамъ, въ хлѣвъ она снѣшила. — Братъ Мадхія, братъ, пастуху она говорила: притворись ты завтра больнымъ и въ лѣсъ не ходи. Подарю тебѣ одежду съ оторванными завязками; надарю тебѣ старой, поношенной одежды!

Услыхалъ Мадхія эти слова и увѣрилъ Удьяни: Хорошо, сестра, не пойду завтра въ лѣсъ, и что ты хочешь, то сдѣлаю! И какъ настала ночь, закричалъ Мадхія:

— Отецъ, мать! Умираю! Умираю!

Съ востока поднялось солнце, а коровы и буйволы Манрвала привязаны стоятъ. Сошлись всѣ пастухи и говорятъ: Мадхія, Мадхія! Что съ тобою сегодня? Уже полдень, а твои коровы, буйволы привязаны стоятъ!

— Съ ночи, братья, въ животѣ у меня боль. Къ Манрвалу пошлите вѣсть! говорилъ Мадхія.

И пришла къ Манрвалу вѣсть; травъ онъ въ полу набралъ и пошелъ въ хлѣвъ. О другъ, славный мой герой.

— Умираю, владыка, говорилъ Мадхія, получай отъ меня хлѣвъ!

— Коровы, буйволы наплодятся! Гдѣ я тебя найду? Гдѣ я такого встрѣчу? отвѣчалъ Манрвалъ.

(не окончено).

17.

I.

У Сурасвежана въ Гулпаки-котѣ былъ сынъ Амарасвежанъ У Амарасвежана было двое дѣтей: Садувâ и Сâранги. Одному было пять лѣтъ, другому семь. Было у него двѣнадцать двадцат-

ковъ коровъ да буйволовъ. Принадлежали ему равнины (терхаи) Билхари [1]). Былъ у него буйволъ Чарувâ и волъ Багувâ. Были у него козлы съ четырьмя рогами и хлѣвъ для дюжины двадцатковъ козъ. Была у него лохматая собака и кошка Лакхма. Въ равнинахъ Билхари, на полѣ Рантагели висѣли колосья его риса. Было у него двѣ пары мельницъ, дичь на холмахъ и рыба въ рѣкахъ. Была у него богатырская ѣда; были у него богатырей сыны и богатыри изъ богатырей.

Нѣтъ брода въ рѣкѣ Кâли, нѣтъ лѣстницы на небо и нѣтъ столба подъ землею.

Нѣтъ богатыря противъ Амарасвежана. У него лукъ изъ страны Дотика [2]) и ядовитая стрѣла. У него мечъ изъ страны Манасаровара [3]). Его щитъ покрытъ антилоповою кожею. Его мечъ Dûdpînâ, [4]) его скипетръ Sudarsanacakra [5]).

II.

И сказалъ Сурасвежанъ сыну:

— Другъ! въ твои годы я ѣдалъ только свѣжее мясо, а теперь я состарѣлся и даже карри [6]) у меня нѣтъ.

«Еслибы я сталъ теперь буйволовъ откармливать, то было бы у меня стадо ихъ.

«Еслибы я сталъ воловъ теперь откармливать, то вспахалъ бы все поле Рантагели.

«Еслибы я сталъ козъ откармливать, то убивъ ихъ, ѣлъ бы мясо!

«Не сына я берегъ, а шакала откармливалъ!

«Другъ! Сынъ! Я скажу тебѣ одинъ завѣтъ. Какъ тыква вя-

---

[1]) Bilhârî: равнины (тераи) въ сѣверномъ Аудѣ, на границахъ Камаона.

[2]) Doṭîka, городъ въ восточномъ Непалѣ.

[3]) Извѣстное озеро въ Тибетѣ.

[4]) Dûdpîna, миѳическій мечъ, м. б. тоже, что мечъ «въ бояхъ побѣдитель».

[5]) Sudarsanacakra или Sudâma cakra, извѣстные эпитеты диска боговъ Вишну, Кришны.

[6]) Карри, извѣстное индѣйское кушанье изъ рису съ приправами.

нетъ, такъ и мы вянемъ! Коль ты сынъ мнѣ истинный, такъ слушай:

«На холмахъ Гâгара, вотъ девятое поколѣніе, какъ живетъ вепрь. У него одинъ клыкъ въ небо уходитъ, другой клыкъ ада достигаетъ. Не даетъ онъ намъ ѣсть ни помолъ съ нашихъ мельницъ, ни картофеля у дому, ни посѣва съ поля Рантагели. Убей ты вепря и принеси его, коль ты сынъ мнѣ истинный, иначе ты шакалъ!

И сказалъ Сурасвежанъ: Мой отецъ далъ по немъ двадцать два выстрѣла; десять выстрѣловъ я далъ по немъ. Не убили его, онъ все живъ! Если ты его убьешь и принесешь, будешь сыномъ мнѣ истиннымъ, а не то ты шакалъ!

«Коль убьешь ты его и сюда принесешь, будетъ мнѣ кусокъ мяса на ѣду. И тогда ты мнѣ истинный сынъ, а не то ты шакалъ!

«И другой у меня есть тебѣ завѣтъ:

«Въ Бхагіякотѣ у Бхагія есть дочь; на возрастѣ и молода она; со дня свадьбы въ домѣ тестя не бывала; и съ востока, и съ запада богатыри бились ради нее. Хороша она какъ полная луна; хороша она какъ лунная ночь, или какъ лампады лучъ. У ней волосы по пятамъ. Живетъ она въ трехэтажномъ дворцѣ. Съ востока двѣнадцать царей, съ запада двѣнадцать царей, съ сѣвера двѣнадцать царей, съ юга двѣнадцать царей пришли туда, надежды полные. Нѣтъ святыни въ твердынѣ Бхагія, а толпится тамъ народъ. И вотъ, другъ, сынъ! Коль приведешь ее, невѣсту семи братьевъ изъ роду Бутаула (Bûṭaula), я скажу: Амарасвежанъ мой истинный сынъ, а не то ты шакалъ!

«Бились богатыри и умирали, славное имя оставляя. Коль живъ будешь, приходи завтра въ Гулпаки-котъ; умрешь, такъ схороню тебя. Сто двадцать рупи я дамъ за ея волосы и десять тысячъ за живую красавицу!

Сталъ Амарасвежанъ гнѣвенъ, отъ плеча къ поясу гнѣвъ ходилъ и отъ пояса къ плечу. Чудные глаза наливались кровью и ширились волосы на нѣжномъ тѣлѣ.

Къ родной матери пошелъ Амарасвежанъ и сказалъ онъ ей: Изготовь ты мнѣ хорошій обѣдъ: иду я въ горы, на вепря охо-

титься, иду я къ твердынѣ Бхагія искать дочь Бхагія, что въ полномъ цвѣту!

— Дитя! говорила старуха, не слушай ты словъ отца; не нынче, такъ завтра онъ самъ умретъ и тебя погубитъ. Вепря дикаго онъ хочетъ убить? Не стрѣлялъ ли въ вепря уже прежде его отецъ, и не стрѣлялъ ли по немъ онъ самъ? Не убить, дитя, вепря твоими руками! Не ходи ты къ твердынѣ Бхагія, убьютъ тебя тамъ богатыри, что съ востока и запада, съ сѣвера и юга сошлись туда!

— Не забочусь я ни мало о смерти, отвѣчалъ Амарасвежанъ: буду живъ, такъ вернусь въ Гулпаки-котъ и вторую свадьбу сыграю.

И не внялъ онъ словамъ матери.

Все, что мать наготовила, все онъ поѣлъ. И поѣвъ сѣлъ въ пріемной комнатѣ, во второмъ этажѣ трехъэтажнаго дворца. Жевалъ бетелъ и курилъ.

И пошелъ онъ въ оружейницу; взялъ тамъ мечъ, что отъ озера Манасаровара, взялъ щитъ и жезлъ Sudamacakra.

Въ кладовую пошелъ онъ, взялъ тамъ шелковый турбанъ и шальвары; перекинулъ чрезъ плечо плащъ (dûpoṭa) и надѣлъ башмаки.

Сѣлъ на коня изъ солнечнаго рода, и конюхъ Жайтува и Гужіа съ трубкою были готовы. Поѣхалъ Амарасвежанъ къ горамъ Гâгара.

Какъ пришелъ туда, сталъ онъ вепря искать. Поискалъ въ одномъ мѣстѣ и не нашелъ. Поискалъ въ другомъ и не нашелъ.

И сказалъ тогда Амарасвежанъ: Уже полдень насталъ, не найти мнѣ врага, вепря!

Въ полдень сталъ онъ думать, какъ обѣщаніе сдержать: въ этотъ часъ, говорилъ онъ себѣ, вепрь ходитъ къ пруду пить! И долго онъ вепря искалъ у пруда.

Вотъ у пруда Naudhûgi собралось двѣнадцать лакховъ войска вепря (т. е. сто двадцать тысячъ). По четыре вепря стояли въ каждой странѣ, а въ срединѣ сидѣлъ тотъ вепрь, что жилъ девять поколѣній; одинъ клыкъ ушелъ въ небо, другой касался ада.

— Вотъ онъ, нашъ старый врагъ, сказалъ самъ себѣ Амара-

свежанъ. Пустилъ онъ въ вепря стрѣлу и взошла стрѣла въ гогову вепря.

Сталъ вепрь туда сюда глядѣть; ни гдѣ онъ не видитъ человѣка.—Безъ дождя, откуда то молнія блеснула! проговорилъ онъ.

— Ужъ не врагъ ли нашъ славное дѣло содѣлалъ? сказалъ вепрь и сталъ бить своихъ. Разбѣжалось войско, а самъ вепрь померъ.

Потащили его голову восемь человѣкъ и вытаскивали изъ вепря десять стрѣлъ Сурасвежана и двадцать двѣ стрѣлы его отца.

Вышелъ Амарасвежанъ на дорогу къ твердынѣ Бхагія; сѣлъ онъ въ полѣ орошенномъ, подъ дерево çîlaga. Досталъ онъ тамъ свирѣль и заигралъ.

Приходятъ на то поле орошенное, траву рѣзать, двѣнадцать двадцатокъ бхагійскихъ дочерей. И стали онѣ, надежду питая, около Амарасвежана.

Заигралъ онъ, и понеслась пѣснь въ твердыню Бхагійскую. Услыхала ту пѣснь красавица, загрустила и пришла къ Амарасвежану.

Вотъ взглянулъ на красавицу Амарасвежанъ, обомлѣлъ и упалъ на землю.—Или ты женщинъ никогда до сихъ поръ не видывалъ? говоритъ ему красавица.

И взглянула она въ лице Амарасвежана и сама обомлѣла. И дали они другъ другу святое обѣщаніе.

Смотрѣли на нихъ богатыри четырехъ странъ. Собралось тутъ въ твердынѣ Бхагія богатырское войско. И на бхагійскомъ орошенномъ полѣ разставили знамена величиною въ двадцать два ярда. И шары стали бросать.

Отмѣрили поле въ сто восемдесятъ ярдъ. Забили въ барабаны, и стали богатыри биться. Перепрыгивали богатыри чрезъ знамена въ двадцать ярдъ и пригоршнями бросали шары. А боговъ толпы смотрѣли на нихъ.

И лилась кровь ручьями, въ кучахъ кости лежали; перебиты богатыри и осталась лишь слава о нихъ. Перебилъ всѣхъ богатырей Амарасвежанъ.

До твердыни Бутаули дошла объ этомъ вѣсть; семь братьевъ въ Бутаули обнажили мечи и пришли. Сталъ съ ними биться Амарасвежанъ.

Перебилъ Амарасвежанъ шесть братьевъ; лишь седьмой Гужія Лата ушелъ живымъ. И спрятался Гужія Лата въ глиняной ямѣ.

Подглядѣлъ Гужія Лата, что дѣлалось на срединѣ дороги, какъ Амарасвежанъ бралъ красавицу за руки.

Разсвирѣпѣлъ Гужія Лата; желѣзный тяжелый мечъ онъ схватилъ и убилъ Амарасвежана. Пополамъ разсѣкъ его голову. И отправился Амарасвежанъ на небо.

Умеръ Амарасвежанъ! Какъ пришла объ этомъ вѣсть въ твердыню Гулпаки, сошлись два его сына и отецъ его пришелъ.

Взяли сыны обнаженные мечи, и пошли биться въ твердыню Бутаули. На кого ни взглянутъ, того убьютъ. Отмстили за отца и схоронили его.

Сожглась на кострѣ красавица. Сожглись на кострѣ и мать и всѣ жены его дома. И два сына пошли было къ костру.

Но сказалъ тутъ внукамъ Сурасвежанъ: Ступайте вы оба домой! По четыре свадьбы сыграю я каждому!—И сыгралъ онъ четыре да четыре свадьбы.

И пошли внуки въ Билхари на охоту; а въ твердыню Бутаули пришелъ восьмой братъ. Изъ Делги пришелъ Лакшманъ Синхъ въ Бутаули.

— Перебиты всѣ мои братья, говорилъ онъ; всѣ мои жены плѣнены!—И пошелъ съ мечемъ Лакшманъ Синхъ на твердыню Гулпаки.

На полумертваго старика надѣвалъ онъ цѣпи, завоевалъ Билхарскія равнины и Садуву и Саранги перебилъ. Съ ихъ стадами онъ вернулся домой, въ Бутаули.

18.

I.

Въ полночь отчего Mâлусâи [1]) не спалъ? Стала мать ему говорить: Ты не спишь? Или семь царицъ не при тебѣ на постелѣ? Или нѣтъ съ тобою дѣтей?

---

[1]) *Mâlu-sâi*, говорится такъ же mânu-sâi. Sâi отъ скр *svâmin*— господинъ. Въ пѣснѣ поется о Mâlu-sâi râjâ.

— У воротъ твоихъ не стоитъ ли голодный странникъ? Или твоего буйвола Чарува въ хлѣвѣ нѣтъ?

— Не одинъ ли ты у меня сынъ? Не одинъ ли свѣтъ въ глазу? Какая кручина у тебя?

— И сказалъ бы я матери, да сказать стыдно!

— Нѣтъ стыда передъ матерью родною! Какъ во чревѣ я носила тебя, не стыдился ты тогда. И какъ родился, не стыдился ты въ ту пору. Десять мѣсяцевъ грудью поила тебя и въ пеленкахъ цѣлый годъ берегла тебя, дорогой мой. И признайся мнѣ теперь, дорогой ты мой кумâра (принцъ)!

— Мать! Мать! Въ полночь приснилось мнѣ Калусаукели изъ Тибетской страны [1]), дочь тибетца Калусаука. Съ горящимъ свѣтильникомъ въ одной рукѣ и чашею благоуханія въ другой чрезъ окно она взошла.

«Въ ногахъ, у ложа моего стояла Калусаукели; пестро разряженная стояла у ложа моего. Отъ ногъ до головы и отъ головы до ногъ она вытерла меня благоуханіями. И страшно мнѣ стало.—Говорила она уходя:

— Ты полюбишь меня, коль мужа ты сынъ! [2]) И придешь ко мнѣ въ чудный Тибетъ! Въ домѣ будешь сидѣть, коль ты сынъ рабыни! Слышишь, мать, или нѣтъ?

«Коль заспоритъ братъ родной: раздѣлю поле пограничнымъ столбомъ, свой домъ выстрою и заведу свой огородъ; но, какъ женщина спорить станетъ, какъ взгляну на нее?

— Одинъ ты свѣтъ въ глазу, милый, одинъ ты у меня сынъ. Не любись ты съ тибеткою!

«Въ твоемъ домѣ, милый, семь свадебъ были, восьмую сыграю и невѣсту назову Калу!

«Не думай о тѣхъ словахъ, милый! Ядовита тамъ страна.

«Какъ полюбишь ты ее, отравятъ тебя тамъ, и умрешь ты, безъ тебя что мнѣ дѣлать?

---

[1]) Тибетская страна здѣсь и въ другихъ пѣсняхъ зовется: çaukân-deç, тибетецъ *sauk*, тибетка *saukelî*. О странѣ Sok См. Hodgson Essays. part II. 66 и Markham, Tibet, Bogle and Manning стр. XXV.

[2]) Mardako jâyo, сынъ мужа, героя. Camârîko jâyo, сынъ рабыни. Собст. *camârî*: жена кожевника.

Но на Mâлусâи гордость нашла:

— Въ Тибетъ иду, мать! Иду туда, а затѣмъ чтобы ни было!

Прошла ночь, разсвѣло; посинѣлъ, почернѣлъ Mâлусâи царь. Вынималъ онъ изъ казны свѣтлое серебро, чистое золото, вынималъ и въ узелъ связалъ.

На базаръ онъ пошелъ и по купеческимъ лавкамъ сталъ ходить. Изъ купеческихъ лавокъ ткани разныя покупалъ [1]).

Подъ мышку забравъ на дорогу выходилъ. Въ лавку серебреника онъ шелъ: Братъ! Факира серьги [2]) изготовь мнѣ!

Вынималъ факира серьги серебреникъ и царю Mâлусâи въ руки давалъ.

Къ швецу въ лавку шелъ Mâлусâи. Слышишь, братъ швецъ, или нѣтъ? Красный плащъ [3]) ты мнѣ сшей!—Шилъ портной красный плащъ.

Выходилъ оттуда на дорогу и къ ткачу [4]) въ лавку шелъ,—Изготовь мнѣ, братъ ткачъ, изъ шелку черный турбанъ! [5])—Изъ шелку черный турбанъ соткалъ ткачъ и въ руки царю отдавалъ.

Выходилъ оттуда на дорогу и къ красильщику шелъ.—О братъ, красильщикъ! Мою одежду ты выкрась!—Выкрасилъ красильщикъ одежду царя и въ руки отдалъ.

Въ узелъ Mâлусâи связалъ и сталъ свѣтлое серебро раздавать: заплатилъ за кристальныя серьги и за черный турбанъ. Заплатилъ и швецу, и красильщику. И купцамъ за одежду плату отдалъ.

Въ свой дворецъ онъ пошелъ оттуда. Золою тѣло вытеръ, обвязалъ голову чернымъ турбаномъ, въ уши вдѣлъ кристальныя

---

[1]) *Ткани разныя* въ оригиналѣ пѣсни перечисляются: kîmakhâu красная, *masura* употребляется для наряда невѣстъ и во время погребенія и м. др.

[2]) Факира серьги собств. кристальныя, кольца phaṭika munîrî (или manûra). Эти кольца носятся факирами въ ушахъ.

[3]) Красный плащъ, chaguvâ câdar. Первое слово есть названіе красной ткани, изъ которой шьются плащи факировъ. Это одѣяніе называется такъ же pichorâ.

[4]) Paṭvâ или paṭûâ. Ткачъ шелковыхъ матерій. Въ словарѣ Bate s. v. a man who strings pearls.

[5]) Patamvar-çailî. Первое слово значитъ шелковая матерія. *Çailî*: storax.

серьги. Надѣлъ красный плащъ и на шею повѣсилъ золотую свирѣль [1]). За плечи поставилъ съ одеждою корзинку, шаръ изъ золы спряталъ въ корзинку, въ руки взялъ посохъ и непальскую чашу.

Переодѣлся Mâлусâи царь факиромъ и къ богамъ онъ взывалъ. Предъ себя призывалъ Gauriya, что впередъ бѣжитъ; тридцать шесть Rautân'овъ предъ себя призывалъ; тридцать два Pairyuni предъ себя призывалъ. Предъ себя онъ призывалъ барабанщика Сайтува.

И говорилъ ему Mâлусâи царь: О Сайтува, братъ! Заиграй ты быстро! Забей ты такъ, какъ бьютъ въ походъ!—И забилъ братъ Сайтува въ барабанъ, забилъ такъ, какъ бьютъ въ походъ.

На коня Рагсува сѣлъ Mâлусâи, выѣзжалъ на дорогу Mâлусâи царь. Къ Тибету, въ ту сторону, онъ поставилъ *parasthân* [2]).

Плачетъ мать старуха и взываетъ: Ты уходишь, Mâлу, въ Тибетъ! Какъ мнѣ дни коротать, о Mâлу, дитя мое! Слушай, слушай, дорогой мой, какъ мнѣ спать?

На дорогу вышелъ Mâлусâи царь, и идя, идя онъ пришелъ въ Tâкулу, и въ Tâкулѣ остановились.

Поднимались тридцать шесть, Rautân'овъ и тридцать два Pairyuni'евъ, омовеніе свершали. Ѣду ѣли, одѣвались, наряжались и на дорогу выходили.

И оттуда уйдя, къ вершинѣ Khûṭkûṇî они подступали. Уходили потомъ оттуда къ Mîhala caurî. На дорогу выходили оттуда, въ средину горъ Khaḍi-dhâra.

Выступали Khabîs' ы [3]) съ распущенными волосами; какъ заслышали они звуки, задвигали ушами.

И пошли Khabîs'ы оттуда на дорогу; на поле Sâsuvâri они засѣли.

У Khabîs'овъ зубы въ двадцать два локтя длины, у Khabîs'овъ

---

[1]) Здѣсь подробно описывается нарядъ факира: a) *nâd*—дудка, b) jholî—корзинка, c) шаръ изъ золы—vabhutko gvâlâ, d) tîmurko kûtûk—посохъ изъ дерева Tîmur, e) naipâli pharuvâ—непальская чаша.

[2]) *Parasthân*. Когда отправляются въ дорогу, то существуетъ обычай выставлять въ сосѣднее мѣсто, въ ту сторону куда идешь, палку или одежду или св. повязку (yajnopavîti). Вещь, такимъ образомъ выставленная, называется *parasthân*. Этотъ обрядъ совершается для благополучнаго окончанія пути.

[3]) O khabîs'ахъ и другихъ демонахъ, см. приложеніе.

косы въ сто локтей длины. Стали тѣ Khabîs'ы тайкомъ выглядывать.

Но узналъ ихъ царь Mâлусâи, и узнавъ ихъ, сзывалъ царь Mâлусâи тридцать шесть Rautân'овъ.

— Заиграй, братъ, Сайтува, поиграй хорошо, въ барабанъ забей!

Къ Syûrîyâ, къ Pyûrîyâ, къ Katyûrau посла посылалъ Mâлусâи царь. Призывалъ ихъ Mâлусâи царь.

Предстали передъ нимъ Syûrîyâ, Pyûrîyâ. Поднялась въ нихъ гордость; вспрыгнули Syûrîyâ и Pyûrîyâ.

На дорогу выходили Syûrîyâ, Pyûrîyâ, предъ Khabîs'ами предстали. Вотъ Khabîs'ы ротъ раскрыли.

И съ Khabîs'ами стали биться Syûrîyâ и Pyûrîyâ.

Семь дней, семь ночей съ Khabîs'ами они бились; переломали зубы у Khabîs'овъ; вырывали косы у Khabîs'овъ. На Khabîs'овъ верхомъ сѣли и по полю Sâsuvâri они скакали.

Не смогли Khabîs'ы биться и оттуда къ пруду Sâmaṇau бѣжали. Въ прудъ они нырнули и, голову укрывъ, спрятались.

За ними вслѣдъ побѣжали Syûrîyâ, Pyûrîyâ и Gaurîya, что впередъ бѣжитъ, къ тому пруду Sâmaṇau.

Изъ того пруда Syûrîyâ, Pyûrîyâ Khabîs'овъ вытаскивали; выскочили Khabîs'ы и оттуда въ Laṭichiḍa бѣжали.

Syûrîyâ, Pyûrîyâ, Gaurîya, что впередъ бѣжитъ, за ними слѣдомъ побѣжали. Слѣдомъ къ Laṭichiḍa пришли и Khabîs'овъ оттуда повыгоняли.

Вотъ Khabîs'ы руки сложили, въ ноги падали и молили:

— Коли бить, такъ бей, коль вязать, такъ вяжи! — Покорились Khabîs'ы.

Давали Khabîs'ы обѣщаніе: Приходите, уходите, никого мы не убьемъ! Покорили вы насъ! Покорились мы! Сильны вы, не убивайте насъ!

II.

На дорогу выходилъ Mâлусâи царь, вмѣстѣ съ Syûrîyâ, Pyûrîyâ, къ Bâgesvar'у [1]); въ Bâgesvar'ѣ, предъ храмомъ Махадевы руки онъ сложилъ и вокругъ храма обошелъ.

---

[1]) Bâgesvar, извѣстный храмъ. Объ этомъ мѣстѣ см. Traill l. c. стр. 149. *Bagesvar*, situated at the conflux of the river *Sarju* and

— O! Saṃbhû [1]) Махадева, мощенъ ты! Въ Тибетъ, о Нараяна, я иду, коль Калу тибетка соединится со мною.

Въ ту пору, о Нараяна! жертву я принесу и сіяющій шпицъ поставлю!

Въ Bâgesvar'ѣ Малусаи на ночь станомъ сталъ. Станомъ стали тамъ тридцать шесть Rautan'овъ, тридцать два Pairyûnî, Gauriya, что впередъ бѣжитъ.

Въ срединѣ палатки свѣтильникъ зажгли, сѣдалище поставили. Заговорили тутъ Syûrîyâ, Pyûrîyâ; стали они царя Малусаи искушать.

Вотъ слова, что Syûrîyâ, Pyûrîyâ говорили: Слушай, Малусаи: наше брюхо неполно! Наше брюхо ты наполни и съ тобою мы пойдемъ!

Двѣ дюжины pîḍâ [2]), что ни день, Syûrîyâ, Pyûrîyâ поѣдали. Съ собою Малусаи царь ихъ взялъ, ѣду имъ давалъ.

Прошла ночь, утро стало; встало солнце и всталъ Малусаи царь. У слѣда Нагі онъ омылся, окунулся, какъ пять боговъ окунаются.

И оттуда въ палатку онъ шелъ, и въ палаткѣ поѣлъ; что ни день, то давалъ двѣ дюжины pîḍa Syûrîy'ѣ, Pyûrîy'ѣ.

На дорогу выходилъ къ Тибету. Шелъ, шелъ и сталъ приближаться.

У тибетца Калу было много лѣсу деревъ kadâli (Musa sapientum). Станомъ сталъ въ томъ лѣсу Малусаи царь. Сѣдалище поставилъ славный Малусаи!

Ночь прошла, стало утро. Ночь прошла, стало утро. Призадумался Малусаи!

Вынималъ онъ серебряную свирѣль. Заигралъ Малусаи царь.

Полетѣлъ первый звукъ къ царю Индрѣ, къ змѣю Ваисинги второй звукъ. На землѣ остановился третій звукъ.

Gomati, long. 79°35′, lat. 29°50′, contains a bazar consisting of forty two shops which are all the propriety of the Almora merchants, erected solely with a view to the Tartar trade, two considerable fairs taking place here annually... these houses are only inhabited during two or three months in the years...

[1]) *Sambhu*, т. е. Svayambhû, самосущій: эпитетъ Сивы.

[2]) Pîḍa равняется 16 nâḷi.

Заигралъ Малусаи опять и попалъ звукъ свирѣли въ ухо Калу тибетки. Услыхала она и говорить стала:

— Въ моемъ лѣсу червячекъ поетъ! Каковъ цвѣтомъ червячекъ тамъ?—И пошла Калу тибетка по дорогѣ, въ тотъ лѣсъ.

На свирѣли игралъ Малусаи царь, какъ подвижникъ онъ созерцалъ, и предстала передъ нимъ Калу тибетка. Слушай, слушай, что говорить она стала.

— Откуда такой факиръ пришелъ? Откуда ты пришелъ? И куда ты идешь?

— О! Малу! Ты такой факиръ! Ты такой красивый! Почему ты подвижникомъ сталъ? Отъ какой скорби ты подвижникомъ сталъ?

Заговорилъ Малу, Малусаи царь: Чья ты дочь? Кто твой мужъ? Слушай, слушай, женщина, ты скажи!

Говорила Калу, тибетка: Дочь я тибетца Калу! Не замужняя царевна я, такъ говорю!

Чудно хороша была Калу тибетка; ея косы перевязанныя до пятъ падали.

Много жемчугу въ волосы она вплела. Какъ sûryamaṇi [1]) была она цвѣтомъ. Ея тѣло тонко, что разрѣзанный огурецъ [2]). Задумался Малусаи царь, заговорилъ Малусаи царь:

— Слушай, слушай, Калу тибетка! Отъ любви къ тебѣ, съ того дня, какъ пришла ты къ моей постели, съ того дня, какъ во снѣ увидалъ тебя, съ того дня загрустилъ я, сталъ безстрастенъ. Грустное слово говорилъ, ради тебя грустное слово молвилъ.

— Покинулъ я царство и народъ; царицъ на ложѣ покинулъ и факиромъ сталъ!

— Полюбилъ тебя, о Калу тибетка, и ради тебя, по этой причинѣ, факиромъ сталъ; ради тебя въ Тибетъ пришелъ!

— У тебя что на сердцѣ? Ради тебя я факиромъ сталъ! Что ты сдѣлаешь? Пойдешь или нѣтъ?

Слово молвила Калу тибетка: Слушай, Малусаи царь! Меня ради царство ты покинулъ и столицу, семь царицъ оставилъ, изъ объятій дѣтей покинулъ!

---

[1]) Surmâlî, т. е. Sûryamâni: дерево hibiscus phoeniceus, а также баснословный солнечный камень.

[2]) *Halda* или Haldî, Curcuma longa.

— Ради меня ты факиромъ сталъ, Малусаи царь! Мнѣ ли не идти! Я рабыня у твоихъ ногъ!

Это слово Калу тибетка сказала, царю Малусаи обѣщаніе дала Успокоился Малусаи.

Семь дней, семь ночей въ лѣсу Калу тибетка провела. На седьмой день къ отцу въ домъ она пошла, оттуда сластей въ узелокъ навязавъ, Малусаю принесла. Къ Малусаю, къ Малу она пришла!

Сластей поѣлъ Малусаи царь. Славный, славный Малу! Самъ другъ сталъ Малусаи царь.

На сѣдалищѣ онъ сѣлъ, о радости и скорби заговорилъ Малусаи царь.

Вотъ тибетка Калу говорить стала: Ты мой Малу, мужъ мой. Жена я твоя, Малусаи царь!

— «Черна, грязна одежда на тебѣ. Возьму твою одежду домой и вымою. Ты посиди! Слушай, слушай Малу!

И дала ему свою одежду. Домой пошла Калу тибетка: намочила въ домѣ коровій навозъ [1]) и въ навозѣ одежду стирала.

Деревянный чанъ съ одеждою на голову поставила и пошла оттуда въ то мѣсто, гдѣ моютъ [2]).

Малусаи царь пришелъ въ то мѣсто, гдѣ моютъ. Одежду вымыла Калу тибетка, высушила, какъ сложила, такъ и въ узелъ связала.

Малусая она мыла, купала и въ деревянный чанъ [3]) его посадила. Одеждою покрыла, чанъ на голову поставила и потихоньку по дорогѣ въ домъ пошли.

Во дворецъ Малусая провела, въ разукрашенный второй этажъ. На постель его положила.

Одѣяло на постели разстелила, окропила Малусая благоуханіями, розовою водою. Спать на постель уложила.

Наготовила Калу тибетка тридцать шесть обѣдовъ, да тридцать два. На золотомъ блюдѣ Малусаю принесла. Налила въ золотой кубокъ воды и принесла.

---

[1]) *Chve* или choyaḍi: смѣсь коровьяго навозу и коровьей подстилки. Употребляется для стирки бѣлья.

[2]) Dhobîghâṭ: спускъ къ рѣкѣ, гдѣ моютъ бѣлье.

[3]) *Pâlo*, деревянный сосудъ.

*

Вымылъ ротъ царь Малусаи и сталъ ѣсть. Вымылъ руки Малусаи царь и легъ спать на постель. Предъ лицемъ его стояла Калу тибетка и любовалась имъ.

Уснули. Прошла ночь, настало утро. Проснулся царь Малусаи, проснулась тибетка Калу!

Къ пруду она пошла, воды принесла, обѣдъ приготовила, Малусаю стала говорить и накормила его.

Уходили дни Малусая, прошелъ мѣсяцъ. Вотъ сталъ Малу говорить:

— О Калу, тибетка! Ядовита страна! Чуденъ Тибетъ, но ядовитъ. Пойдемъ скорѣе въ родную страну!

Согласилась Калу тибетка: одѣлась, разрядилась, плащъ крестъ на крестъ повязала. Укрылся плащемъ Малусаи царь!

Одѣлась, разрядилась Калу тибетка. Изъ отцевской кладовой, что во второмъ этажѣ, вынимала, что получила:

Золотой лимонъ, золотую кошку, и получше добра съ собою взяла Калу тибетка.

За руку взялъ Малусаи царь Калу тибетку и въ плащъ завернулъ.

На дорогу выходилъ Малусаи царь. Шелъ, шелъ и до лѣсу дошелъ.

Тридцать шесть Rautan'овъ, тридцать два Pairyûnî, Gaurîya, что впередъ бѣжитъ, Syûrîyâ, Pyûrîyâ, барабанщикъ Saituvâ въ лѣсу были.

На дорогу выходили оттуда къ Bagesvar'y. Въ Bagesvar'ѣ предъ Махадевою Малусаи царь сложилъ руки, поклонился.

Золотыхъ пару въ жертву принесъ. Станомъ сталъ и въ станѣ войско накормилъ, одарилъ. Пожилъ тамъ.

Прошла ночь, настало утро. Золотой nimbû [1]) Малусаи царь принесъ въ даръ.

Къ золотыхъ дѣлъ мастеру пошелъ Малусаи царь; въ лавкѣ сѣлъ и говорить началъ:

— Сдѣлай, братъ, мнѣ золотой *kailâs!* [2])—Изъ золота сдѣлалъ тотъ ему *шпицъ* прекрасный, въ руки отдалъ Малусаю.

---

[1]) Citrus acida.
[2]) Шпицъ.

Вынималъ Малусаи царь пару золотыхъ и въ руки отдавалъ. Домой шелъ оттуда Малусаи царь.

Въ Гангѣ, у Bagesvara купался Малусаи царь. Цвѣтовъ нарвалъ и Махадевѣ принесъ. Свѣтильникъ возжегъ и *маханіе* [1]) свершилъ.

И въ раковину, и въ колоколъ [2]) онъ звонилъ. Золотой kailâs воздвигъ. Сложивъ руки, бога чтилъ. Домой придя, войско накормилъ, одарилъ.

Руки вымылъ и на дорогу вышелъ Малусаи царь. На поле Sâsuvarî онъ пришелъ, оттуда въ Mihalîcaurî.

Оттуда на дорогу выходилъ и въ Tâkûla пришелъ. Въ Tâkûl'ѣ онъ жилъ; накормилъ, напоилъ свое войско и ночевать остановился.

Прошла ночь, настало утро. Проснулся Малусаи царь и сталъ бдѣть.

На дорогу выходилъ Малусаи царь. Шелъ, шелъ и на родину въ городъ Vairaṭ [3]) пришелъ.

У своего дворца, въ переднемъ дворѣ, у стѣны онъ сѣлъ. Изъ подъ плаща вынулъ Калу тибетку, какъ луна полная была она.

Предстала предъ Малусаемъ царемъ старуха мать. Сложилъ руки Малусаи царь и почтилъ мать.

— Живи долго! Садись! говорила старуха. Ты здоровъ ли, Малусаи царь?

— Тамъ, въ Тибетѣ хорошо-ли, дурно-ли жилось?

Сказалъ слово Малусаи царь: Твоею милостью, мать, матушка, не было у меня скорби!

— Не было скорби, и тибетку Калу въ домъ привелъ, мать, матушка!»

---

[1]) *ârati*: церемонія обнесенія вокругъ головы идола зажженныхъ свѣтильниковъ.

[2]) Saṅkha раковина, ghaṇṭ колоколъ: то и другое употребляется при богослуженіи.

[3]) Vairaṭ, древній городъ къ ЮЗ. отъ Делги, въ 105 миляхъ, и къ С. отъ Жайпура, въ 40 миляхъ. О немъ см. A. Cunningham, The Ancient Geography of India. Его же Archeological Survey of India II, 242.

Быстро встала старуха. Въ дворцѣ кладовую, что̀ во второмъ этажѣ, она раскрыла. Добромъ она чашу наполнила [1]).

Жемчугъ вынимала и чашу наполняла. Роздалъ царь Малусаи жемчугъ бѣднымъ.

Въ восточный покой, во дворецъ посадилъ Малусаи царь Калу тибетку. Наготовила старуха мать тридцать шесть обѣдовъ, да тридцать два.

Наготовила обѣдовъ и, наготовивъ, накормила Малусая. Вымылъ руки царь Малусаи и на золотую постель спать пошелъ.

Семь царицъ на него смотрѣли. Смотрѣла Калу тибетка и говорила:

— О царь Малусаи, мой Нараяна! Что сердце желало, то исполнилось!

---

19 *).

I.

о Kavâ, Bhanârî Kavâ!
деревня Bhânârî, о Bhânârî Kavâ! [2])
его родиною была, о Bh. K.!

II.

былъ жилъ K., о Bh. K.!
героя сынъ K., о Bh. K.!

---

[1]) *Nimchyol*. Когда послѣ свадьбы молодые приходятъ въ домъ, старики наполняли въ старину чашу жемчугомъ, а нынѣ серебряными или мѣдными деньгами. Обнеся полную чашу вокругъ головы молодой, раздаютъ жемчугъ или деньги бѣднымъ. Тотъ же обрядъ свершается когда сынъ возвращается изъ похода или съ богомолья.

*) Въ оригиналѣ каждая строка составляетъ стихъ, заканчивающійся припѣвомъ имени; тоже удержано въ подстрочномъ нашемъ прозаическомъ переводѣ.

[2]) *Bhânâri*, имя брахмановъ. Ихъ занятіе собирать и приносить цвѣты богинѣ Nandadevî.

на ѣду ему, К., о Bh. К.!
былъ хлѣбъ изъ рисовой щелухи [1]), К., о Bh. К.!
одѣвался въ дирюги и спалъ онъ, о Bh. К.!
на дирюгѣ, о Bh. К.!

III.

Вотъ напился и наѣлся К., о Bh. К.!
вышелъ козъ пастухъ К., о Bh. К,!
вотъ деревенскіе пастухи, о Bh. К.!
козъ повыгнали, о Bh. К.!
въ лѣсу, о Bh. К.!
козы паслись, о Bh. К.!
вотъ какъ сталъ полуденный жаръ, о Bh. К.!
двѣнадцать двадцатковъ пастуховъ, о Bh. К.!
въ игры занялъ онъ, о Bh. К.!
вотъ самъ онъ ушелъ, о Bh. К.!
изъ козъ, о Bh. К.!
изъ деревенскихъ, о Bh. К.!
что ни есть лучшую, о Bh. К.!
козу онъ съѣлъ, о Bh. К.!
сталъ онъ громко звать: о Bh. К.!
о! Вы двѣнадцать двадцатковъ пастуховъ, о Bh. К.!
вашихъ козъ, о Bh. К.!
тигръ поѣлъ, о Bh. К.!
вотъ двѣнадцать двадцатковъ пастуховъ, о Bh. К.!
Хакъ! Хакъ! закричали, о Bh. К.!
героя сынъ, о Bh. К.!
что ни день козу ѣлъ, о Bh. К.!
по одной, по одной козѣ, о Bh. К.!
ежедневно воровалъ, о Bh. К.!
деревенскихъ козъ, о Bh. К.!
уничтожалъ, о Bh. К.!

---

[1]) Pîṭhaikîroṭî, хлѣбъ изъ рисовой щелухи. Pîṭhâ у Bate s. v.: a kind of food made of rice and flour.

IV.

Его дядя, о Bh. K.!
учить его сталъ, о Bh. K.!
«твоего отца, о Bh. K.!
«великое богатство, добро, о Bh. K.!
«припрятала, о Bh. K.!
«твоя мать, о Bh. K.!
«а ты бѣдствуешь, о Bh. K.!

V.

вотъ, у матери родной, о Bh. K.!
сталъ онъ спрашивать, о Bh. K.!
«моего батюшки добро, мать, матушка! [1])
«для чего ты припрятала, мать, матушка?
«для кого добро бережешь, мать, матушка?
«не одинъ-ли я, у тебя сынъ, мать, матушка?
«много бѣдствую я, мать, матушка!
старуха мать, о Bh. K.!
когтями его голову била, о Bh. K.!
«ты скажи, откуда возмется богатство, о Bh. K.!
«отецъ-ли твой набралъ, о Bh. K.!
«сама-ли я набрала, о Bh. K.!
«ничего-то нѣтъ, о Bh. K.!
вотъ онъ сталъ говорить, о Bh. K.!
«хорошо, коль ты знаешь, мать, матушка!
«мнѣ ты богатство укажи, мать, матушка!
«плохо коль знаешь, мать, матушка! (да утаишь
«себѣ, въ брюхо ножъ воткну, мать, матушка!
«такъ я сдѣлаю, мать, матушка!
— помирай ты лучше, о Bh. K.!
— откуда мнѣ богатство указать, о Bh. K.!
разгнѣвался, о Bh. K.!
ушелъ, убѣгая, убѣгая, о Bh. K.!

---

[1]) Мать, матушка ijû, mâyo

ь goth'ѣ [1]) козу онъ схватилъ, о Bh. K.!
зарѣзалъ и кишку, о Bh. K.!
на шею обвязалъ, о Bh. K.!
въ домъ взошелъ, о Bh. K.!
вынулъ онъ ножъ, о Bh. K.!
и пошелъ, царапнулъ, о Bh. K.!
потекла кровь потокомъ, о Bh. K.!
упалъ онъ, разлегся, о Bh. K.!
глаза закатилъ, о Bh. K.!
и какъ мертвый сталъ, о Bh. K.!
вотъ старуха мать, о Bh. K.!
предъ лице его пришла, о Bh. K.
и о голову его, о Bh. K.!
головою билась, о Bh. K.!
она плакала, о Bh. K.!
стала жаловаться, мать, матушка!
стала говорить мать, матушка!
«моимъ добромъ, богатствомъ, о Bh. K.!
«кому владѣть? о Bh. K.!
«ты зарѣзалъ себя, о Bh. K.!
«у меня золотой nimbû, о Bh. K!
«золотая кошка, о Bh. K!
«золотой плугъ [2]), о Bh. K.!
«семь кладовыхъ, о Bh. K.!
«кому владѣть? о Bh. K.!
«ты не слышишь, о Bh. K.!
«словно мертвъ, о Bh. K.!»
поднялся, о Bh. K.!
и сталъ говорить, о Bh. K.!
«что-же мнѣ говорить, мать, матушка!
«на твое счастье, мать, матушка!
«въ живыхъ я остался, мать, матушка!

---

[1]) Gotha: первый этажъ дома, обыкновенно открытая терраса. Сюда загоняется скотина.

[2]) Phâla, желѣзное острie плуга.

«мать, матушка, о мать, матушка!»
за руку схватила, о мать, матушка!
семь кладовыхъ, о мать, матушка!
открывала, о мать, матушка!
и добро, о мать, матушка!
ему указала, о мать, матушка!
возрадовался въ сердцѣ, о Bh. K.!
вотъ онъ сѣлъ, о Bh. K.!
наѣлся, напился, о Bh. K.!
и спать пошелъ, о Bh. K.!
прошла ночь, настало утро, о Bh. K.!
всталъ, поднялся, о Bh. K.!
добро, богатство, о Bh. K.!
въ руки набралъ, о Bh. K.!
на дорогу вышелъ, о Bh. K.!
на городскомъ базарѣ, о Bh. K.!
въ купеческой лавкѣ, о Bh. K.!
онъ сѣлъ, о Bh. K.!
зачалъ говорить: о Bh. K.!
«о братъ, купецъ! купецъ, братъ!
«лучшаго рису, купецъ, братъ!
«мнѣ дай, купецъ, братъ»!
рису выбралъ, о Bh. K.!
на дорогу оттуда вышелъ, о Bh. K.!
въ лавку швеца, о Bh. K.!
«о братъ, швецъ! швецъ, братъ!
«сшей мнѣ платье, швецъ, братъ!
«смѣрь, скрой, швецъ, братъ!
«платье сшей, швецъ, братъ»!
въ платье нарядился, о Bh. K.!
домой пошелъ, о Bh. K.!
наѣлся, напился, о Bh. K.!
всѣмъ сосѣдямъ [1]) сказалъ, о Bh. K.!

---

[1]) Сосѣди, kholî vâkhalî. Первое слово значитъ ворота, второе рядъ домовъ. Собственно всѣ живущіе въ одной улицѣ, у воротъ.

малымъ, старымъ, горожанамъ:
«на охоту иду, горожане!»
малый, старый, всѣ горожане
одѣлись, разрядились, всѣ горожане.
одѣлся, разрядился, о Bh. K.!
ножъ и лукъ онъ взялъ, о Bh. K.!
кинжалъ за спину повѣсилъ, о Bh. K.!
заостренную палку [1]) всю въ гвоздяхъ онъ въ руки взялъ, о Bh. K.!
малый, старый всѣ, о Bh. K.!
на дорогу вышли, о Bh. K.!
шли, шли и въ лѣсъ пришли, о Bh. K.!
туда, сюда оглядѣлъ, о Bh. K.!
дичи не нашелъ, о Bh. K.!
во второмъ лѣсу, о Bh. K.!
дичи не нашелъ, о Bh. K.!
вотъ въ третьемъ лѣсу, о Bh. K.!
по слѣдамъ антилопы, о Bh. K.!
пошелъ, о Bh. K.!
и въ пещерѣ, о Bh. K.!
антилопу настигъ, о Bh. K.!
вотъ семь братьевъ Manvâl, Manvâedûla,
они слѣдомъ шли, шли.
повернули Manvâl'ы, семь братьевъ Dûla.
а съ другой стороны пришелъ, о Bh. K.!
Хакъ! Хакъ! закричалъ, о Bh. K.!
героя сынъ, о Bh. K.!
изъ силачей силачъ, о Bh. K.!
какъ буйволъ въ мѣсяцѣ Bhâdra [2]), о Bh. K.!
такъ разъярился, о Bh. K.!
заостренною палкою, что вся въ гвоздяхъ, о Bh. K.!
антилопу билъ, о Bh. K.!
антилопу убилъ, о Bh. K.!
вотъ заспорили семь братьевъ *Manvâl'ы*.

---

[1]) Vairâla: палка, утыканная гвоздями.
[2]) Bhâdra: пятый мѣсяцъ, соотвѣтствуетъ августу-сентябрю.

«восточное солнце, Manvâl'ы братья!
«на западъ ушло, Manvâl'ы, братья!
«ужь настала ночь, Manvâl'ы братья!»
совѣщаться стали Manvâl'ы братья,
усѣлись Manvâl'ы братья,
въ своемъ домѣ Manvâl'ы братья.
Bh. K.! o Bh. K.!
на дорогу вышелъ, o Bh. K.!
среди деревни, o Bh. K.,
у стѣнки на дворѣ сѣлъ, o Bh. K.!

VI.

вотъ Udhyânî Mâlâ во второмъ этажѣ сидѣла, o Udhyânî Mâlâ!
на колѣнахъ у ней зеркало было, o U. M.!
волосы перлами увивала, o U. M.!
перлами перевивала, o U. M.!
стекляный кружокъ на лобъ [1]), глаза черною краскою обво
дила [2]), o U. M.!
вотъ наружу выглянула, o U. M.!
ея взоръ упалъ, взоръ, o U. M.!
чудно красивъ былъ, o Bh. K.!
скорехонько встала, o U. M.!
предъ нимъ предстала, o U. M.!
руки коснулась, o U. M.!
у себя, во второмъ этажѣ, o U. M.!
мѣсто ему дала, o U. M.!
другъ друга разспрашивали, o U. M.!
«ты скажи свое намѣреніе, o Bh. K.!
«Udhyânî Mâlâ я, o Bh. K.!
«Manvâl'a дочь, o U. M.!
«незамужняя принцесса, o Bh. K.!

---

[1]) ṭikûlî (или ṭikalî у Bate): стеклянный кружокъ, носимый вмѣсто украшенія, на лбу, индійскими женщинами.

[2]) Vînûlî: копоть, сажа, которою обводятся глаза.

— «ты пойдешь-ли за меня или нѣтъ, о U. M!
«какъ не пойти, о Bh. K.!
кормила, поила его, о U. M.!
спать уложила его, о U. M.!
прошла ночь, настало утро, о Bh. K.!
брâхмана сынъ, о Bh. K.!
сосватался, о Bh. K.!
«отъ нынѣ будь моей женою, о U. M.!»
дала ему согласіе, о Bh. K.!
и свершилъ онъ pûja[1]), о Bh. K.!
вотъ оттуда на дорогу выходилъ, о Bh K.!
въ свой домъ пошелъ, о Bh. K.!
и усѣлся тамъ, о Bh. K.!
старуха, его мать, о Bh. K.!
ѣды ему наготовила, о Bh. K.!
рукава подобралъ, о Bh. K.!
одѣлся, разрядился, о Bh. K.!
зачалъ говорить, о Bh. K.!
«о! мать, матушка! о мать, матушка!
«много дней, о мать, матушка!
«делгійскому царю, о мать, матушка!
«я службы не служилъ, о мать, матушка!
«пойду я, о мать, матушка!
«царю служить, о мать, матушка!
«въ делгійскій дарваръ, о мать, матушка!
«Ragsuvâ, коня, о мать, матушка!
«осѣдлаю, о мать, матушка!
«верхомъ сяду, о мать, матушка!
на конѣ верхомъ, о Bh. K.!
на дорогу выѣзжалъ, о Bh. K.!
ѣхалъ, ѣхалъ, о Bh. K.!
и въ Rudrapur'ѣ, о Bh. K.!
остановился, о Bh. K.!
дорожной ѣды поѣлъ, о Bh. K.!

---

[1]) Pûja, здѣсь: утреннее почитаніе боговъ.

и заснулъ, о Bh. K.!
прошла ночь, настало утро, о Bh. K.!
попробовалъ ѣды, о Bh. K.!
рукава подобралъ, о Bh. K.!
одѣлся, разрядился, о Bh. K.!
и верхомъ, на конѣ, о Bh. K.!
на дорогу выѣзжалъ, о Bh. K.!
поднялся оттуда, о Bh. K.!
въ Делги пошелъ, о Bh. K.!
предъ царемъ предсталъ, о Bh. K.!
руки сложилъ, о Bh. K.!
«побѣждай, побѣждай, онъ сказалъ, о Bh. K.!
«благословенъ живи, о Bh. K.!»
заговорилъ великій царь:
«ты, до сихъ поръ, сказалъ великій царь,
«почему на поклонъ не являлся? о Bh. K.!
«какой-же я царь? о Bh. K.!»
«ты еси царь, о Bh. K.!
«ты мнѣ владыка, о Bh. K.!»
«царя почему ты не почтилъ? о Bh. K.!»
вотъ Bhanârî Kavâ, о Bhanârî Kavâ!
службу зачалъ, о Bh. K.!
службу служилъ, служилъ, о Bh. K.!
мѣсяцъ прошелъ, о Bh. K.!

VII.

вотъ Mâlâ, о Udhyâni Mâlâ!
вѣсть прислала, о U. M.!
въ письмѣ писала, о U. M.!
такъ говорила, о U. M.!
«моего отца, о Bh. K.!
«сыны померли, о Bh. K.!
«я твоя обѣщанная жена, о Bh. K.!
«мой отецъ, о Bh. K.!
«Gâñgasar'у меня отдаетъ, о Bh. K.!
«мой отецъ, о Bh. K.!

«семь сковородъ серебра, о Bh. K.!
«мой отецъ съѣлъ, о Bh. K.!
«въ мѣсяцѣ vaisâkha [1]), о Bh. K.!
«двадцать два брата Gâñgasar'овъ меня возьмутъ, о Bh. K.!
«тобою сосватанную жену, о Bh. K.!
«Gâñgasar'амъ отдадутъ, о Bh. K.!
«въ мѣсяцъ vaisâkha, о Bh. K.!
«коль ты любишь меня, о Bh. K.!
«дай посмотрѣть на твою кичливость, о Bh. K.!»
письмо написала, о U. M.!
въ конвертъ сложила, о U. M.!
былъ у нея ученый попугай, о U. M.!
въ домѣ выкормленный, о U. M.!
того попугая, о U. M.!
изъ клѣтки выпускала, о U. M.!
на колѣни сажала, о U. M.!
того попугая, о U. M.!
учила, наставляла, о U. M.!
«ты иди въ Mansi, о попугай!
«въ Делги ты ступай, о попугай!
«въ тотъ городъ Делги, о попугай!
«Bhânarî ушелъ, о попугай!
«ему письмо снеси, о попугай!
«предъ нимъ предстань, о попугай!»
устно, что писала, о U. M.!
попугаю передала, о U. M.!
насмѣшливое письмо, о U. M.!
попугаю на шею повязала, о U. M.!
полетѣлъ попугай, о U. M.!
вотъ попугай на дорогу вылетѣлъ, о U. M.!
полетѣлъ попугай, о попугай!
день прошелъ, о попугай!
другой прошелъ, о попугай!
третій насталъ, о попугай!

---

[1]) Vaisâkha: первый мѣсяцъ, соотвѣтствуетъ апрѣлю и маю.

попугай летѣлъ, летѣлъ, о попугай!
въ делгійскій дарваръ, о попугай!
тамъ, гдѣ совѣтъ, о попугай!
въ тотъ совѣтъ, о попугай!
въ восточное окно, о попугай!
чрезъ окно, о попугай!
въ совѣтъ влетѣлъ, о попугай!
туда, сюда смотрѣлъ, о попугай!
Bhanârî призналъ, о попугай!
на колѣна къ нему сѣлъ, о попугай!
о Kavâ, о Bhanârî Kavâ!
попугая узналъ, о Bh. K.!
на его шеѣ, о Bh. K.!
письмо увидалъ, о Bh. K.!
письмо открывалъ, о Bh. K.!
конвертъ раскрывалъ, о Bh. K.!
прочиталъ письмо, о Bh. K.!
вѣсти выслушалъ, о Bh. K.!
героя сынъ, о Bh. K.!
поднялась гордость, о Bh. K.!
разкраснѣлись глаза, о Bh. K.!
забурлила кровь, о Bh. K.!
украшенія, что на рукахъ, о Bh. K.!
къ поясу поспадали, о Bh. K.!
на рукахъ волосы, о Bh. K.!
какъ шипы поднялись, о Ba. K.!
кожа трескалась, о Bh. K.!
по нѣжному тѣлу, о Bh. K.!
вотъ предъ царемъ предсталъ, о Bh. K.!
и руки сложивъ, о Bh. K.!
говорить сталъ, о Bh. K.!
«отпусти меня, великій царь!
«моя мать, великій царь!
«сильно больна, великій царь!
«домой я пойду, великій царь!
отпускъ выпросилъ, о Bh. K.!

и домой пошелъ, о Bh. K.!
ѣды напекъ, о Bh. K.!
ѣды поѣлъ, о Bh. K.!
руки вымылъ, о Bh. K.!
дорогія шальвары, о Bh. K.!
на ноги надѣлъ, о Bh. K.!
на тѣло надѣлъ, о Bh. K.!
съ золотомъ, серебромъ одежду, о Bh. K.!
голову повязалъ, о Bh. K.!
пестрымъ турбаномъ, о Bh. K.!
опоясался, о Bh. K.!
шелковымъ шарфомъ, о Bh. K.!
на ноги туфли [1]), о Bh. K.!
туфли надѣлъ, о Bh. K.!
въ конюшню пошелъ, о Bh. K.!
на срединѣ двора, о Bh. K.!
Ragsûvâ коня, о Bh. K.!
осѣдлалъ, изготовилъ, о Bh. K.!
коня осѣдлалъ, взнуздалъ, о Bh. K.!
палку въ гвоздяхъ онъ взялъ, о Bh. K.!
верхомъ на коня, о Bh. K.!
на дорогу выѣзжалъ, о Bh. K.!
на семидневный путь, о Bh. K.!
въ срединѣ втораго дня, о Bh. K.!
доѣхалъ, о Bh. K.!
до своего дворца, о Bh. K.!
у стѣны, на дворѣ, о Bh. K.!
коня остановилъ, о Bh. K.!
съ коня сошелъ, о Bh. K.!
въ домъ взошелъ, о Bh. K.!
во второмъ этажѣ сѣлъ, о Bh. K.!
говорить онъ сталъ, о Bh. K.!
«мать! мать! сказалъ, о Bh. K.!
его мать старуха, о Bh. K.!

---

[1]) Собственно: paudi, деревянный башмакъ.

голосъ заслышавъ, о Bh. K.!
выходила къ нему, о мать, матушка!
предъ лицемъ его сѣла, о мать, матушка!
руки сложилъ, о Bh. K.!
поклонился, о Bh. K.!
«мой поклонъ, о мать, матушка!»
старуха мать сказала, о Bh. K.!
«благословенъ живи, о Bh. K.!
«хорошо ли жилось, о Bh. K.!
«въ делгійскомъ дарварѣ, о Bh. K.!
«или ты печалился, о Bh. K.!»
—«не скорбѣлъ я, о мать, матушка!
«по твоей милости, о мать, матушка!
«жилось мнѣ хорошо, о мать, матушка!
«горсть глины, о мать, матушка!
«ты на очагу разотри, о мать, матушка!
«двадцать двѣ закуски, о мать, матушка!
«тридцать шесть обѣдовъ, о мать, матушка!
«напеки мнѣ, о мать, матушка!
«двадцать двѣ чаши, столько же блюдъ, о мать, матушка!
«передо мною поставь, о мать, матушка!
къ порогу подошла, о мать, матушка!»
говорить зачала, о мать, матушка!
«обѣдъ готовъ, о Bh. K.!»
золотой стаканъ, мать, матушка!
мѣдную чашу, мать, матушка!
шелковую *dhotî*, мать, матушка!
по срединѣ двора, мать, матушка!
передъ сыномъ, мать, матушка!
разложила, мать, матушка!
покупался, Bhanârî Kavâ!
и въ шелковую dhotî облекся, Bh. K.!
солнцу сдѣлалъ приношеніе, Bh. K.!
золотой стаканъ взялъ, Bh. K.!
въ деревянные башмаки обулся, Bh. K.!
и на кухню пошелъ, Bh. K.!

приношеніе поставилъ, Bh. K.!
пять разъ глотнулъ, Bh. K.!
и обѣдъ покончилъ, Bh. K.!
руки вымылъ, Bh. K.!
во второмъ этажѣ, на восточной сторонѣ, Bh. K.!
усѣлся, Bh. K.!
сладкаго табаку, Bh. K.!
изъ чубука покурилъ, Bh. K.!
звучалъ табакъ, o Bhanârî Kavâ!

VIII.

у Гангасаровъ въ домѣ, o Bh. K.!
въ барабаны били, o Bh. K.!
знамена развѣвались, o Bh. K.!
музыка играла, o Bh. K.!
плясуны плясали, o Bh. K.!
толпились поѣзжане, o Bh. K.!
какъ закатилось солнце, o Bh. K.!
барабанные звуки, o Bh. K.!
хорошо заслышалъ, o Bh. K.!
до ушей его долетѣли звуки, o Bh. K.!
двадцать два брата, Гангасары, Гангасары силачи!
Vairînâ, Pairîṇâ, Гангасары силачи!
на дорогу выступали, o Гангасары силачи!
и шутникъ разыгрался, o Гангасары силачи!
вотъ Kavâ Bhanârî, o Bhanârî Kavâ!
перерядился такъ, o Bh. K.!
онъ въ рубище облекся, o Bh. K.!
крестъ на крестъ плащъ обвязалъ, o Bh. K.!
на дорогу выходилъ, o Bh. K.!
и къ дому корзинщика онъ пошелъ, o Bh. K.!
«o братъ корзинщикъ, o корзинщикъ, братъ!
«дай ты мнѣ, корзинщикъ, братъ!
«большую и малую плетенку, корзинщикъ, братъ!
«мнѣ ты дай, корзинщикъ, братъ!»
съ корзиною на плечѣ, o! Bh. K.!

съ палкою въ рукѣ, о! Bh. K.!
потихоньку пошелъ, Bh. K.!
на дорогу выходилъ, Bh. K.!
къ поѣзжанамъ подойдя, Bh. K.!
«мой поклонъ! сказалъ, Bh. K.!»
«живи долго, корзинщикъ, братъ!»
вотъ заговорилъ корзинщикъ, братъ:
«твой шутникъ [1]), твой барабанъ, Гангасаръ силачъ!
«не по душѣ мнѣ, Гангасары силачи!
«мое тѣло, Гангасары силачи!
«ломиться стало, Гангасары силачи!
«щитъ и мечъ, Гангасары силачи!
«въ руки дайте мнѣ, Гангасары силачи!
«стану шутникомъ, поиграю, Гангасары силачи!»
«хорошо, братъ, корзинщикъ, братъ!
«будь шутникомъ, поиграй корзинщикъ, братъ!»
«свою одежду, Гангасары силачи!
«дайте мнѣ, Гангасары силачи!
«мою большую и малую корзину, Гангасары силачи!
«вы себѣ возьмите, Гангасары силачи!»
«хорошо, сказали тѣ, о корзинщикъ, братъ!
«щитъ и мечъ, о корзинщикъ, братъ!
«въ руки возьми, о корзиньщикъ, братъ!
«шутникомъ будь, поиграй, корзинщикъ, братъ!»
«вы мои господа, Гангасары силачи!
«вотъ я корзинщикъ, Гангасары силачи!
«шутникомъ буду, поиграю, Гангасары силачи!
«и пораню коль кого, Гангасары силачи!
«вы не гнѣвайтесь, Гангасары силачи!»
забилъ въ большой барабанъ корзинщикъ, братъ!
заигралъ корзинщикъ, братъ!
словно кукла заплясалъ корзинщикъ, братъ!
онъ впередъ и назадъ корзинщикъ, братъ!

---

[1]) Chvâlâ, шутникъ, тотъ кто на свадьбѣ съ мечемъ и щитомъ пляшетъ, шутки шутитъ.

поплясывалъ корзинщикъ, братъ!
поигрывалъ шутникъ корзинщикъ, братъ!
жениху вотъ корзинщикъ, братъ!
носъ и уши поотрѣзалъ корзинщикъ, братъ!
зачалъ говорить корзинщикъ, братъ!
«ножемъ порѣзалъ, Гангасары силачи!
«отъ меня это случилось, Гангасары силачи!
«не гнѣвайтесь, Гангасары силачи!»
«зачѣмъ гнѣваться, корзинщикъ, братъ?
«поиграй еще, корзинщикъ, братъ!
«пошути, поиграй на барабанѣ, корзинщикъ, братъ!»
у двадцати двухъ братьевъ Гангасаровъ, у Гангасаровъ силачей!
носы, уши поотрѣзаны, у Гангасаровъ силачей!
двадцать два брата Гангасаровъ силачей, Гангасары силачи!
безъ носовъ, безъ ушей, Гангасары силачи!
отдѣлалъ хорошо Гангасаровъ силачей!
поѣзжане, Гангасары силачи!
по пути идутъ, Гангасары силачи!
и въ деревню пришли, Гангасары силачи!
у стѣны, на дворѣ, Гангасары силачи!
столпились поѣзжане, Гангасары силачи!
разостлали коверъ, Гангасары силачи!
посѣлись, Гангасары силачи!
трубки табаку, Манвалы братья!
поѣзжанамъ роздали, Манвалы братья!
вотъ ихъ брахманъ, Гангасаровъ силачей!
сталъ имъ говорить, о Гангасары силачи!
«приношеніе сдѣлайте, Манвалу, жениху!
«принесите мѣдный сосудъ [1]), сѣдалище Манвалу, жениху!
«съ цвѣтами корзину Манвалу жениху!
«украшенія, одѣянія Манвалу жениху!

---

[1]) Kûni, мѣдный сосудъ. Приношеніе дѣлать, *çelikari*: на мѣдной тарелкѣ устанавливаются четыре свѣтильника, и одинъ въ срединѣ. Сюда же кладутся цвѣты, рисъ и красный составъ, для проведенія tîlaka, или черты на лбу. Служанка подноситъ это жениху, который отдариваетъ ее деньгами.

«приношеніе сдѣлайте, Манвалу жениху!»
отдаривалъ Манвалъ женихъ!
толпились поѣзжане, Гангасары силачи!
обѣдъ поѣдали, Гангасары силачи!

IX.

Bhanârî Kavâ, o Bhanârî Kavâ!
позадумался, o Bh. K.!
оттуда всталъ, Bh. K.!
внутри дворца, Bh. K.!
сѣлъ, Bh. K.!
заговорилъ тамъ, Bh. K.!
«хорошо ли тебѣ, o Udhyânî Mâlâ?
Mâlâ, o Udhyânî, o Udhyânî Mâlâ!»
много гнѣвалась, o Udhyânî Mâlâ:
«много дней, o Bh. K.!
«незаботился ты, o Bh. K.!
«мой отецъ, o Bh. K.!
«онъ шумѣлъ, o Bh. K.!
«и меня, твою сосватанную жену, o Bh. K.!
«Гангасарамъ отдалъ, o Bh. K.!
«тебѣ писала, o Bh. K.!
«письмомъ извѣщала, o Bh. K.!
«тебя звала, o Bh. K.!
«что же ты сдѣлалъ, o Bh. K.?

X.

сталъ говорить Bhanârî Kavâ:
«настала минута свадьбы [1]), Гангасары силачи!
«въ цвѣтущемъ саду, Гангасары силачи!
«возліянія и жертвы принесите, Гангасары силачи!
«въ цвѣтущемъ саду, Udhyânî Mâlâ!»
дѣвою перерядился, Bh. K.!
среди цвѣтущаго сада, Bh. K.!

---

[1]) *Lagna*, см. Bate, s. v. Здѣсь—счастливый моментъ для свадьбы.

стали играть свадьбу, Гангасары силачи!
девять разъ покружились вокругъ древа [1]), Гангасары силачи!
покружились, Гангасары силачи!
впереди, впереди шелъ Bh. K.!
вареный рисъ разбрасывалъ Bh- K.!
и ихъ свадьба, Гангасаровъ силачей!
къ концу пришла, о Гангасары силачи!
прошла ночь, разсвѣло, о Гангасары силачи!
толпа поѣзжанъ, Гангасары силачи!
стала изготовляться, Гангасары силачи!
въ барабаны забили, Гангасары силачи!
словно двѣнадцатилѣтняя (дѣвушка) Bh. K.!
внутри дома сидѣлъ Bh. K.!
въ невѣстину одежду Bh. K.!
самъ нарядился Bh. K.!
ожерелье изъ рупи Bh. K.!
на себя надѣлъ Bh. K.!
и въ данди [2]) онъ сѣлъ, Bh. K.!
на дорогу выходили Гангасары силачи!
шли, шли Гангасары силачи!
на перекресткѣ, у пяти дорогъ, о Гангасары силачи!
вотъ изъ данди, Гангасары силачи!
говорить сталъ Bh. K.!
«посидите здѣсь, Гангасары силачи!
«я въ лѣсокъ пойду за нуждою, Гангасары силачи!»
и пошелъ туда Bh. K.!
постоялъ въ лѣсу Bh. K.!
украшенія, одѣянія Bh. K.!
ожерелье изъ рупи Bh. K.!
все поспряталъ Bh. K.!
къ поѣзжанамъ подошелъ Bh. K.!

---

[1]) *Pheri*, т. е. тоже что скр. parikrâma, хожденіе кругомъ. Во время свадьбы невѣста и женихъ въ саду ходятъ кругомъ вѣтки дерева *chil*. Это мѣсто называется *Saldâ*.

[2]) *Данди*, носилки; въ нихъ сидятъ бокомъ; исключительно употребляются въ горахъ.

мечъ и щитъ Bh. K.!
въ рукѣ несъ Bh. K.!
въ первый разъ размахнулся Bh. K.!
одинъ двадцатокъ перерѣзалъ Bh. K.!
въ другой разъ Bh. K.!
два двадцатка перерѣзалъ Bh. K.!
въ третій разъ Bh. K.!
сталъ онъ биться Bh. K.!
тридцать двадцатковъ перерѣзалъ Bh. K.!
какъ козловъ перерѣзалъ Bh. K.!
на дорогу выходилъ оттуда Bh. K.!
предъ Udhyânî Mâlâ предсталъ Bh. K.!
въ плащъ посадилъ ее Bh. K.!
увелъ ее и убѣжалъ Bh. K.!
и туда, гдѣ были поѣзжане Bh. K.!
увелъ ее Bh. K.!
показалъ ей все Bh. K.!
и самъ сѣлъ Bh. K.!
былъ тамъ нѣмой Гужія, о Bh. K.!
говорить сталъ Гужія, нѣмой:
«меня ты не убивай, Bh. K.!
«твои ноги стану тереть, Bh. K.!
«твой очагъ обмазывать, Bh. K.!»
утомился Bh. K.!
и въ шалашѣ Bh. K.!
въ тѣни сѣлъ Bh. K.!
и возжаждалъ Bh. K.!
«принеси воды, Гужія нѣмой!»
за водою пошелъ Гужія нѣмой!
почерпнулъ воды Гужія нѣмой!
съ рѣки круглый камень Гужія нѣмой!
подъ платье спряталъ Гужія нѣмой!
пришелъ, предъ нимъ предсталъ Гужія нѣмой!
задремалъ Bh. K.!
вынулъ камень Гужія нѣмой!
ему въ голову бросилъ Гужія нѣмой!

и въ голову ему попалъ, о Bh. K.!
вскочилъ Bh. K.!
снялъ турбанъ Bh. K.!
кругомъ головы обвязалъ Bh. K.!
схватилъ онъ Гужія нѣмаго!
на четыре части разсѣкъ его Bh. K.!
къ Индрѣ, во дворецъ ушелъ Гужія нѣмой!
снялъ турбанъ Bh. K.!
и тутъ же померъ Bh. K.!
осталась Udhyânî Mâlâ, o Udhyânî Mâlâ!
стала она говорить U. M.!
по дорогѣ шли разнощики! [1])
стала имъ говорить, U. M.!
«о братцы разнощики, разнощики братцы!
«костеръ приготовьте, разнощики братцы!
«кто мнѣ костеръ изготовитъ, разнощики братцы!
«того женою стану, разнощики братцы!»
шесть двадцатковъ разнощиковъ, разнощики братцы!
костеръ изготовили ей разнощики братцы!
o Mâlâ Udhyânî, o Udhyânî Mâlâ!
омылась, выкупалась U. M.!
сандаломъ вытерлась U. M.!
на костеръ стала U. M.!
и подожгла его U. M.!
разгорѣлся огонь, U. M.!
прыгнула туда U. M.!
съ супругомъ вмѣстѣ U. M.!
освободилась она, o Bh. K.!
шесть двадцатковъ разнощиковъ, разнощики братцы!
безнадежны ушли разнощики братцы!

---

[1]) Pîṭheru, разнощикъ, коробейникъ.

20.

I.

Въ Камаонѣ родился царь Рудрачандра, въ Сирâкотѣ родился царь Хармалъ, въ Галкотѣ родился Пурка-пантхъ.

Сирâкотскаго царя сестра была замужемъ за отцемъ царя Рудрачандры.

Отдалъ приказъ царь Рудрачандра своей матери:

— Ступай принеси отъ матери соли. Коль будетъ мать тебя спрашивать, сколько соли тебѣ нужно, ты соли не бери, а скажи: прошу въ приданое копи въ Жварѣ и Дармѣ [1]).

Изготовила жена царя Рудрачандры носилки и взяла съ собою пять, семь рабовъ, рабынь и служанокъ.

На полъ-пути въ Сирâкотъ, въ Чâнипатѣ она отдыхала.

И былъ у царя Хармала песъ, кличкою Пари; далъ царь псу турбанъ, браслеты и кольцы; далъ ему носить наряды и одѣяніе, на шеѣ повѣсилъ золотое ожерелье и въ уши серьги.

Придетъ ли хорошій человѣкъ къ царю на поклонъ:

— Поклонись сначала собакѣ, скажетъ ему царь, а затѣмъ кланяйся мнѣ!

И былъ въ той странѣ завсегда таковъ обычай: поклонившись сначала собакѣ, царю затѣмъ кланялись.

Пришелъ на царскую кухню, варить молоко съ водою, Нари, царскій поваръ. И какъ всталъ царь и помолился, сказалъ онъ повару:

— Возьми въ руки панеу [2]), зачинай пляску и пѣсню!

Отвѣчалъ поваръ:

— Мнѣ брахманы приказали: не твое дѣло пѣть и плясать. Ходилъ я на царскую кухню лишь затѣмъ, чтобы варить.

Разгнѣвался царь и сказалъ:

---

[1]) *Jvâra* и *Dârma*, соленыя копи, на сѣверѣ Камаона у границъ Тибета.

[2]) *Paneu*, черпалка, здѣсь вѣроятно тоже, что paṇava: небольшой барабанъ.

— Коль неисполнишь моего приказанія, выгоню тебя отсюда и накажу!

Испугался бѣдняга, взялъ въ руки панеу и сталъ плясать.

— Пой! сказалъ ему царь, и запѣлъ бѣдняга громко:

— Меня зовутъ Нари, тебя зовутъ Хари, собаку зовутъ Пари! Пойдешь, чрезъ рѣку Кâли переправляйся. Пойдешь живой, умрешь!

— Какъ пройдутъ отъ нынѣшняго дня десять или пятнадцать дней, сядетъ твоя сестра и скажетъ: позоветъ меня братецъ, такъ приду. Ты же неимѣй стыда!

Разгнѣвался тутъ царь на брахмана и отставилъ его!

Послалъ царь своихъ слугъ къ сестрѣ въ Чâнипату, спросить о здоровьѣ:—Ты скажи, Чâнâпâтâ, зачѣмъ пришла сюда? Кто послалъ тебя и за какимъ дѣломъ?

Отвѣчала Чâнâпâтâ:

— Послалъ меня твой племянникъ, попросить у братца овощей и соли. Вотъ зачѣмъ я пришла къ тебѣ!

— Сколько соли нужно тебѣ? спросилъ царь.

Отвѣчала царю сестра:

— Не хочу я соли на вѣсъ! Коль желаешь дать мнѣ соли, отдай мнѣ въ приданое копи въ Дармѣ и Жварѣ!

Сказала сестра и разгнѣвался царь.

— Не сестра ты мнѣ, сказалъ царь, а врагъ! Ты страну мою просишь! Коль отдамъ тебѣ свою страну, гдѣ же стану царствовать?

И приказалъ царь своимъ слугамъ:—Выгоните отсюда сестру!

Уходя, сестра кляла брата: Какъ ты меня обидѣлъ, такъ да будешь и ты обиженъ!

Въ торопяхъ вернулась она въ Камаонъ и отъ стыда непоказывалась собственному сыну; заперлась въ своихъ покояхъ.

II.

У Рамапантха было три сына отъ повѣнчанной жены: Мани, Бхаги, Виду, и одинъ Пурканантхъ отъ наложницы.

Ссорились они между собою. Царю Рудрачандрѣ просьбу подавали. Было у ихъ отца четыре лакха [1]) богатства; умеръ отецъ, Рама-

[1]) Lakh (т. е. laksha): сто тысячъ (подразумѣвается руии) или десять тысячъ фунтовъ.

пантхъ, и гдѣ было его богатство, о томъ знала мать Пуркапантха.

Стала повѣнчанная жена съ сыновьями просить у Пуркапантха свои части. А онъ погрозился убить ихъ. Былъ онъ великій силачъ. Вотъ они и взмолились къ царю: Схвати, царь, Пуркапантха.

Пришелъ отъ царя приказъ: Подѣлите добро на три части; одну часть отдайте царю, двѣ себѣ возьмите!

Кончился споръ; повиновался Пуркапантхъ предъ царемъ, а какъ пришелъ домой, не далъ ничего братьямъ. Тѣ опять къ царю съ просьбою; послалъ царь двухъ солдатъ; схватили Пуркапантха и привели къ царю.

— Ты зачѣмъ моего приказа непослушался? спросилъ царь.

Застыдился Пуркапантхъ и положилъ на него царь пѣню въ два лакха рупи.

— Бѣдный я человѣкъ, говоритъ Пуркапантхъ. За что ты меня такъ обижаешь? Твою мать царь Хармалъ обидѣлъ! Изъ Сирâкота ее выгналъ, а тебѣ и срама нѣтъ!

— Это мое дѣло, говорилъ царь; ты зачѣмъ объ этомъ говоришь?

— Жаденъ ты, царь, до богатства. На что тебѣ два лакха? Четыре лакха тебѣ дамъ, какъ завоюю Сирâкотъ, одинъ лакхъ тебѣ дамъ, одинъ лакхъ—коль завоюю Жваръ и Дарма; а завоюю Гарвалъ дамъ два лакха.

— Хорошо! согласился царь.

Набрали войско; приготовились и оружія изготовили. Подошелъ Пуркапантхъ къ рѣкѣ; увидалъ, что моста нѣтъ, сдѣлалъ мостъ изъ шерстяныхъ одѣяній и переправился. Подошли къ Чâнипата, въ Сирâкотѣ. Узналъ объ этомъ Хармалъ и говоритъ себѣ: Племянникъ пришелъ убить меня!

Запершся онъ въ крѣпости и окружилъ ее силачами. Стояли они кругомъ крѣпости шесть мѣсяцевъ. У Чâнипата стоялъ лагеремъ Рудрачандра. Крѣпость же была на верху, на горѣ, а Чâнипата внизу. Снизу выстрѣлы не попадали въ цѣль, а сверху, изъ крѣпости попадали всякій разъ, какъ выстрѣлятъ.

Вотъ разъ, какъ Пуркапантхъ купался, сверху, изъ крѣпости силачъ Сâтана Сауна выстрѣлилъ и попалъ въ голову Бхагипантха,

брата Пурбапантха. Увидалъ Câтана Сауна, что онъ палъ и пошелъ къ царю Хармалу. Поклонился царю.

— Ты зачѣмъ оставилъ крѣпость и пришелъ сюда? спросилъ его царь.

— Разъигрался силачъ на конѣ. Я въ него выстрѣлилъ, онъ и повалился!

Захотѣлось царю Хармала узнать, какой силачъ убитъ и послалъ онъ въ лагерь ко врагу угощеній, козла, всякой ѣды и питья. И думаетъ про себя царь: Въ чьей семьѣ силачъ убитъ, та семья мяса не станетъ ѣсть; коль никто не убитъ, такъ всѣ станутъ мясо ѣсть! [1])

А Пуркапантхъ вотъ что сдѣлалъ; положилъ потихоньку убитаго брата на носилки. — За помощью идемъ! говоритъ всѣмъ. Стащилъ мертваго къ Рамесвару; тамъ и сжегъ.

Убили въ лагерѣ козла и стали всѣ ѣсть, а тѣмъ, у кого родные побиты, наварилъ Пуркапанта плодовъ Timalâ. Пришли соглядатаи, смотрятъ: всѣ въ лагерѣ ѣдятъ. И дошла до Сирâкотскаго царя вѣсть: всѣ въ лагерѣ мясо ѣдятъ! Не узналъ онъ, кто убитъ и сколько.

Стояло войско у крѣпости шесть мѣсяцевъ. Вотъ и говоритъ Пуркапантха царю Рудрачандрѣ: Шесть мѣсяцевъ мы здѣсь трудимся; перерядимся факирами, возьмемъ въ руки *tumbâ* [2]); пойдемъ за помощью въ Dhimâlî, гдѣ мой дядя живетъ!

Пошли оба туда, царь Рудрачандра и Пуркапантха, и ничего не получили тамъ. Увидала ихъ тетка и позвала въ домъ.

— Дай намъ поѣсть! говорятъ оба, а себя не назвали, кто они.

Говоритъ старуха снохѣ: Дай факирамъ молока, дай имъ рису; свари имъ молочной кашки изъ рису; дай имъ далу и бхата [3]).

Наготовила всего этого сноха; принесла въ чашечкахъ изъ листьевъ [4]) и поставила передъ факирами.

---

[1]) По смерти родственника не ѣдятъ мяса десять дней. Сынъ по смерти отца не ѣстъ мяса годъ или два.

[2]) *Tûmbâ.* Bate, s. v. a hollowed gourd; the rind of a gourd in which mendicants carry water etc.

[3]) *Dâl*, paspalum fumentaceum; *bhât*, вареный рисъ.

[4]) *Pâtala*, чашечка сдѣланная изъ листьевъ.

Вотъ царь Рудрачандра сталъ изъ середки молоко хлебать и разбросалъ рисъ по краямъ; а Пуркапантха по краямъ подбираетъ, чтобы не попадало.

Смотритъ старуха и говоритъ: Вы—какъ царь Рудрачандра съ Пуркапантхомъ; они не знаютъ, какъ побѣдить Сирâкота, а вы не умѣете молоко ѣсть!

Спрашиваетъ Пуркапантха старуху, а самъ все ѣстъ:

— А ты старуха, скажи, какъ это мы молоко не умѣемъ ѣсть? Почему царь Рудрачандра да Пуркапантха не умѣютъ Сирâкота взять? Коль этого не разъяснишь, мы ѣсть не станемъ!

Старуха говоритъ: Ѣшьте, потомъ разскажу! и поклялась.

Поѣли факиры и опять спрашиваютъ: Разъясни!

Говоритъ старуха: Кто такъ ѣстъ — кавъ вы, тотъ ѣсть не умѣетъ; коль бы вы съ краевъ начали, въ серединѣ молоко не расплескалось бы. Если царь Рудрачандра хочетъ побѣдить Сирâкотъ, такъ пусть заградитъ путь къ рѣкѣ; тогда царь Хармалъ откуда воды возметъ? Зачѣмъ онъ шесть мѣсяцевъ стоитъ у Чâнипата? Хармаловы люди сдѣлали валъ, да изъ рѣки Вамани воду пьютъ. Вотъ и сказъ!

Запомнили это царь Рудрачандра и Пуркапантха и пошли назадъ къ войску. Взяли они половину войска и поставили у рѣки Вамани, а другую поставили у Чâнипата.

Пришли люди изъ крѣпости за водою; не даетъ войско воды, обѣда нельзя изготовить. Вотъ царь Рудрачандра говоритъ: Сколько чашъ воды желаете, столько приносите; коль наполните всѣ чаши рупіями, тогда воды дадимъ, не наполните, не дадимъ!

Ослабѣлъ народъ царя Хармала. И говоритъ царь Хармалъ: Хорошо! Сколько чашъ воды нужно на кухнѣ, столько чашъ наполните золотомъ и несите!

Наполнили они золотомъ столько чашъ, сколько имъ нужно было, и понесли. Царь Рудрачандра далъ воды. Стали они такъ дѣлать, и такимъ образомъ прошло шесть мѣсяцевъ. Сперва носили большія чаши, а потомъ все меньше и меньше; все золото, что было въ домѣ, перетаскали къ царю Рудрачандрѣ; ничего не осталось.

Вотъ разъ ночью царь Хармалъ переправился черезъ рѣку Кâли и убѣжалъ. Какъ ушелъ онъ, царь Рудрачандра забрался въ крѣ-

пость и забралъ тамъ все богатство. Все что тамъ было, все попало въ руки царю Камаонскому. Забралъ онъ страны Дарма и Жваръ.

Изготовился царь Рудрачандра идти на Гарвалъ. Поставилъ Тихарійскій [1]) царь на одной рѣкѣ гнилой мостъ. Пошло войско чрезъ мостъ и изъ восьми тысячъ двѣ тысячи провалились и погибли. Была ночь, они не разглядѣли каковъ мостъ. Какъ погибли люди, тутъ они выстроили мостъ изъ шерстяныхъ одеждъ, и по этому мосту шесть тысячъ переправились на другой берегъ.

Завоевалъ Пуркапанта полъ-Гарвала. Остановился онъ въ мѣстѣ *Гарари Гвалъ*. Сидитъ тамъ и думаетъ: Изъ четырехъ лакховъ, что обѣщалъ я царю Рудрачандрѣ, заплатилъ я три, завоевавъ Дарма, Жваръ и Сирâкотъ. Осталось мнѣ завоевать Гарвалъ и отдать послѣдній лакхъ!

Сидитъ онъ тамъ и было съ нимъ человѣка четыре. Подослалъ Гарвалскій царь его убить. Закутался убійца въ плащъ, какъ нищій, а подъ мышкою держитъ мечъ. Пришелъ ночью и все ходитъ кругомъ. Думается ему: Взойду туда, гдѣ сидитъ Пуркапантхъ, попрошу ѣсть!

Подошелъ къ Пуркапантху и какъ тотъ всталъ, онъ его мечемъ разсѣкъ. Услыхалъ народъ и схватилъ его.

Отдалъ царь Рудрачандра приказъ зарѣзать убійцу.

Думалъ царь Рудрачандра: Нѣтъ того, въ союзѣ съ кѣмъ воевалъ; какъ стану теперь воевать безъ союзника?

Повернулъ войско и пошелъ въ Камаонъ. Пришелъ туда и сталъ царствовать.

Не росла тамъ даже трава, гдѣ померъ Пуркапантхъ или гдѣ его кровь текла.

Призвалъ царь Рудрачандра Дума [2]) и заказалъ ему прославить имя Пуркапантхы. Сочинилъ тотъ и пѣснь и сказку о доблестяхъ Пуркапантхы. Пѣлъ онъ о его родѣ.

---

[1]) *Tihari*, теперешняя столица независимаго Гарвала.

[2]) Буквально Hudkîya, пѣвецъ и барабанщикъ, изъ касты Думъ. О Думахъ см. въ приложеніи.

21.

I.

Въ домѣ Mâхара была дочь Сауна; въ домѣ Сауна была дочь Mâхара. И были они друзьями между собою.

Сказалъ камаонскій нищій пѣвецъ [1]): Всюду я милостыню просилъ, но у Mâхара и Партьяла не просилъ!

Надѣлъ онъ двѣ шали, въ руки взялъ трость, съ двухъ концевъ заостренную [2]), и пошелъ.

Пришелъ онъ туда и что же увидалъ? Сидитъ Mâхаръ и Сауна и держатъ совѣтъ.

— Два рода здѣсь сидятъ! сказалъ пѣвецъ, что мнѣ дѣлать теперь? Про чей родъ сперва пѣть?

— Нищій пѣвецъ, говорила ему старуха, зачѣмъ здѣсь стоишь?

— Что мнѣ дѣлать, царица, отвѣчалъ пѣвецъ. Спою ли сперва про родъ Mâхаровъ, разгнѣвается Сауна. Спою ли про родъ Сауна, Mâхаръ разгнѣвается!

Говорила тутъ старуха: Про чей родъ споешь, отъ того и коня и шаль получишь!

— Хорошее слово! сказалъ себѣ въ умѣ пѣвецъ. Пошелъ онъ въ царскій совѣтъ; пришелъ туда и запѣлъ сперва про родъ Mâхаровъ:

— Mâхоры, владыки Галкила; [3]) на востокѣ Mâхоры и на западѣ Mâхары; на сѣверѣ Mâхары и на югѣ Mâхары! Ихъ сыны съ мечами, ихъ дочери по домамъ сидятъ! Ихъ мельницы быстры и буйволы яры!

Въ игры играли въ то время Ратувâ Mâхаръ и Сужâнâ Саунъ. Сказалъ Сужâнâ Саунъ:

— Въ четырехъ странахъ, пѣвецъ, ты воспѣлъ Mâхаровъ. Гдѣ же мѣсто для другихъ людей?

— Не гнѣвайся, царь! отвѣчалъ пѣвецъ, и про твой родъ спою!

И запѣлъ онъ про родъ Сауна: Въ битвахъ побѣдитель Сау-

---

[1]) Нищій пѣвецъ, т. е. Bhâṭ.

[2]) Посохъ, заостренный съ двухъ концевъ называется *Barchâ*.

[3]) Названіи родового помѣстья Mâхаровъ.

— Гдѣ твой отецъ Лалисауна?

— Убилъ его обманомъ царь Пахаръ Сâхû. Пришелъ я къ стопамъ царя. Теперь какое будетъ царское приказаніе!

Отдалъ царь приказъ: Коль пойдешь за рѣку Кâли, такъ Дâнâкотъ твое мѣсто! Коль останешься въ Камаонѣ, деревня Сауна твоя! —Указалъ царь въ дарственной записи: такія-то мѣста твои!

Остался доволенъ Жаясингъ: Милостивъ ко мнѣ царь! Что ни прикажетъ, тому повинюсь!

Сталъ онъ служить и повиноваться. Ходилъ на охоту и приносилъ царю дичь. Царь былъ имъ доволенъ. Что прежде совѣтники обсуждали, то сталъ Жаясингъ обсуждать.

Стали совѣтники ему завидовать. Вотъ разъ Жаясингъ пошелъ на охоту. У камаонскихъ совѣтниковъ были сыновья; говорили отцы дѣтямъ:

— Дѣти, ушелъ Жаясингъ на охоту; ступайте въ его домъ. Сегодня *Холи*[2]); насмѣйтесь надъ его семьей!

И послали они сыновъ. Какъ сказали отцы это слово, собрались сорокъ-пятьдесятъ юношей и пошли въ домъ Жаясинга. Пришли и стали смѣяться надъ женщинами. Попрятались всѣ женщины. Малые взошли въ домъ и говорятъ женамъ Жаясинга:

— Что же вы намъ ничего не приготовили поѣсть, да попить! Эхъ! что же намъ ѣсть?

Вотъ идетъ Жаясингъ съ охоты домой. Живыхъ звѣрей тащитъ за веревку, а мертвыхъ на плечѣ. Пришелъ домой и спрашиваетъ домашнихъ:

— Гдѣ же ѣда? Отчего не готова?

Говоритъ ему мать:

— Ты зачѣмъ на охоту ходишь? Ѣлъ бы отцовское мясо! Сошлись камаонцы, да насмѣялись надъ нами! Коль за отца не отомстишь, такъ не жить намъ здѣсь!

Всѣ жены говорятъ тоже. Послалъ Жаясингъ работника, искать Дуна Айра, въ домѣ ли онъ, или нѣтъ? Былъ сильный человѣкъ Кужаръ-Пасалъ (Kujar-Pasâl), онъ пошелъ туда.

---

[2]) *Holi*, см. Elliot's Memoirs II, стр. 329: индійскій праздникъ, въ мартѣ.

Говорилъ ему Жаясингъ Сауна:

— Въ Дâнâкотѣ есть сильный жимидаръ (землевладѣлецъ) Мадхія (Madhîyâ). Ступай къ нему и спроси его: дома ли Дуна Айри, или ушелъ куда?

Перешелъ тотъ человѣкъ чрезъ рѣку Кâли; къ кому указалъ Жаясингъ, къ тому и пришелъ.

— Гдѣ Дуна Айри? спрашиваетъ. А тотъ отвѣчаетъ:

— У Дуна Айри сынъ родился. Шестой уже день; сегодня обряды станутъ свершать. Пошелъ онъ въ патти [1]) собирать оброкъ, на расходы. Четвертаго дня приходилъ и опять ушелъ. Сегодня непремѣнно придетъ! Пойди, посмотри, можетъ уже и пришелъ!

Переправился работникъ ночью чрезъ рѣку Кâли и предсталъ предъ Жаясингомъ.

— Мое дѣло исполнилъ! Приготовляйся! говорилъ онъ ему.

Говорилъ Жаясингъ женѣ: Свяжу твоего братца веревкою и приведу! Давай веревку!

Принесла жена веревку и говоритъ:

— Ты хоть и силенъ, да молодъ. А моему брату тридцать два года. Что ни день, то ѣстъ яду, по *шеру* вѣсомъ. Грызетъ желѣзные шары въ *нали* вѣсомъ. Такой мой братецъ силачъ! Сдѣлай такъ, чтобы ты живъ остался. Мое счастье съ тобою вѣчно жить. Возвращайся домой!

III.

Вышли на дорогу лучшіе люди. Кормилъ Лалисауна въ своемъ домѣ факира. Факиръ и говоритъ:

— И я пойду!

Пошли, переправились чрезъ рѣку Кâли и дошли до рѣки Гогуна. Былъ день, настала ночь. Вотъ раннимъ утромъ Кужаръ-Пасалъ заснулъ. Ударилъ его Жаясингъ и говоритъ:

— Говори, гдѣ же Дуна Айри? Ты зачѣмъ лгалъ?

Сказалъ это Жаясингъ, да и заснулъ. Вотъ Кужаръ-Пасалъ да факиръ, оба не спали; толкнули они Жаясинга и говорятъ:

---

[1]) См. выше стр. 212, прим. 2.

— Ты говорилъ, что Дуна Айри не пришелъ! Смотри, скачетъ конь и звучатъ на немъ украшенія!

Обвязалъ Жаясингъ оружіе и сталъ на дорогѣ. Говорилъ онъ дядѣ Хара Саунѣ:

— Ты на дорогу не становись! — А самъ сталъ впереди и кричитъ: Берегись!

— Кто это? спрашиваетъ Дуна Айри.

— Я, Жаясингъ Саунъ!

— Зачѣмъ пришелъ? спрашиваетъ силачъ.

— Дай мнѣ отомстить!

— Меня зарѣзать пришелъ! подумалъ силачъ. Погналъ коня и побѣжалъ!

— Вотъ такъ дѣло! кричитъ ему вслѣдъ Жаясингъ. Силачу бѣжать не слѣдуетъ!

Приготовились воевать. Взяли щиты и мечи и стали биться. Дуна Айри сошелъ съ коня и сталъ биться.

— Зачѣмъ мнѣ уходить? говоритъ Дуна Айри, и стали два силача биться. Прошли десять, пятнадцать мгновеній. Вотъ силачъ Жаясинга натянулъ лукъ и говоритъ:

— Ты сперва не бей; пусть будетъ такъ: на себя беру отомстить за твоего отца!

Жаясингъ былъ юнъ, двѣнадцати лѣтъ; усталъ онъ. А Кужаръ-Пасалъ прицѣлился, да изъ-за дерева пустилъ стрѣлу, и выбилъ глазъ у Дуна Айри. Тутъ напалъ Жаясингъ Сауна съ мечемъ, кричитъ:

— Что отмстилъ-ли я?

Снесъ мечемъ голову и стоитъ на своемъ мѣстѣ. Побѣжалъ тутъ дядя убитаго. Погнались за нимъ въ слѣдъ Хара Сауна, дядя Жаясинга Сауна, Вамани Саунъ. Садаръ Айри бѣжалъ, бѣжалъ да и попалъ въ болото. Хотятъ его убить, а онъ подойти не даетъ. Звалъ Жаясингъ дядю. Пришелъ тотъ и говоритъ:

— Садаръ Айри не даетъ подойти!

Рѣшилъ Жаясингъ, что самъ убьетъ его.

— За брата я отмщу! сказалъ Хара Саунъ. Вынулъ мечъ и зарѣзалъ Садаръ Айри.

*

IV.

Проголодались Сауны и пить имъ захотѣлось.

— Принеси напиться! говорилъ Жаясингъ Кьюва Саунѣ (Kyuvâ Sauna). Взялъ тотъ чашу и пошелъ.

Факиръ Гарвâсъ, котораго Лалисауна кормилъ, на мельницѣ мололъ и про себя говорилъ:

— Мелю, и намоловъ, хлѣбомъ Жаясинга накормлю. И за батюшку Лали отмщу!

Вотъ Кьюва Сауна, что за водою ходилъ, увидалъ факира на мельницѣ.

— Кьюва, батюшка, откуда идешь? Гдѣ Сауна? спрашиваетъ факиръ.

— Голодны мы, говоритъ Кьюва Сауна, нѣтъ ли чего пожевать!

— Айри, батюшка убитъ или нѣтъ? спрашиваетъ опять факиръ.

— Всѣхъ побили!

— Куда идти, искать Айри батюшку? говорилъ опять факиръ и сталъ точить ножъ.

— Батюшка, ты зачѣмъ это дѣлаешь? спрашиваетъ его Кьюва. А факиръ говоритъ:

— Айри батюшка убѣжалъ, а Кьюва здѣсь!

— Убьетъ онъ меня навѣрное! подумалъ Кьюва и побѣжалъ. Факиръ за нимъ слѣдомъ. Схватилъ его и убилъ. Отрѣзалъ ему голову. Насыпалъ муки, взялъ голову, зачерпнулъ воды въ чашу, что̀ Кьюва принесъ, и пошелъ по дорогѣ. Идетъ и приговариваетъ:

— Айри батюшку не нашелъ, а Кьюву батюшку убилъ!

Пришелъ къ Жаясингу и поставилъ передъ нимъ голову, чашу съ водою и муку.

— Вы воевали, и я за батюшку Лали отомстилъ! говоритъ факиръ.

— Ты что сдѣлалъ? спрашиваетъ Жаясингъ.

— Гдѣ мнѣ искать Айри батюшку? Вотъ я и убилъ Кьюву-батюшку!

— Вѣдь онъ изъ нашихъ! Зачѣмъ ты его убилъ?

— Съ дѣтства меня кормилъ Лали-батюшка. Коль бы нашелся

Айри-батюшка, на немъ бы отомстилъ! Жаясингъ батюшка, что хочешь, то и дѣлай!

Поѣлъ Жаясингъ и во славу отцовскаго имени говоритъ:

— Понесу я голову того, кто убилъ моего отца, понесу я голову Садаръ Айри; понесу ихъ и поставлю предъ камаонскимъ царемъ!

Пошелъ Жаясингъ къ камаонскому царю, поставилъ обѣ головы передъ нимъ и поклонился.

Засмѣялся царь и говоритъ:

— Славна твоя храбрость!

Говорилъ еще царь:

— Согрѣшилъ передъ нами твой отецъ, и разгнѣвались мы. Ради тебя, отдаемъ то, что отцу твоему было дано!

Согласился Жаясингъ и пошелъ назадъ въ Дâнâкотъ. Пришелъ туда, вырылъ отца и сжегъ вмѣстѣ съ отцемъ мать.

Дала себѣ мать обѣщаніе: Когда за мужа отмщу, тогда и сожгусь съ нимъ!

ПРИЛОЖЕНІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Бхуты.

Вѣра въ существованіе бхутовъ или демоновъ распространена по всей Индіи и въ каждой провинціи есть свои мѣстные демоны. Камаонскіе горцы не отстали отъ своихъ соотечественниковъ и имѣютъ твердую вѣру въ существованіе многихъ чертей. Вотъ нѣсколько именъ таковыхъ: Ачхари, Ужелія, Качія, Катхаита, Катьюра̂, Калавишта, Ка̂ли Çаукелû, Ка̂ланасира, Калува̂, Кедâру, Кхабисъ, Кхолія, Гûтаха̂лъ, Гулелія, Горила, Гола, Гхоранарасинхъ, Чару, Жа̂кхадевата̂, Тûкара̂мъ, Да̂ну, Дуданарасинхъ, Дха̂мадьо, Дхармія, Нарасинхъ-Махаръ, Нарасинхадевата̂, Па̂ндава, Пьура̂, Пальаръ-Дева̂нъ, Пхатиканарасинхъ, Баражосû, Брахмадьо, Бхайро, Бхола̂натхъ, Бхисауна, (м. б. Бхимасауна) Марахинха, Маçа̂нъ, Махаяли, Ла̂кура, Ла̂ту, Ва̂кадьо, Ва̂ли, Вирасинхъ-Махаръ, Çанкару, Сьюра, Сайма, Хитадайвата̂, Хару и мн. д. Число демоновъ неограниченно, или вѣрнѣе, никто хорошенько не знаетъ, сколько всѣхъ демоновъ, какъ ихъ звать и какая у каждаго изъ нихъ исторіи; вообще же говорятъ, что Бхутами дѣлаются по смерти знаменитые люди, напр. силачи; такими считаются: Сайма (о немъ упоминается въ легендѣ 10), Ка̂ли Çаукели (или Ка̂ли тибетка см. легенду 18), или же люди умершіе насильственною смертью: умерщвленные, утопленники, мертвецы, надъ которыми не были совершены погребальные обряды, т. е. которые не были сожжены (см. легенду 12).

Бхуты являются людямъ всего чаще вечеромъ или ночью. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ строятся часовни и приносятся жертвы; увидать этотъ обрядъ не легко и мнѣ не удалось присутствовать при жертвѣ Бхутамъ; но отъ одного брâхмана сиваита я досталъ описаніе жертвы, которое и передаю въ достословномъ переводѣ:

Изъ ячменной муки дѣлается образъ Бхута. Образъ этотъ окрашивается въ черную краску. На него надѣваютъ одѣянія четырехъ цвѣтовъ: чернаго, желтаго, бѣлаго, краснаго. Если Бхута мужскаго пола, то на него надѣваютъ мужскія одѣянія; если Бхута женскаго пола, на него надѣваютъ женскія одѣянія и украшенія.

Въ новый, никогда ни на что не употреблявшійся, сосудъ кладутъ: рисъ, ячмень, горчишное сѣмя, *urd* (Dolichos Pilosus). Туда же поставляется мучной образъ. Его обсыпаютъ красною краскою (sindûra) или желтою (haldî, Curcumalonga). Туда же ставятся сласти. Приносятъ все то, что потребно для жертвы: козла, курицу, ящерицу, свинью, плодъ Cucurbita pepo, *urd* (Dolichos Pilosus), рисъ.

Затѣмъ начинаютъ славить Бхута, т. е. поютъ его исторію или же слѣдующее:

«Будь доволенъ! Тебя хорошо почитаю! На мѣстѣ сердца поставлю liñga. Голоднаго брюхо наполню! Нагую главу покрою!»

Молитва эта произносится съ различными видоизмѣненіями. Затѣмъ идола приносятъ въ какое либо укрытое мѣсто и тамъ ему отводится особое мѣсто, куда сносится все принесенное бхуту; ставится глиняная чаша и каменный liñga.

Идолъ, т. е. мучной образъ, ставится въ чашу. Одѣянія и всѣ вещи ставятся вблизи каменнаго liñga.

Взявъ *Mevâ* (Annona squamosa), печеный въ маслѣ плодъ, дѣлаютъ сначала приношеніе, или же вырываютъ яму въ три фута глубины и три фута въ квадратъ. Туда ставятъ глиняный сосудъ.

Туда же въ чашу поставляютъ живыхъ пѣтуха, свинью, козленка, Cucurbita pepo, ящерицу. Или же все это поставляется около чаши, также какъ каменный liñga. Затѣмъ, омывъ лѣвую ногу, воду выливаютъ на это. Чашу прикрываютъ камнемъ.

Къ четыремъ сторонамъ вбиваются желѣзные гвозди, которые засыпаются глиною.

Вотъ все, что передалъ мнѣ брâхманъ о жертвѣ бхутамъ. Отъ него же я узналъ нѣсколько молитвъ:

1) О Хару, будь милостивъ!
Хару богъ, подай день не жаркій!
Хару богъ! Хару — на полѣ сѣмена да будутъ равны!
Хару богъ! Богъ, пусть ночью дождь идетъ!
Пока ты Хару богъ милостивъ! Пока на полѣ вода, дотолѣ дѣло есть! Женамъ дѣло есть, Хару богъ!

2) О Бханари Раута, Бханари Раута, сѣренькій денекъ подай!
Бханари Раута, пока сѣмена въ полѣ, о Бханари Раута!
ты будь милостивъ, о Бханари Раута!
четыремъ плугамъ и воламъ, Бханари Раута!
въ болотахъ было бы легко, Бханари Раута!
хлѣба полна корзина была бы, Бханари Раута!
какъ поѣдятъ хлѣбъ люди, Бханари Раута!
воды было бы напиться, Бханари Раута!
и какъ станутъ сажать, Бханари Раута!
тысяча да шесть сотъ сѣятелей было бы, Бханари Раута!
да четыре раза двадцать женъ для сѣва были бы, Бханари Раута!
спѣшите, спѣшите, сажаніе кончилось!
сѣять станемъ, Бханари Раута!

Бхуты призываются также въ заговорахъ; образцомъ этихъ заговоровъ, можетъ служить слѣдующій, доставшійся мнѣ изъ того же источника:

«Чту! Связываю: зло наговора Бхутовъ Маçâновъ. Зло восточнаго наговора привязываю къ востоку, западнаго наговора къ западу, сѣвернаго къ сѣверу, южнаго къ югу.

Четырехъ странъ зло Бхутовъ Маçâновъ, зло наговора къ четыремъ странамъ привязываю.

Вѣрою моею привязываю, силою наставника привязываю.

Въ какой ты странѣ, въ той и оставайся. Моихъ словъ не послушаешь, въ голову тебѣ вобью желѣзный колъ, въ хвостъ твердый камень.»

Кхабисы, Масâны и Раутаны суть бхуты, являющіеся толпами и всегда съ намѣреніемъ повредить человѣку; особенно страшны Кхабисы: они живутъ по берегамъ рѣкъ, около мѣстъ

глубокихъ, и забавляются тѣмъ, что увлекаютъ мужчинъ и женщинъ въ пучину. Съ этою цѣлью, часто они принимаютъ образъ близкаго родственника избранной ими жертвы, или же не показываются и привлекаютъ къ себѣ какого нибудь запоздалаго путника, выкрикивая голосомъ близкаго ему человѣка.

О другихъ бхутахъ разсказываютъ, но не охотно, цѣлыя исторіи. О демонѣ Ветала я узналъ отъ одного Дума слѣдующія подробности. Передаю ихъ такъ, какъ они были мною записаны:

Ветала богиня, родилась сама собою въ деревнѣ Сироли.

Прежде здѣсь обиталъ богъ Сива.

Оба бога жили въ одномъ мѣстѣ. Черный камень, (есть) сильный Вира Ветала. У него было тысяча шесть сотъ боговъ на шерстяномъ сѣдалищѣ, столько же съ голыми головами (т. е. съ головами безъ покрововъ или турбановъ), столько же съ косами, столько же плясуній да Чаухара-іогини. И былъ Ветала старшимъ надъ пятидесятью двумя бхутами. Былъ онъ судья.

Во дни оны Сагабъ Тиліяръ (читай: Traill) - былъ онъ здѣсь коммисіонеромъ—однажды послалъ истца и отвѣтчика судиться туда къ Ветала.

Пришли они къ храму бога и стоятъ.

Ветала спрашиваетъ ихъ: Зачѣмъ пришли?

— Разсуди ты нашъ споръ! отвѣчаютъ они.

Затрясся тогда бѣснующій, по прозвищу Калусилу, и сказалъ:

— Коль Сагабъ Тиліяръ прислалъ васъ за рѣшеніемъ, то я, спросясь бога, дамъ рѣшеніе. Кто солжетъ, на того отмѣтку положу.

Разсказали они свой споръ, все какъ было.

Забили тогда въ барабаны. Пришелъ богъ. Калусилу трясся, трясся и сталъ пить. Выпилъ двадцать два горшка воды, да горшокъ коровьей урины. И говоритъ онъ отвѣтчику:

— Ты лжешь!

А тотъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я не лгу!

— Смотри, говоритъ ему богъ, я тебя побѣжду!

— Хорошо! отвѣчаетъ тотъ: пришелъ къ тебѣ судиться, такъ да будетъ твое рѣшеніе!

И заболѣлъ у лжеца животъ; потекла кровь и покрыла землю. Это происшествіе стало извѣстно Сагабу. Такъ наказалъ онъ лжеца.

Тогда Ветала сталъ очень могущъ!

Къ этому демону обращаются съ слѣдующей молитвой:

Чудотворецъ царь! Міръ ты вращаешь!
изъ суши зелень производишь!
изъ зелени сушь творишь!
пустошь наполняешь!
изобиліе въ пустошь превращаешь!
глину въ злато превращаешь!
изъ злата глину дѣлаешь!
на землѣ живешь, и земли ты царь!
въ лѣсу живешь, и лѣса ты царь!
52 факира ты посылаешь!
32 факира ты разсылаешь!
такова чистота бога Ветала!

Камень изображаетъ не только демона Ветала, но и другихъ бхутовъ, напр.: Жâкхадеватâ.

Отъ того же Дума я узналъ слѣд. о двухъ богиняхъ:

«На горѣ Дхолагири, на горѣ Пуньягири родились двѣ богини: Аньяри и Ужьâлû.

Отъ тѣхъ мѣстъ слава ихъ распространилась.

Бѣднякамъ они давали богатства, бездѣтнымъ потомство, очищали тѣла прокаженныхъ.

Незримыя, отъ бога рожденныя, поѣдали восемь козлятъ.

Тому кто вѣровалъ въ нихъ онѣ подавали пищу, богатство, потомство и всякую вещь.

Кто же въ сердцѣ не вѣровалъ имъ, того они посѣщали проказою и являлись ему ночью во снѣ въ видѣ Іогинû.

Аньяри принимала и съѣдала жертвы въ каждомъ домѣ.

Вмѣстѣ съ богинями принималъ жертвы ихъ сынъ Лакуравира.

Жетвоприношеніе имъ свершается въ полночь. И въ продолженіе пужи (жертвоприношенія) Pûjyârі (священнодѣйствующій) въ теченіи пяти дней ѣстъ разъ въ день, и дважды въ день (въ полдень и утромъ) омывается. Днемъ и ночью, въ продолже-

ніи десяти дней, возжигаетъ неугасимую лампу. Въ десятый день pûjâ завершается.

Или же на пятый день ночью бываетъ pûjâ.

Въ то время, когда pûjâ свершается, двери плотно притворяются; всякую щель плотно забиваютъ. Кромѣ домашнихъ, никто не входитъ въ домъ.

Если чужой взойдетъ, то свѣтильника ему не даютъ видѣть.

Въ то время, когда Лакуравирѣ приносятся въ жертву два козленка: одинъ охолощенный, другой нѣтъ, тогда противъ богини развѣшивается занавѣсъ.

Если на свѣтильникъ взглянетъ чужой, богиня присвоиваетъ того себѣ и беретъ съ него пужу.

Если тотъ человѣкъ увѣруетъ и принесетъ пужу, въ его домѣ не бываетъ ни оспы, ни холеры, ни вори, ни лихорадки, и наговоры (Kuṭkaraṭa) или Бхуты Maçâны не касаются его.

На кого богиня разгнѣвается, тому глаза ослѣпляетъ и является ему во снѣ или въ видѣ царицы или въ видѣ брахманки въ бѣломъ одѣяніи.

Въ тѣ дни, когда богинямъ приносятъ жертвы, онѣ раздаютъ радости въ міръ.»

Богини эти вселяются въ избранныхъ поклонниковъ; случается это въ дни празднествъ, при жертвоприношеніяхъ. Человѣкъ начинаетъ трястись, вопить:

Богиня Пуньягири, подай мнѣ даръ!
хо! хо! Подай мнѣ даръ!
милліоны боговъ! Подайте мнѣ даръ!
хо! хо! Подайте мнѣ даръ!

Еще нѣсколько подробностей о камаонскихъ бхутахъ можно найти въ описаніи Камаона у Traill, Asiatic Researches, vol. XVII, стр. 220 и слѣд., а такъ же въ статьѣ: The Turaee and Outer Mountain of Kumaon, Journal of the As. Society of Bengal vol. XVII, стр. 442 и слѣд.

II.

Кхасы и списокъ Камаонскихъ царей.

О Кхасахъ см. Lassen, Indische Alterthumskunde 1 Band, стр. 1020.—Troyer Râjatarañgiṇî II, стр. 321.—Wilson's Vishṇupurâṇa ed. by F. Hall, vol. II, стр. 186, прим. 6.—Sherring. Hindu Tribes and Castes стр. 242.—B. H. Hodgson Ethnography and Geography of the Sub-Himalaya въ Journal of the As. Soc. of Bengal vol. XVII, стр. 544 и слѣд. Его же Essays. part II, 37 и слѣд.

Кхасы были извѣстны въ древности; въ эпической санскритской литературѣ кхасы упоминаются наряду съ другими сѣверными народами; въ *κάσια ὄρη* Птолемея по всей вѣроятности сохранилось то же народное имя. Древніе индусы въ извѣстныхъ намъ памятникахъ не описали кхасовъ съ достаточною точностью, а потому нельзя утвердительно сказать, были ли извѣстные имъ кхасы арійскаго происхожденія; несомнѣнно, что древніе арійцы смотрѣли на кхасовъ какъ на народъ отличный отъ нихъ; таковыми кхасы упоминаются въ пуранахъ, въ Махабхаратѣ, въ законахъ Ману. Современные кхасы или кхасія распространены въ Дехрадунѣ, Гарвалѣ, Камаонѣ и Непалѣ и считаютъ себя потомками Ражпутовъ; индусы равнинъ сомнѣваются въ принадлежности кхасовъ къ высшей кастѣ. По словамъ Шерринга кхасы не имѣютъ священнаго жертвеннаго снурка и занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ; но въ Камаонѣ кхасы, называющіе себя Ражпутами, имѣютъ жертвенный снурокъ. Ходжсонъ полагаетъ, что кхасы занимали нижне-гималайскія страны до прихода сюда арійцевъ изъ равнинъ; здѣсь отъ смѣшанныхъ браковъ кхасійскихъ женщинъ съ брахманами и кшатріями образовалась настоящая раса, исповѣдующая Хиндуизмъ, забывшая свой языкъ и мало по малу утрачивающая свой первоначальный физическій типъ.

Камаонъ въ древности назывался Кхасъ-десъ, и цари изъ кхасовъ владѣли страною въ продолженіи нѣкотораго времени. Страна эта называлась также Курмâчала; ея древняя исторія очень мало извѣстна. Мнѣ удалось достать въ Алморѣ два списка

камаонскихъ царей: A, съ обозначеніемъ годовъ царствованія, получилъ я отъ упомянутаго выше брахмана, другой безъ годовъ, B, но съ нѣкоторыми варіантами, полученъ тамъ же отъ лица, имя котораго я забылъ. Мнѣ говорили въ Алморѣ, что существуетъ подробная исторія камаонскихъ царей, но за исключеніемъ нѣсколькихъ листковъ я не видалъ таковой.

Имена царей по двумъ спискамъ:

I Династія.

1. Somacandra [1])	(saṃvat [2])	742;	царствовалъ	22	года).
2. Atmacandra	»	763;	»	7	»
3. Pûrṇacandra	»	770;	»	20	»
4. Indracandra	»	790;	»	12	»
5. Saṃsâracandra	»	802;	»	21	»
6. Sudhâcandra	»	823;	»	14	»
7. Hamîracandra	»	837;	»	18	»
8. Vîṇâcandra [3])	»	855;	»	13	»

Царствованіе 8-го царя по списку A кончилось въ 868 saṃvat = 811 г. по Р. Х., и затѣмъ началась династія Кхасовъ; но списокъ B приводитъ еще царя Khalâcand.

II Династія Кхасовъ.

1. Vîjaḍa	(saṃvat 926 [4]);	царствовалъ	21	годъ).	
2. Jîjaḍa [5])	»	874;	»	7	»

---

[1]) B. приводитъ въ началѣ 13 именъ соотвѣтствующихъ 34—46 третій династіи. Эти имена попали въ начало по ошибкѣ. B. Khûmacand.

[2]) Подъ saṃvat нужно разумѣть обыкновенно употребительную эру въ Индіи, начинающуюся за 57 лѣтъ до Р. Х.

[3]) B. Vaṇîcand.

[4]) Очевидно ошибка, ибо начало слѣдующаго царствованія показано 874.

[5]) B. jaḍacand: въ этомъ спискѣ cand прибавляется ко всѣмъ кхасскимъ именамъ.

хотѣлъ передать особенности счета въ оригиналѣ легенды. Въ Камаонѣ до сихъ поръ говорятъ pânca bîsî, пять (разъ) двадцать т. е. сто, dasa bîsî, десять (разъ) двадцать т. е. двѣсти, bâr bîsî, двѣнадцать (разъ) двадцать т. е. двѣсти сорокъ, или dasa so, десять (разъ) сто т. е. тысяча. О Bîsî въ значеніи мѣры земли см. Elliot, l. c. II, 38.

[21]) Стр. 163. Подъ *шарами* разумѣются rîthâ, о чемъ см. стр. 156, прим. 1. На стр. 119 вм. roṭi читай rîthâ.

[22]) Стр. 165. Кожевникъ принадлежитъ къ низшей кастѣ, а потому я перевелъ: сынъ рабыни; Elliot l. c. vol. I, стр. 71, говоритъ: Chamârs are reputed to be a dark race.

[23]) Стр. 194. Рудрачандра (въ спискѣ стоитъ 37-мъ) построилъ Алмору и былъ современникомъ Акбара. О немъ см. Batten l. c. стр. 891. Hamilton, (l. c. стр. 293) сообщаетъ, что Акбаръ далъ ему разрѣшеніе бить монету (granted him permission to coin money in the royal name, and Persian character). О немъ же говорится: Rudra finally took Siragar (тоже что Сиракотъ) from his kinsman the Raja of Duti, for he was one of those great men that do not hesitate about trifles (ibd).

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

На стр.	строка.		
V	8	снизу:	Камаонцы
VI	2	сверху:	Камаонскихъ
XI	1	»	долина
3	11	снизу:	excepr.
22	2	»	жилище.
29	8	»	жимидаръ.
36	9	»	качари.
37	11	сверху:	домамъ
—	9	снизу:	Jyotishî
—	8	»	in (2 раза)
39	10	»	изо рту.
45	18	сверху:	сипая.
49	13	снизу:	Шли
54	4	»	(dimini) shed
—	3	»	channel
—	1	»	maunds
57	10	»	mahârâjâ
64	2	»	made
66	3	сверху:	не ѣстъ, не пьетъ.
69	1	снизу:	послѣ «другой» читай: зоветея.
70	2	»	названіе... въ которое
77	3	»	echinatus
79	3	»	Индры
82	1	»	точильщиковъ
96	2	»	In Calcutta
101	2	сверху:	царевичъ
112	4	»	Жайрâжа, Майрâжа.
114	6	«	сахаръ
119	8	»	Вайсингіи
—	7	»	rîṭhâ
123	14	снизу:	morchana
—	1	»	morchana
138	11	сверху:	двадцать

На стр.	строка.		
139	6	сверху:	Чхія
140	7	»	Вармадеву
—	9	»	Махâкâли
145	10	снизу:	Медасауну
—	3	»	говорила
—	1	»	frumentaceum
147	11	сверху:	ѣшь
148	9	снизу:	Медасаунѣ
158	8	»	сосешь
160	12	сверху:	Доти
—	7	снизу:	Doṭî
163	2	сверху:	голову
172	15	»	получше
179	15	»	Manvaldûla
189	9, 8, 7, 6,	снизу:	Манвалы
190	1	сверху:	Манвалы
—	2	»	Манваловъ
197	2	снизу:	frumentaceum
199	10	»	Пуркапантха
200	13	»	Mâхары
206	5	»	Orientalia
—	2	»	cauthî
207	4	»	called
208	14	»	нѣтъ ни одной...
210	14	»	попалъ
229	2	сверху:	Сагабу Тиліару. Наказалъ и т. д.
239	12	снизу:	краткою
—	4	сверху:	до-нага
240	14	»	хриплаго
—	9	снизу:	днѣ
245	6	»	тюркскаго

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Minaev, Ivan Pavlovič,

Indejskija skaski i legendy sobrannyje w Kamaone w 1875 g

Petersburg 1876
H.lit.p. 332 t-1/2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11333514-0